

охота

и охотничье хозяйство

7

1983

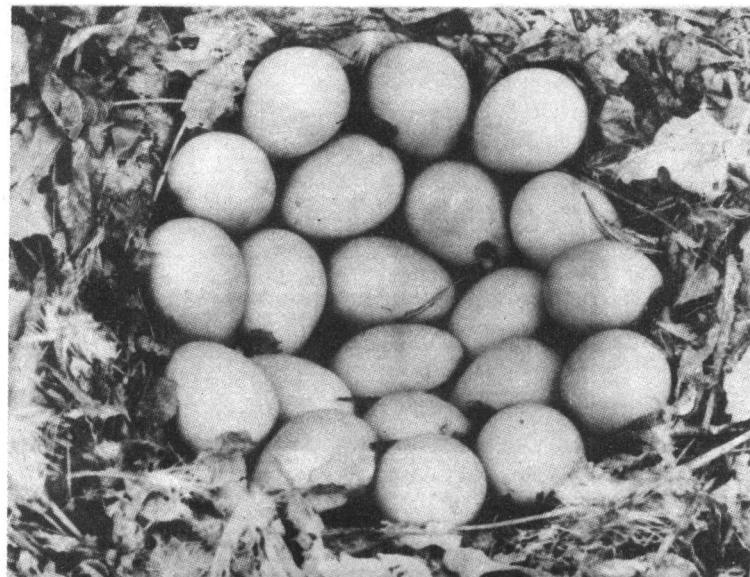
Косуленок.

Фазанка у гнезда.

Серая куропатка на гнезде.

В гнезде серой куропатки.

На первой странице обложки:

Бурундук. Представитель семейства беличьих (белки, бурундуки, сурки, суслики). Обитает в тайге Дальнего Востока, Сибири, Северо-Востока Европейской части СССР. На зиму впадает в спячку.

Фото П. РОМАНОВА

Фото Б. НЕЧАЕВА

ОХОТНИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО В КОЛХОЗЕ

«Мы должны рассматривать сельское хозяйство как огромный постоянно действующий механизм охраны, культивирования живых природных богатств. И природа воздаст нам сторицею».

Материалы XXV съезда КПСС

Охотничими угодьями в нашей стране считаются все земельные, лесные и водопокрытые площади, которые служат местами обитания диких животных и могут быть использованы для ведения охотничьего хозяйства. Они закреплены (помимо государственного резервного фонда) за различными государственными, кооперативными и общественными организациями в целях создания охотничьих хозяйств различного направления. Сейчас в стране насчитывается почти восемь тысяч спортивных и промысловых хозяйств. Основное условие этого закрепления — выполнение мероприятия по охране охотничьих животных и их воспроизводству.

В число пользователей охотничьих угодий в Российской Федерации входят союзны и колхозы, расположенные в районах Севера, которые ведут промысловое охотничье хозяйство. Других примеров закрепления охотничьих угодий за сельскохозяйственными предприятиями до последнего времени не было.

В 1975 г. за колхозом «Ленинская Искра» Чувашской АССР по его инициативе и при содействии Совета Министров республики были закреплены угодья из состава государственного резервного фонда для ведения охотничьего хозяйства. Но не только этот, сам по себе интересный факт, привлекает наше внимание к этому колхозу. Хозяйство успешно решает задачи повышения эффективности земли, ее рационального использования, комплексного ведения хозяйства и охраны природы при условии увеличения производства сельскохозяйственной продукции.

Колхоз «Ленинская Искра» расположен в северо-западной части Чувашии (Ядринский район) и имеет в настоящее время 5705 га сельскохозяйственные угодья, в составе которых 4695 га пахотных земель.

В восьмой пятилетке это было одно из самых отстающих в районе некрупных хозяйств. В числе основных причин отсталости — чрезвычайно низкое качество земли: вся территория колхоза была покрыта сетью глубоких оврагов и балок, активно наступающих на пашню. Овраги занимали около 1/5 обрабатываемой площади, их общая протяженность составляла 85 км. В этом хозяйстве самыми низкими в районе были показатели производства сельскохозяйственной продукции и оплаты труда. Средняя урожайность зерновых составляла 7,7 центнеров с гектара, надой молока на одну фуражную корову не превышал 890 кг, на трудодень выплачивалось 0,83 руб.

Нужно отметить, что по характеру и масштабам подверженности водной эрозии Чувашская АССР относится к наиболее эродированным районам европейской части страны, овраги занимают 10% площади сельскохозяйственных угодий этой республики.

Бедными были и охотничьи угодья.

После выхода в свет постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 марта 1967 г. «О неотложных мерах по защите почв от зетровой и водной эрозии» в колхозе разработали и начали осуществлять комплексную программу, представляющую собой систему мелиоративных, гидротехнических, агротехнических и природоохранных мероприятий.

Уже в 1968 г. изменили приемы агротехники, создали почвозащитный севооборот, провели облесение и залужение оврагов, прекратили в них выпас общественного и личного скота. Эти работы послужили основой целенаправленного преобразования земель колхоза.

Особо значительные изменения качества среды произошли в результате преобразования оврагов и балок: густая древесно-кустарниковая растительность (к 1979 г. посадки были созданы на площади 160 га), засеянные многолетними травами склоны, система прудов, созданная в оврагах, с общей площадью зеркала 91 га, прекращение пастбищ скота, восстановление и благоустройство родников — все это за несколько лет преобразило угодья колхоза. Бывшие прежде «раны земли», как обычно называют овраги, превращены в своеобразные оазисы, украсившие ландшафт.

«Под охраной природы, — указывал известный эколог Ч. Элсон (1960), — нужно понимать сохранение или придание ландшафту максимального экологи-

ческого многообразия — во всем мире, на каждом материке или острове и, насколько это возможно, в каждой местности».

Появление древесно-кустарниковых насаждений с включением плодово-ягодных пород и водоемов вызвали изменения микроклимата: стал чище воздух, повысилась его влажность, в прудах появилась водная растительность. Прилетели утки, кулики, в полях можно увидеть серых куропаток, стала возрастать численность птиц. З в лесопосадках загнездились певчие птицы, чему способствовало и массовое устройство искусственных гнездовий, проводимое силами школьников.

Все эти работы потребовали соответствующих значительных вложений: ежегодно на противоэрозионные мероприятия колхоз в эти годы затрачивал 40—50 тыс. руб. Была зведена должность агронома по охране природы.

Принятые меры позволили предотвратить смыв почвы, приостановить процесс оврагообразования, улучшить водный режим, повысить плодородие почв. Овраги стали давать обильные урожаи многолетних трав. Если в среднем в Чувашии выход урожая с площадей, занятых оврагами, балками, склонами, составляет 7—8 кормовых единиц с гектара, то в этом колхозе теперь получают в 10 раз больше.

Расширение площади посевов многолетних трав (клевер, люцерна) разрешило сразу несколько проблем. Эти посевы оказали противозерционное действие, повысили плодородие почв, помогли создать стабильную кормовую базу для животноводства, дали возможность заняться пчеловодством. Увеличилось головье диких животных — пернатых хищников, лисиц, певчих птиц, летучих мышей, осуществляющих биологический контроль численности мышевидных грызунов и вредных насекомых. Осуществлялись мероприятия по активной охране местобития насекомых-спылителей и энтомофагов, устройству для них искусственных убежищ и гнезд, интродукции новых видов насекомых. Было создано девять энтомологических резерватов-микроразведников, где не допускается использование ядохимикатов и минеральных удобрений.

В результате проведения всех указанных мер стало возможно получение высоких и устойчивых урожаев на всей посевной площади без применения ядохимикатов; была развернута пропаганда запрета их применения и в личных хозяйствах колхозников.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

охота

и охотничье хозяйство · 7 · 1983

Ежемесячный научно-производственный журнал
Министерства сельского хозяйства СССР
Основан в 1955 г.
Москва. Издательство «Колос».

Место подкормки куропаток и зайцев.

Искусственное гнездование для насекомых на люцерне.

Несмотря на укрупнение в 1972 и 1973 гг. (присоединение соседних мелких отстающих хозяйств) уже в девятой пятилетке рост производительности труда составил 134%, валовой доход — 154%, производство зерна — 101,6%, картофеля — 110,3%, оплата труда одна 5 руб. 29 коп., то есть увеличилась более чем в шесть раз. В десятой пятилетке средний урожай зерновых составил 28,5 центнера с гектара, колхоз занял заслуженное первое место в районе, вошел в первую десятку лучших хозяйств Чувашии.

В 1981 г., засушливом для республики, в колхозе было получено 650 тыс. руб. прибыли. Подсчитано, что около 63% этой прибыли дали природоохранные мероприятия.

В 1975 г. был заключен договор с госохотнадзором о закреплении за колхозом угодий сроком на 10 лет. Организовали прописное охотничье хозяйство общей площадью 7,4 тыс. га. В штат колхоза ввели должности охотоведа, егерей, охотсторожа.

В задачи этого колхозного охотничьего хозяйства входят: создание лучших условий для сохранения и повышения продуктивности диких животных, в том числе охотничьих, комплексное ведение охотничьего хозяйства в условиях интенсивного сельскохозяйственного производства, сохранение, обогащение, оздоровление ландшафта. На территории

охотничьего хозяйства запрещены рубки (кроме рубок ухода и санитарных), выпас скота, сбор ягод и грибов, ограничена рыбная ловля.

Начиная с 1975 г. на территории колхозного охотничьего хозяйства проводится комплекс охотхозяйственных и биотехнических мероприятий, направленных на сохранение, воспроизводство и рациональное использование диких животных.

В хозяйство завезли новые виды животных: европейских оленей, кабанов, сурков, бобров. Ежегодно на ведение биотехнических и охотхозяйственных мероприятий затрачивается 12—18 тыс. руб.

Улучшение экологического качества угодий, усиление их охраны, забота о диких животных способствовали росту их численности. Это позволило коллективу охотников проводить рациональную охоту. В основном охота ведется на кабана и лося. Продукцию реализуют через колхозную столовую: только в 1981 г. реализовано до 900 кг мяса дичи.

Несмотря на значительные успехи, большую помощь, оказываемую госохотнадзором, охотниче хозяйство колхоза по темпам развития пока еще отстает от основных отраслей. Это объясняется недолговечностью его существования, ограниченной площадью, недостаточным объемом биотехнических работ и другими причинами. Не наложен учет численности диких животных, имеются и другие недостатки. Однако они не снижают общего благоприятного впечатления об этом первом в стране опыте комплексного ведения сельского и охотничьего хозяйства.

Природоохранные и охотхозяйственные деятельность осуществляется при высоких экономических показателях по зерновому хозяйству, кормопроизводству, животноводству. В настоящее время колхоз «Ленинская Искра» — крупное многоотраслевое хозяйство с прочной экономикой, опорно-показательное хозяйство по борьбе с водной эрозией, очаг пропаганды внедрения комплексных противоэррозионных мероприятий в условиях Нечерноземной зоны.

Можно указать еще на один очень важный результат: массовое участие трудящихся в природоохранных мероприятиях привело к изменению психологии людей, занятых непосредственной эксплуатацией природных ресурсов, способствовало

повышению их экологического образования. Сказанное подтверждает пример, производимый инициатором и непосредственным руководителем этой деятельности председателем колхоза А. П. Айдаком: «Лет двенадцать назад наши механизаторы, работая на отдаленном поле, ради забавы убили барсука. Сейчас механизаторы, обнаружив в поле куропатку с выездком или гнездо луны, оставляют нескошенным этот участок» («Советская Россия», 17 августа 1982 г.).

Проводимые в колхозе мероприятия необходимы прежде всего для решения целого комплекса природоохранных и социальных задач, для воспитания у колхозников, особенно у молодежи, любви к родной земле, к родной природе..

У чувашских крестьян в старину был хороший обычай: по окончании жатвы обязательно оставлять «последний сноп перепалке» — то есть оставлять неубранным, «на корню», некоторое количество посевов. Показательно, что этот древний биотехнический прием возрождается на современной чувашской земле, когда забота о дикой фауне в условиях современного интенсивного сельскохозяйственного производства приобретает такое важное значение.

В Конституции Чувашской АССР сказано: «В интересах настоящего и будущих поколений в Чувашской АССР принимаются необходимые меры для охраны и научно обоснованного, рационального использования земли и ее недр, водных ресурсов, растительного и животного мира, для сохранения в чистоте воздуха и воды, обеспечения воспроизводства природных богатств и улучшения окружающей среды». В колхозе «Ленинская Искра» неуклонно соблюдают основной закон своей республики. Опыт колхоза имеет важное значение в деле рационального, комплексного использования сельскохозяйственных угодий Нечерноземной зоны. Поэтому он, несомненно, заслуживает одобрения и поддержки. Комиссия Президиума Совета Министров РСФСР по охране окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов РСФСР одобрила этот опыт.

И. ЛЬВОВ,
заведующий отделом биотехники
ЦНИЛ Главохоты РСФСР,
кандидат биологических наук
Фото автора

ОХОТОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ И БИОТЕХНИЧЕСКИЕ МЕРОПРИЯТИЯ, ПРОВЕДЕНИЕ В ОХОТНИЧЬЕМ ХОЗЯЙСТВЕ КОЛХОЗА «ЛЕНИНСКАЯ ИСКРА», ЧУВАШСКОЙ АССР В 1976—1978 гг.

Наименование работ	
Устройство биотехнических сооружений, шт.: подкормочных площадок и кориушек для кабанов	45
кориушек для оленей	13
навесов для серых куропаток	16
солонцов	21
гнездников и порхалиш	11
Засеватели кормов для подкормки диких животных, ц:	
сена	24,5
корнеплодов	19
желудей	31
зерновыхходов	23,7
Площадки под кормовыми посевами, га:	
топинамбур, зерновые	3,3
поставлено зерновых «на корню» для подкормки	2,5

ЗАБОТЫ ШИКАХОХСКОГО ЗАПОВЕДНИКА

Н. ЗАБЕЛИНА

ИМИ охраны природы и заповедного дела МСХ СССР,
кандидат географических наук

Армения не богата лесами. И это леса особые — горные, леса склонов, вастущие на тонком слое почвы, при малейшем нарушении теряющие вместе с почвой способность к возобновлению. Вот почему с 1978 г. в лесах Армении прекращены рубки главного пользования.

Леса Зангезурья — южный форпост сухих субтропических лиственных лесов, которые сформировались благодаря удачному сочетанию орографических и климатических факторов, обеспечивающих достаточное количество тепла и влаги для их произрастания. Крутые, иногда почти отвесные склоны создали естественную преграду для активного уничтожения леса в прошлом и настоящем. Рубить и главное — вывозить лес — здесь трудно и дорого. Привычные слова «водоохранное значение леса» имеют в этих местах особый смысл. Лес — мощный собиратель азота — поддерживает питание рек, ручьев и родников в течение круглого года. Обезлесенные, крутые склоны быстро теряют почву, обнажая горную породу; атмосферные осадки свободно стекают, создавая угрозу селей и наводнений.

Заместитель директора института ботаники Академии наук Армянской ССР П. Хуршудян, отвечая на вопрос: «Что в Армении достойно особой охраны?» — говорит: «Лес охранять особенно необходимо. Но если выбирать, то более всего нуждается в охране платановая роща в ущелье реки Цав».

Здесь и начинаются парадоксы. Вот первый. В 1975 г. для охраны платановой рощи и прилегающих горных лесов юга республики создан заповедник, названный по близлежащему селу — Шикахохский. В положении об этом заповеднике записано, что он представляет собой типичный горный ландшафт юго-восточной Армении, «куда входит и уникальная платановая роща в ущелье реки Цав». Но уникальная платановая роща, ради охраны которой семь лет назад был создан заповедник, до сих пор практически не входит в его состав. Здесь находятся совхозные земли села Цав, на которых ведется строительство, выращиваются огородные-бахчевые культуры, выпасается скот. Долина не принадлежит заповеднику и разделяет его на две части.

Роща шириной до 100—150 м тянется по долине реки на всем ее протяжении в Армении и заходит в Азербайджан. Отдельные деревья платана встречаются и в ущельях притоков реки Цав. Средний возраст рощи 300—400 лет, но есть и деревья уникумы — им за 800 лет, диаметр стволов достигает 4—5 м. В дуплах этих старейшин свободно может разместиться группа экскурсантов.

Долина реки Цав — единственное в

СССР место естественного произрастания платана восточного в чистом насаждении. Область его естественного распространения — Балканский полуостров, острова Эгейского моря, восточное побережье Средиземного моря, юг и запад Малой Азии. Во всех других районах он известен только в культуре и установить его естественный ареал очень трудно. В некоторых ущельях Гиссарского хребта в Средней Азии он встречается вместе с орехом грецким, инжиром, хурмой, но чистых лесов не образует.

Общая площадь платановой рощи в Закавказье — около 100 га. В том числе в Армении — 60 га. Сейчас ее положение критическое, она находится на краю гибели. Совершенно прекратилось естественное возобновление платана, деревья суховершины и дуплисты. По мнению ученых-лесоводов, им осталось существовать несколько десятиков лет.

В роще буквально в нескольких метрах от самых старых деревьев вот уже много лет строится новый поселок — добрые двух-трехэтажные дома из розового туфа, коровник, насосная станция. Сюда собираются переселить жителей села Нижний Ганд, которое сейчас «прилепилось» к склону ущелья примерно в километре выше по течению реки. В настоящее время в селе живут одни старики, которые не хотят покидать родных мест. В нем всего два ребенка школьного возраста, а школу в новом селе строят на 150 мест. Строительство ведется столько лет, сколько существует заповедник, и вопрос о платановой роще кажется неразрешимым.

Директор заповедника В. Мартиросян говорит:

«Если и передадут нам теперь платановую рощу, как ее охранять, что делать с поселком? Разве что обнести рощу оградой. Если здесь будут жить люди, гибель рощи произойдет во много раз быстрее».

Парадокс второй. О Шикахохском заповеднике нет данных ни в документах ЦСУ, ни в справочниках о заповедниках. В них приводятся сведения только о двух заповедниках республики — Дилижанском и Хорсовском. А ведь в Армении уже четыре заповедника. Эребунийский, созданный в 1981 г. для охраны мест произрастания диких пшениц, еще не успел попасть в справочники. Шикахохский заповедник имеет возраст, достаточный для того, чтобы получить право увеличить природоохранную статистику страны. И название его — Шикахохский заповедник Кафанского лесхоза — звучит необычно. Разве этот заповедник не заслуживает признания как государственный, если он выполняет важную задачу — сохраняет сухие субтропические горно-лиственные леса на южной границе их ареала. Эти леса занимают нижний пояс в спектре высотных зон и простираются

до высоты 2400 м. Выше них — субальпийские луга, скалы, опусы, низменные ландшафты. Основные лесообразующие породы — граб и дуб. С высотой грабовые леса сменяются дубово-грабовыми и дубовыми. Дубовые редколесья образуют верхнюю границу леса. Есть участки ильмовых, кленовых и ясене-липовых лесов.

Хорошо выражен экспозиционный эффект. На нижних частях склонов южных и юго-восточных экспозиций до высоты 1000—1100 м формируются характерные сообщества сухих субтропических кустарниковых зарослей типа шибляка, из колючего держи-дерева и ежевики.

Леса западного макросклона Мегрийского хребта (правобережье реки Цав) — основной части заповедника — отличаются хорошей сохранностью. Здесь давно прекращена хозяйственная деятельность, обычная для лесхозов — рубки ухода, сенокос, сбор лесных продуктов. Тем не менее не только снизу из долины, но и сверху вторгаются в заповедный лес человек и его хозяйство. Клинообразно заходят в него летние пастбища на альпийских лугах — урочища Навс и Санапу. Выпас скота постепенно отирает у леса гектар за гектаром.

Зона абсолютного покоя, какой считается правобережье реки Цав, не может выполнять своей функции, если не будут спрятаны и расширены границы заповедника. И леса, и альпийские луга представляют собой единую цель изменяющихся с высотой природных условий и характеризуют определенный (восточно-закавказский) тип высотной поясности, поэтому необходимо сохранить хотя бы часть альпийских лугов. Следует выполнить еще одно условие, предусмотренное Типовым положением о заповедниках — ввести в действие охранную зону.

Парадокс третий. Директор лесхоза и директор заповедника — один человек. Если бы такая необычная ситуация могла бы быть приемлемой, нельзя было бы найти более достойного руководителя, чем В. Мартиросян. Он не только отличный хозяйственник в лесном деле, но и предан заповеднику. Он с горечью говорит о бедах заповедника, платановой роще, непределенных границах, чужих землях. Его стараниями создан единственный в Армении питомник по выращиванию платана, в котором растет 23 тыс. молодых деревьев. И все же выполнение лесохозяйственных планов и отказ от получения прибыли от природы ради ее сохранения — такие задачи не должны решаться одним человеком.

Необходимо как можно быстрее решить вопросы землепользования, управления, организации научных исследований в Шикахохском заповеднике.

БИОТЕХНИЗАЦИЯ ТУВИНСКИХ ЛЕСОВ

М. ПЕТРОВ,
лесовод

Фото автора

Темнохвойная тайга с преобладанием пихты покрывает Саянские горы почти с самого подножья. Выше в горы состав древостоя изменяется. Для среднего пояса Восточного Саяна характерно преобладание ели над пихтой и кедром. Но в верховых рек Большой и Малый Бирюсы, на плато Черного хребта над другими древесными породами господствует кедр сибирский, образующий почти чистые древостои. По продуктивности древесной массы они относятся к наиболее низким бонитетам, но по урожайности семян (орешков) богаче, чем смешанные древостои лучших бонитетов, даже с преобладанием кедра. С Удинского хребта кедр и лиственница спускаются в Тоджинский район, самую северо-восточную часть Тувинской АССР. Смену древесных пород от подножья Западного Саяна до высокогорий можно проследить по знаменитому Усинскому тракту, идущему от Абакана до столицы Тувы — Кызыла.

К верховым реки Оя и Оленьей реч-

ки кедр сибирский подходит без своих спутников — пихты и ели. На высоту 2500 м поднимаются только кряжистые кедровые деревья со сбежистыми стволами, флагообразной и чизкоопущенной короной, с корнями, распластанными по голым камням и уходящими в глубины горных пород по большим и малым трещинам.

Кедрово-лиственничная тайга, начиная с Западного и Восточного Саяна на севере, простирается дальше на юг Тувинской АССР, покрывает хребты Танну-Ола и Сенгелена и по их южной стороне, особенно в юго-восточной части Тувы, спускается до самой границы с Монгольской Народной Республикой.

В Туве от всей лесопокрытой площади чистые кедровники и с преобладанием кедра над лиственницей занимают более 45%, а чистые лиственничники и с примесью кедра — до 47%. Площадь, занятая всеми остальными хвойными и лиственничными лесами в Тувинской АССР, не больше 8%. Даже сосна обыкновен-

ная — эта малотребовательная к плодородию почвы и ее влажности порода, выносящая к сухости воздуха и другим неблагоприятным климато-географическим условиям, занимает площадь не более 1.5%.

Когда сравниваешь леса Тувинской АССР с лесами юга Красноярского края и Иркутской области, то особенно очевидно и убедительно становится определение леса, данное 70 лет тому назад корифеем лесоведения профессором Г. Ф. Морозовым: «Лес — явление географическое». Да, леса в Туве, находящиеся за Саянами, существенно отличаются от темнохвойно-кедровой тайги юга Красноярского края. В Туве нет сибирских кедров с высотой стволов до 30 м, с диаметрами до 100 см, с объемами в 10—15 м³. Кедровые древостои по наличию древесной массы относятся к самым низким бонитетам, но по своей орехопродуктивности, по урожайности семян они выгодно отличаются от высокобонитетных насаждений темнохвойной ис-

Чистые кедровники на юге Тувы.

В Туве практически без вреда для деревьев применяют «колот». Шишки сбивают при их полной спелости с тонкомерных деревьев.

кедровых лесов. Деревья в низкополненных древостоях имеют богато развитую корону с плодоносящими ветками не только в верхнем, но и среднем ярусе. Учет плодоношения, проведенный нами на пробных площадях в Сарыг-Сепском лесничестве Каа-Хемского лесхоза, показал, что урожай орехов на одном гектаре доходит до 400—450 кг.

Оригинальна биология плодоношения сибирского кедра в Тувинской АССР. Спелые шишки опадают с деревьев не сразу, а постепенно. Оки в большом количестве держатся на деревьях до весны следующего года, доступны для животных вплоть до нового урожая. В Туве при расположении кедровников на разных уровнях почти каждый год бывают урожаи орехов на довольно больших площадях. При посевистых богатых урожаях, которые повторяются тоже довольно часто, звери и птицы пытаются орешками круглый год. В Туве заготавливают орехи для пищевых и посевных целей не только осенью, но и весной, в мае—июне.

Следует отметить, что фауна тувинских лесов не менее богата, чем в Саянах. В кедровых лесах высока плотность населения белки и соболя. Для увеличения численности этих пушных зверей очень важна биотехнизация в кедровниках, направленная на повышение урожайности кедровых древостоев и увеличение площадей кедровых лесов как наиболее желаемой среди обитания. Такая биотехнизация в лесах Тувы вполне возможна и необходима. Дело в том, что в тувинских лиственничниках на довольно больших площадях широко распространен кедровый подрост разного возраста. Улучшить его рост, ускорить плодоношение довольно легко, если такие участки включать в эксплуатацию на древесину, на уборку из древостоя лиственницы. При сажевом просторе из кедрового подроста будут формироваться высокорожажные кедровники. Увеличивать площади орехопродуктивных кедровых лесов можно и за счет бывших гарей, заросших лиственными породами с наличием кедрового подроста.

По кормовым свойствам тувинские лиственничники имеют свои отрицательные особенности. Семена из шишек выпадают сразу после их созревания. Однако кормовые качества лиственничников, особенно низкополненных, можно значительно улучшить, введя под полог древостоев кедровый стланик, который способен не только успешно расти, но и давать хорошие урожаи высококалорийных семян. Этот вопрос биотехники охотничьих угодий Тувинской АССР имеет принципиально важное значение и заслуживает более подробного освещения.

О пищевом значении семян кедрового стланика для аборигенов Камчатки упоминал еще С. П. Крашенинников, а о биологическом значении зарослей кедрового стланика и приуроченности к ним наиболее ценных пушных зверей указывал В. И. Иохельсон. Но несмотря на солидную давность использования семян кедрового стланика в пищевых целях и высокую их цену в рационе промысловой фауны, до 30-х годов текущего столетия биохимических исследований никто не проводил. Первые физико-химические анализы семян кедрового стланика сделаны нами только в начале 30-х годов, а несколько позднее семена и полученные из них масло исследованы Г. В. Пигу-

левским и М. А. Ивановой. Мы для своих исследований использовали семена, заготовленные в окрестностях Николаевскана-Амуре, а Г. В. Пигуловскому и М. А. Ивановой они были доставлены ботаником Б. Н. Городковым с Камчатки.

Сравнивая результаты анализов семян кедрового стланика с семенами кедра сибирского, следует отметить, что по величине и по весу они в два раза меньше, а по наличию жиров, белковых веществ и углеводов близки к семенам кедра сибирского; масличность их на 7—8% выше, чем у семян кедра корейского.

Кедровый стланик как отдельный вид рода *Pinus* был установлен далее не сразу. С. П. Крашенинников считал, что «как дерево от кедра сибирского ничем не отличается, но по земле расстиляется, почему и стланик именуется». П. Паллас описал кедровый стланик как подвид кедра европейского. Только Э. Регель установил видовую самостоятельность кедрового стланика, назвав его *Pinus pumila* Rgl.

При современных достижениях в лесокультурном деле введение кедрового стланика в состав лиственничников и облесение открытых горных пространств вполне возможны. Инициатива в этом деле, безусловно, должна исходить от Министерства лесного хозяйства Тувинской АССР и от специализированных лесхозов при непосредственном содействии госпромхозов и коопзверопромхозов республики.

Ставя вопрос о введении кедрового стланика в леса Тувинской АССР, надо прежде всего отказаться от разведения его посевом семян непосредственно на обновленных участках. Разводить кедровый стланик следует посадкой крупномерных сеянцев, а еще лучше — саженцев. Для подготовки посадочного материала есть смысл использовать теплицы, выращивая в них сеянцы с последующим доращиванием хороших саженцев уже в школьных отделениях открытого грунта. Рост сеянцев и саженцев весьма содействуют фосфорные удобрения.

Транспортировку саженцев к местам посадки лесхозы могут сочетать с воздушным патрулированием лесов. При посадке саженцы следует расходовать экономно, использовать на 1 га не более 100 экземпляров, поскольку кедровый стланик способен не только хорошо куститься, но и образовывать новые кусты за счет роста придаточных корней. С наступлением плодоношения кедровый стланик будет осваивать и такие небудьные места, на которых не способны расти ни кедр, ни лиственница. В этом ему окажет верную услугу кедровка, про которую еще А. Миддендорф писал: «Ни на каком другом виде дерева, как на кедровом стланике, не было так ясно видно, что листы служат орудием его распространения». Кедровки большими стаями собираются на нем во время зрелости семян и улетают с добрыней на самые неприступные скалы. Расселению кедрового стланика будут содействовать, хотя в меньшей мере, и другие обитатели тайги.

Окультуривание подроста кедра под пологом лиственницы и лиственных пород, интродукция кедрового стланика в леса и горы Тувинской АССР — это биотехния дальнего, но верного призыва. Она может дать ощущимый эффект для охотничьего и лесного хозяйства, если лесхозы, госпромхозы и коопзверопромхозы республики возьмутся за это благородное дело.

КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ ДОМ ОХОТНИКА

Отсутствие нормативов на строительство дома охотника приводит зачастую к тому, что при значительных затратах средств они не удовлетворяют прежде всего тех, для кого они строятся. Зачастую бывает так, что нигде прокупить промышленный насквозь плащик и пропавшие партии, а вложную от пота теплопрепи или свитер приходится затягивать в лакированный шифоньер и потом утром наряживать их на себя непро сохими. В такого рода обставленных полулярной мебелью «квартирах» обычно нигде повесить ружье, приходится приставлять его к стенке в углу, а рюкзак отправлять на пол под кровать.

Строя охотничий дом или рыболовную базу, все сооружения необходимо подчинить своеобразному быту охотника или рыболова. Базы, как правило, организуются на самообслуживании, и это правильно, но это определяет и условия, которые должны облегчать быт охотника. Нередко бывает, что кухня поставлена где-то на задворках, нет в ней освещения: попробуйте-ка приготовить в ней хотя бы уху в осенний темный вечер, когда моросит дождь пополам со снегом!

Помимо жилых комнат на 3—4 человека, в охотдоме необходим общий зал (столовая), вестибюль-раздевалка для верхней одежды и обуви, комната для чистки оружия, кухня, умывальная, уборная. Над каждым кроватью необходима полка с прочными крючьями под нею для ружья, рюкзака, патронташа, брюк, пиджака.

В комплексе сооружений охотрыболовной базы, помимо основных сооружений, лодочной гавани с пирсами и весельной, необходимо предусмотреть близко расположенные и на виду от охотдома временные причалы для взятых уже в прокат лодок. Охотник или рыболов, приехавший на базу не на один день, не может сдавать в гавань взятую им лодку при возвращении на базу для сна или отдыха. Лодка у него оборудована для охоты, в ней и сено, камыш и другие предметы маскировки, чучела, и он не может все это где-то выбрасывать или оставлять, с тем, чтобы через три-четыре часа вновь добывать необходимое и заниматься утомительным обустройством.

Все места благоустройства — ледник, помойку, уборные, склад дров и т. д. необходимо в ночное время освещать и соединять с домами тротуарами, иначе в дождь и темень никоим образом пользоваться не будет. На берегу водоема нужна мачта с сильным фонарем в качестве маяка для лиц, возвращающихся на базу затемно.

Вот те основные требования, которым должны удовлетворять благоустроенные охотничьи или рыболовные базы.

Л. ГЛУШКОВ,
почетный член Свердловского
областного общества охотников
и рыболовов

ФАЗАНОВОДСТВО В ЛИТВЕ

Г. ПИЛКАУСКАС, Э. ЖВИКАС, В. СТРАВИНСКАС,
Прибалтийская зональная опытная станция по птицеводству

Среди птиц, обитающих в Литве, фазан, по мнению профессора Т. Иванаускаса, относится к пришельцам. Однако есть сведения, что зельмохи разводили эту королевскую птицу и охотились на нее давно. Так, в XIX столетии в Раудондварисе, под Каунасом, в поместье графа Б. Тишкевичюса, был крупный фазанарий.

В 1899 г. в поместье Вельжиса Паневежской волости граф Кайзерлинг начал заниматься разведением фазанов, для которых отвел 150 десятин площадки молодого леса. Спустя год было засвидетельствовано, что фазаны разводятся хорошо.

Перед первой мировой войной фазанов разводили в поместьях Жагаре, Раудондварис, Тауенай, Шучина, а оттуда распространяли по окрестным лесам и полям, но в годы войны всех фазанов истребили. Однако энтузиасты продолжали начатое дело — за рубежом покупали яйца и выращивали фазанят. В 1931 г. литовское общество охотников закупило в Восточной Пруссии так называемых английских фазанов. Птицы в количестве 7 петухов и 25 курочек были выпущены в вырубки Приенайского леса. Тогда же несколько фазанят из той же партии начал выращивать профессор Т. Иванаускас в своей усадьбе Обялия под Каунасом. Интересно отметить, что он применил вольерный метод содержания фазанов.

Своевременно прозвучало предупреждение Т. Иванаускаса: ошибаются те, которые, закупив несколько фазанов и выпустив их в лес, через несколько лет ожидают обильной охоты. По мнению известного литовского ученого, выпущенные фазаны разлетятся и окажутся за десятки километров от места выпуска. Да и та птица, которая останется, погибнет от хищников или руки браконьера. Следует помнить, что три четверти

выпущеной в охотничьи угодья птицы погибнет, поэтому фазанов надо выпускать в большом количестве, предупреждал профессор.

По имеющимся данным, разведение фазанов в Литве в период с 1918 по 1940 г. не было совершенным. Основная причина неудач заключалась в отсутствии методического подхода к фазановодству и плохом выборе места для выпуска птицы.

Обращает на себя внимание интересный вывод, сделанный давочными фазановодами Литвы. По их мнению, фазаны быстро привыкают к людям и несутся в неволе, но вскоре после выпуска в охотничьи угодья восстанавливают свои дикие инстинкты. Кроме того, при содержании фазанов в неволе у них в течение нескольких генераций проявляется характерная пугливость, но остаются врожденные инстинкты. Очнувшись в естественных природных условиях, такие фазаны откладывают яйца, из которых выводятся птенцы с сохранившимися поведенческими особенностями своих диких предков.

В такой густонаселенной республике, как Литва, обитание фазанов, по мнению профессора Т. Иванаускаса, возможна только при активном содействии и опеке человека. Поэтому реакклиматизированные в Литве фазаны существовали до тех пор, пока им оказывалась всесторонняя помощь. Вторая мировая война привела к разрушению народного хозяйства, естественно, было прервано и разведение фазанов.

В 1950 г. в окрестностях Раудондвариса выпустили 20 фазанов, привезенных из Семиреченска. Однако эта птица оказалась пораженной возбудителем туберкулеза и вскоре погибла. В 1954 г. несколько групп фазанов, в количестве

20—50 голов в каждой, было выпущено в леса вокруг Каунаса, Вилкавишкиса и Кедайниня. И вновь большинство птиц погибло. В следующем году из Болгарии и Латвийской ССР было завезено 70 фазанов. В том же 1955 г. выращивать фазанят стали общества охотников Вильнюса, Капсукаса и Алитуса. В 1958 г. в лес Уосии Вилкавишкского района из вольер выпустили 46 фазанов, а в Паневежском районе с зоофермы «Тауянка» — 22 фазана. В 1959 г. 60 фазанов было окольцовано и выпущено в окрестности Рамигала Паневежского района.

Таким образом, разведение фазанов в Литве тесно связано с городом Паневежис и его окрестностями. В 1971 г. в экспериментальное хозяйство «Станюней» Прибалтийской ЗОСП было завезено фазанье яйцо и тем самым положено начало фазановодству. Полученные в инкубатории фазанятами выращивались в специально построенных помещениях из легких конструкций. Откармливали их комбикормом первого сорта для мясных цыплят с увеличенным до 26—27% содержанием сырого протеина. В первый год было выращено 1200 фазанов, 400 из них оставили в фазанарии, 800 выпустили в охотничьи угодья. Выпуск провели в августе — сентябре.

В 1973 г. от маточного стада, состоящего из 320 особей, за май и июнь было собрано более 6000 яиц. Яйценоскость фазанок в расчете на среднюю нисшую была 30 яиц. Часть полученных яиц отправили в Латвийскую ССР, остальные заложили в инкубатор птицеводческого хозяйства «Миколишикис» Пасвальского района. В инкубатории было получено 3685 фазанят.

Ежегодно до 1976 г. экспериментальное хозяйство «Станюней» выращивало и выпускало в охотничьи угодья по 1500—2000 фазанят. Паневежское экспериментально-показательное охотниче и рыболовное хозяйство регулярно помогало энтузиастам экспериментального хозяйства Прибалтийской ЗОСП «Станюней» в деле разведения фазанов, а в 1976 г. целиком взяло эту работу в свои руки.

В настоящее время в Литовской ССР создано два центра разведения фазанов: охотхозяйство «Шунской» Капсукского района, подчиняющееся Государственно-му комитету охраны природы, и Паневежское экспериментально-показательное охотниче и рыболовное хозяйство, находящееся в ведомстве республиканского Совета общества охотников и рыболовов.

Основная задача охотхозяйства «Шунской» — разводить и выпускать в охотничьи угодья фазанов и уток. Маточное стадо фазанов в 1974 г. состояло из 286 особей, а в 1976 г. достигло уже 550 голов. В 1979 г. оно увеличилось до 700, а в 1980 г. — до 900 голов. Если в 1974 и 1975 гг. фазаны снесли соответственно 5295 и 9700 яиц, то за последние три года от 21 842 до 21 870 яиц, а в 1979 и 1980 гг. количество снесенных птицами яиц увеличилось до 26 300 и 32 340 штук. Сбор яиц возрос в основном за счет большего количества фазанов, хотя следует обратить внимание и на постоянное улучшение условий содержания и кормления птицы. Это можно проиллюстрировать следующими показателями. Оплодотворенность яиц за период с 1974 по 1980 г. варьировалась от 83,3 до 87,2%, но чаще всего держалась на уровне 85,5%. Яйценоскость фазанок в расчете

Большое внимание в Литве уделяется разведению фазанов.

Фото Б. НЕЧАЕВА

на среднюю несушку в 1974 и 1975 гг. составила всего 26,4 и 29,0 яиц. В 1976 г. средняя яйценоскость фазанок увеличилась до 39,5 яиц, то есть произошел скачок на 36,2 %. Пик яйценоскости был достигнут в 1977 г., когда фазанки в среднемнесли по 40 яиц. То же самое произошло с выходом фазанят. Если в 1974 г. выход фазанят был на уровне 54,2 %, то в 1976 г. он достиг 67,2 %, а в 1979 г. — 69,0 %.

Интересно, что себестоимость одного фазаненка в охотхозяйстве «Шунской» в 1974 г. составила 2,9 руб., затем в течение трех лет она постепенно снижалась и в 1977 г. достигла 2,1 руб. В 1978 г. себестоимость фазаненка выросла до 2,5 руб., а в 1980 г. — до 4,0 руб. Увеличение себестоимости выращивания фазанят произошло главным образом за счет введения в рацион более дорогого корма.

С ростом маточного стада в охотхозяйстве «Шунской» ежегодно увеличивался и выход фазанят. С 1974 по 1980 г. он возрос с 2323 до 16 950 штук. За это время количество фазанят, выращенных до двухмесячного возраста, увеличилось с 1769 до 14 266 штук и находилось на довольно высоком уровне 76,1—84,2 %. С каждым годом все больше фазанят выпускали в охотничьи угодья, в 1980 г. выпустили 6728 штук. Продажа фазанят охотхозяйствам и обществам с 1974 по 1980 г. возросла с 30 до 6556 штук.

В Паневежском экспериментально-показательном охотничем и рыболовном хозяйстве начали заниматься разведением охотничьего фазана в 1976 г. Были скомплектованы семьи с половым соотношением 1:7. Их разместили в вольерах площадью 8 м². В 1980 г. маточное стадо выросло до 400 голов. Средняя яйценоскость фазанок составила 33 яйца, а выход фазанят достиг 70 %. Фазанят содержали группами по 300—500 штук под будерами в помещениях сараяного типа. Плотность посадки — 14 фазанят на 1 м² площади пола. Фазанов кормили комбикормом, предназначенный для мясных кур. Рацион состоял из круто сваренных куриных яиц, комбикорма для цыплят и мелко нарезанной травы. В возрасте 8—10 недель фазанят переводили в подсадочный вольер. В 1977—1980 гг. в охотничьи угодья выпустили 6 тыс. фазанов, большинство из них было отстреляно. Однако следует отметить, что пернатые и четвероногие хищники, а также браконьеры уничтожили около 1500 фазанов, то есть 25 % от выпущенного количества птиц.

В настоящее время ведется работа над проектом «фазанария» в окрестностях города Паневежиса с годовой мощностью 60 тыс. фазанят.

Из вышеизложенного следует вывод, что разведение фазанов в Литве имеет глубокие корни. Охотничьи угодья Литовской ССР следует отнести к третьей категории, так как основная цель разведения фазанов состоит в том, чтобы насытить эти угодья в сезон охоты для полного отстрела всей выпущенной птицы. Тем не менее вопросы содержания и кормления основного маточного стада фазанов и фазанят, а также биотехнические мероприятия требуют более пристального внимания со стороны не только охотоведов и биологов общего профиля, но и научных работников, работающих в сфере промышленного птицеводства.

ЧТО, ГДЕ, КОГДА • ЧТО, ГДЕ, КОГДА

КОНГРЕССЫ...

В сентябре — октябре 1983 г. в Чехословакии состоится XVI Международный конгресс биологов-охотоведов.

В августе 1984 г. состоится IV Всемирный конгресс Международного общества лесников.

...КОНФЕРЕНЦИИ...

В марте 1983 г. в Москве Молодежный совет МГУ по охране природы, дружина охраны природы и кафедра ихтиологии биологического факультета МГУ и Мосрыбвод провели конференцию «Проблемы охраны рыбных запасов Московской области».

В сентябре 1983 г. во Франции состоится XIV конференция Европейской континентальной секции Международного совета по охране птиц.

В январе — феврале 1985 г. в Москве намечено провести I Всесоюзную конференцию по проблемам эволюции.

Организаторы конференции — МГУ имени М. В. Ломоносова, АН СССР, Московское общество испытателей природы. На конференции предполагают обсудить следующие проблемы: эволюция индивидуального развития; закономерности функциональной и морфологической эволюции; эволюция регуляторных систем организма; закономерности эволюции сообществ; проблема вида и видообразование; проблемы искусственного и естественного отбора.

...СОВЕЩАНИЯ...

21—25 марта 1983 г. в Уфе БАССР состоялось научно-практическое совещание «Практическое использование и охрана птиц Южно-Уральского региона», которое было организовано Оренбургским комитетом СССР, Институтом эволюционной морфологии и энтомологии животных имени А. Н. Северцева АН СССР, Координационным советом по проблеме миграций и ориентации птиц АН СССР, башкирским государственным, Министерством лесного хозяйства БАССР и Госсахинспекцией при Совете Министров БАССР.

...СЕМИНАРЫ...

В ноябре 1983 г. в Москве на ВДНХ СССР состоится Всесоюзный семинар «Авиация на службе охотничьего хозяйства». Планируется работа следующих секций: авиаучет численности животных; аэровизуальная охотанская и беспилотные угледы с воздуха; иммобилизация животных с целью отлава, оказание помощи промысловым бригадам при отстреле копытных и регулирование численности хищников с воздуха; проведение некоторых биотехнических и охранных мероприятий с самолетов и вертолетов.

...ВСТРЕЧИ...

В июле 1983 г. в Москве на ВДНХ СССР состоится встреча специалистов управлений охотничьего промыслового хозяйства и государственных промысловых хозяйств. Собравшиеся обсудят вопросы интенсификации охотничьего промысла.

...СМОТРЫ...

В январе—мае 1983 г. в Москве на ВДНХ СССР состоялись смотры «Охотничье оружие», «Охотничий и редкие животные», «Декоративные и спортивные породы голубей», «Служебные и охотничьи породы собак».

...ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИЙ...

16 марта 1983 г. в г. Свердловске на заседании Специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученым степени доктора наук при Институте экологии растений и животных Уральского научного центра АН СССР состоялась защита диссертации И. П. Карпушина «Анализ экологического механизма регуляции численности белки обыкновенной» на соискание ученым степени доктора биологических наук.

15 марта 1983 г. в г. Свердловске на заседании Специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученым степени доктора наук при Институте экологии растений и животных Уральского научного центра АН СССР состоялась защита диссертации А. Н. Романова «Экспериментальное изучение экологии популяции обыкновенного глухаря на соискание ученым степени доктора биологических наук».

31 марта 1983 г. на заседании Специализированного совета при Всесоюзном ордере «Знак Почета» сельскохозяйственном институте земного образования состоялась защита диссертации А. Л. Колесникова «Рациональная система освоения пушных промысловых ресурсов зоны БАМа» на соискание ученым степени кандидата сельскохозяйственных наук.

ЧТО, ГДЕ, КОГДА

ЧТО, ГДЕ, КОГДА

„ПОЧЕМУ Я ПЕРЕБРАЛСЯ В УЯН”

В. ЧЕРНЫШЕВ

До недавнего времени попасть в Уян можно было только вертолетом или по Вархней Ангаре. Другого пути не было. Теперь туда пришла Байкало-Амурская магистраль. Наш «красный эшелон», агитпоезд ЦК ВЛКСМ «Комсомольская правда» — первый пассажирский состав, переваливший с помощью двух тепловозов Даванский перевал Байкальского хребта и оказавшийся в Северной Бурятии. После оживленных, празднично-приподнятых встреч с комсомольским активом, с рабочими молодежными бригадами и школьниками Нового Уяна — поездка за 12 км. в Уянский госпромхоз.

Мне давно хотелось побывать в госпромхозе, которое должно давать доход, комплексно используя богатства дикой природы, не может не отличаться структурой и организацией от любого другого, живущего землей: животноводческого, лесного, земледельческого... Большинство видов продукции промхозов человека не «приручено»: лесные ягоды и грибы (кроме шампиньонов), большинство промысловых зверей и птиц на грядках и фермах пока не получишь. Все это можно только добыть.

Но одно дело — погулять погожим днем и принести корзинку с грибами, другое — собрать и переработать десятки тонн грибов, брускини, клювки или голубики — ягоды настолько нежной, что пока несешь ее домой, она успевает дать сок. Даже любительская воскресная охота — нелегкий труд, требующий достаточной физической подготовки, тяжесть которого охотник не ощущает лишь потому, что им движет любовь к природе и охотничья страсть. А что одухстворяет тяжелую работу и полную лишений уединенную жизнь охотника-промысловика, забирающегося на два-три месяца в таежную глухомань? Можно ли в хозяйстве подобрать таких промысловиков, каждый из которых был бы охотником по страсти, по влечению души?

— Только таким и может быть настоящий промысловик, — говорит Владимир Ильич Яновский, директор госпромхоза. — Сам начинал со штатного охотника, знаю, что это такое. Надо очень любить природу и охоту, чтобы не затосковать в заваленном снегом зимовье, в каждодневных заботах о собственном быте, о помощниках — собаках. Надо спокойно переживать свою зависимость от удачи и погоды, не терять надежды и уверенности в охотничьем счастье. А как много должен знать и уметь штатный промысловик! Позадки зверей и птиц, где, когда и в какое время искать, как прожить в условиях тайги и как выжить, если эти

условия окажутся экстремальными. Мало ли что может в тайге случиться?

Охотники не по призванию на промысле не удержатся. Не такие уж большие в тайге заработка, чтобы только деньги привязали. Не меньшие деньги можно заработать, например, на БАМе, на более веселой, артельной работе. Не-ет, промысловик должен быть человеком души охотничьей, страстной! У нас тридцать семь штатных охотников, люди хорошие, опытные, да и молодежь подрастает, вслед за старшими в тайгу тянетсѧ. — средний возраст промысловиков менее сорока пяти лет...

Директор и сам еще молод. Но работает в госпромхозах уже полтора десятка лет. Коренной сибиряк, детство прошло в деревне под Чаремховом. Охотник, закончил охотоведческий факультет Иркутского сельхозинститута. После того как в 1977 г. был образован на базе отделения совхоза «Северный» госпромхоз «Уянский», стал его директором.

Вместе с фотокорреспондентом Виктором Усковым я задержался в госпромхозе, чтобы познакомиться с ним поближе. Директор показывает нам свое хозяйство. Оно сравнительно невелико по количеству занятых в нем людей, но очень разнообразно: пилорама и цех изготавления строительных столярных изделий, оснащенный всеми необходимыми деревообрабатывающими станками; коровник, недавно построенный для обеспечения молодоком своих жителей и Бамовских ребятишек, цех пошив маховых шапок, сапожный цех, выпускающий меховые унты, таксiderмическая мастерская... Но это все — только центральная усадьба. Десятки охотничьих избушек в тайге, для постройки которых в Управлении госпромхозов Главохоты РСФСР имеется типовой проект, оленеводческая ферма за хребтом, где построен стационарный корral, таежные угодья и озера, места промысла зверя, птицы и рыбы — это тоже «имущество» госпромхоза. Его владения — 38 тыс. км² угодий, 35 тыс. км² уянской земли закреплены за охотниками-промысловиками. Почти по тысяче на каждого охотника! Тут есть где положить промысловый путь...

В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера» госпромхоз старается привлечь к работе мастериц, владеющих национальным ремеслом пошив маховой одежды. Две женщины-эвенкийки, Козулана и Конченхай, сидят в отдельной комнате у машинок и шьют шапки. Каждая швея выра-

батывает в месяц около тридцати женских и детских шапок-«вислоушек». Маловато, конечно, при существующем спросе!

— С сырьем незажно, — вздыхает директор. — Из девяти промхозов в Бурятии пошивом занимаются только два. Свою пушину сдаем, получаем сырье из других мест. Но посмотрите-ка, что присылают нам иногда...

Он вынимает из стопки выделанных заготовок обрывок шкурки, лишь отдаленно напоминающий ондатру. — Что можно сделать из такого сырья? Что может стоить такая шапка? Поэтому для нас пока такой пошив убыточен. То же и с унтами. Мы предложили дать нам право отстrela некоторого количества байкальской нерпы, чтобы пустить их шкурки на шитье одежды. Ждем положительного решения...

Таксидермист Владимир Парфенов занят заказом для ВДНХ: набивает головы лоси и изюбра. На стенах его комнаты чучело клыкастой головы кабарги, голева олена. На эти красивые, дорогие украшения и экспонаты спрос всегда велик.

Под вечер долго сидим в кабинете директора. Здание конторы построено недавно. Республиканское управление охотничьего-промышленного хозяйства выделило за последние годы вновь организованному госпромхозу около миллиона рублей. Теперь благодаря госпромхозу в поселке телевидение и телефонная связь, больница, школа и детсад, работает приемный пункт райбыткомбината. Жители в поселке стало прибывать.

В беседе принимает участие главный инженер госпромхоза Алексей Артамонович Хмелев. Один из инициаторов создания здешнего промыслового хозяйства, он променял житье в Улан-Удэ и должность в управлении на Уян — «к поближе к своему детищу». Он уже немолод, но по-прежнему тянет его тайга, рыбалка, охота...

Нам привнесли отчет за истекший 1982 год.

— Проблем много, — директор подсовинул мне листок с цифрами. К сожалению, не все статьи нашего хозяйства дают прибыль. Все еще убыточны пока оленья ферма, изготовление маховых изделий и сувениров. Перекрываем в основном пушиной и лесом. Стараемся дать не просто бревно, брус, обрезную доску, а вложить в дерево большой труд, поставить разборные домики-балки, столярку.

По пушине промхоз выполнил план прошлого года на 111 %. Осеню вместе со штатными охотниками в тайгу уходят и около 100 охотников-любителей. С лю-

бителями заключают договора. Бывает, что они дают до 40% всей добытой пушинки. С Нового года закупочные цены на пушину почти удвоились, возрастут и зарплаты промысловиков.

Я смотрю на цифры и, кажется, вижу за ними утонувшее в снегах зимовье, залкнутые в сугроб, камусом, наружу широкие лыжи-снегоступы, кольцом свернувшихся у порога лавок, тропку к незамерзающему черному, в пухлых берегах, ключу, теряющийся в пихтачке лыжный путик, протянувшийся на десятки километров от капканы к капкану, от кулемки к кулемке... Вечерами после обхода лоузушек уставший охотник аккуратно снимает с соболя дорогую шкурку. В очаге густо булькает суп, отсветы огня играют на бревнах избушки, на руках таежника, спороноси обрабатывающих тушку. Глядя на огонь, он пьет чай и ложится на нарах, чтобы назавтра снова встать на лыжи. Ходят по ночным снегам звери, свершают над темной крышей свой неторопливый извечный круговорот звезды... Закатиться бы хоть на недельку куда-нибудь за хребты на такое зимовье!

— 15 февраля кончился сезон, — сказал директор. — Кто уже вернулся, кто возвращается. Не один день ходу... Больше всех добыл Филипп Иванович Волков: сорок четыре соболя и девяносто ондрат. Да рыба, да мясо... С большим перевыполнением плана и сын его Виктор, он уже самостоятельно промышляет.

— А нельзя ли позидать Филиппа Ивановича, поговорить с ним?

— Вообще-то он сейчас, наверное, дома. Только живет он в Куморе, в восемидесяти километрах отсюда...

Уоянская швея-мастерица Козулена.

Широко живут в Забайкалье! Но как непросто, вероятно, управлять таким хозяйством, где участки и люди разбросаны на десятки километров друг от друга.

Обсуждаем, как же все-таки добиться, чтобы стали доходными все отрасли промхоза. Конечно, надо сделать хозяйство возможно менее зависящим от погоды, от случая и удачи, от поставщиков мехового сырья.

— Нет, добытую сверх плана пушинупустить в пошив не разрешат, — говорит Владимир Ильич. — Это тоже залюта. А вот звероферму мы хоть сейчас бы организовали. Песцовую, например. Но чем кормить? Нужны мясо и рыба. Мясных отходов и субпродуктов у нас нет, бросовой рыбы — тоже. Есть у нас на примете еще один источник постоянного, гарантированного дохода — озеро Иркан.

Одели бы его нам для организации рыбной фермы. Запустили бы малька пеляди, можно попробовать разводить карпа, других ценных рыб. Могли бы дать бамовцам свежей рыбы. Пусть небольшой, но все же вклад в Продзольственную программу...

Разговор на эти темы мы продолжили в Главохоте РСФСР с начальником Управления госпромхозов Станиславом Михайловичем Тарасовым и начальником отдела Михаилом Григорьевичем Бобylevым.

— Уоянское хозяйство у нас на хорошем счету, — сказал Станислав Михайлович. — План устойчиво выполняет. Участник ВДНХ. А вопрос с меховым сырьем решать, конечно, надо в регионе. Мы не сторонники мелких звероферм в тех местах, где нет своих кормов, потому что доставлять в такую даль корм — дело очень дорогое... Продукция наших промхозов — редкостная и очень нужная, пользуется громадным спросом и в стране, и за рубежом. Много хозяйств молодых, родившихся в последние годы. Есть своя специфика и сложность и в управлении самим хозяйством, и всеми промхозами. Видите, где они находятся...

На стенах в кабинете — карта, где заштрихованы территории госпромхозов: Восточная Сибирь, Камчатка, Таймыр, Дальний Восток. Кое-куда не во всякое время года и доберешься.

— Многие хозяйства работают очень хорошо, — продолжал Станислав Михайлович. — И очень важно для нас, чтобы их опыт был передан другим.

— Вот вы говорите, что изменение сроков охоты на оленей привело в том районе к уменьшению их добычи.

Михаил Григорьевич провел нас к себе в кабинет.

— Дело в том, что местные интересы не всегда согласуются с соображениями общего порядка. Сейчас сроки охоты на оленя приведены в соответствие с биологическим циклом их жизни, а это — забота о будущем оленя как о биологическом виде. Надо интенсивнее загонять оленей в отведенные сроки. А то, что промхоз старается выпускать дорогую столярку, в не дешевую древесину — это очень правильно. Так называемая глубокая переработка делает промысел рентабельным, и очень хорошо было бы, если бы ягоды и грибы тоже поставлялись «под этикетку» — в виде варенья, маринадов, солений и прочего — но тут еще многое предстоит решить вопросов.

Мы прощались с Уоянским госпромхозом в сумерки. Закатное солнце горело на свежей чеканке фирменной вывески. Воздух крыльца конторы, у красочных досок показателей собирались люди — автобусные попутчики до Нового Уояна. Крепчал к ночи мороз. Алексей Артамонович вышел нас проводить, надев лишь шапку.

— Простудитесь! Шли бы в контору... — А где я живу? Или я не сибиряк?

Освещенные солнцем белые зубцы Верхненгарского хребта четко рисовались на чистом вечернем небе. Синее на северо-востоке, проколотое первыми звездами небо неусидимо меняло цвет, становясь с закатной стороны зеленовато-лимонным, пальевым, студено-оранжевым.

— Что, хороши? — перекликнулся мой взгляд Алексей Артамонович. — А-а... Вот то-то и оно-то. А вы спрашивавшие, почему я перебрался в Уоян...

Переработка древесины — одна из рентабельных отраслей работы Уоянского госпромхоза

ЛОСЬ ГЛАЗАМИ ЛЕСОВОДА

Н. ПАВЛИНОВ,
заместитель начальника Главного управления охраны и защиты леса Минлесхоза РСФСР
кандидат биологических наук

ОТ РЕДАКЦИИ

В статье Н. Павлинова «Лес глазами лесовода» поставлена на обсуждение важная и острые проблема лесохозяйственного хозяйства — взаимоотношения леса и лоси. Статья Н. Павлинова еще раз убеждает в том, что лес — это не полигон для выгонки деревьев, не простая сумма различных растительных ассоциаций, в единой и очень сложно устроенный организм, растительный, животный и минеральный, компоненты которого связаны миллиардами лет единой эволюции.

Лес играет громадную роль в жизни лоси, но и лось не просто живет в лесу, он оказывает на него большое влияние. Кстати, не только лось, но и любой другой вид копытного животного в определенных условиях может нанести лесу ощущимый ущерб. Для предотвращения такого ущерба Н. Павлинов предлагает привести численность лосей к уровню, соответствующему наличию кормов, иными словами, снизить численность лоси. С этим не могут согласиться биологи-охотники, затратившие много сил для

восстановления численности лоси. Действительно, почему в крошечной по сравнению с территорией СССР Швецией плотность населения лося значительно выше, чем у нас, и там ежегодно добывают 100 тыс. лосей, а у нас только 70 тыс.

Есть много путей защиты леса и особенно лесных культур от потрав копытными животными. Одни из них — огораживание особо ценных лесных посадок простейшими жердевыми или проволочными изгородями. Некоторые работники леса изготавливают изгороди, несмотря на огромный мировой опыт, считают нерентабельным, но никаких серьезных экономических обоснований при этом не приводят.

Возможно, что эксплуатация только той части популяции лося, на которую работники лесного хозяйства предъявляют сократить его численность, может компенсировать затраты на установку временных ограждений. Мы приглашаем специалистов охотничьего и лесного хозяйства принять участие в обсуждении интересной статьи Н. Павлинова, направив решение проблемы таким образом, чтобы «и лес был цел, и лосей было много».

В декабре 1982 г. в Министерстве лесного хозяйства РСФСР состоялось совместное заседание Научно-технического совета Министерства и Ученого совета ЦНИЛ Главохоты РСФСР. Обсуждалась известная многим читателям журнала острые в настоящее время проблема взаимоотношений лося и леса. В работе совета приняли участие известные специалисты по охране природы, лесоводы и охотники: профессора В. Г. Атрясин и А. Г. Банников, доктор биологических наук Я. С. Русанов, кандидат биологических наук В. Е. Размахин, кандидат географических наук В. А. Кузякин, директор института «Союзгипролесхоз» В. А. Николаев, заместитель начальника Главохоты РСФСР В. И. Фефтиков, а также работники лесного и охотничьего хозяйства Татарской АССР, Ивановской области, другие специалисты.

Речь шла о том, как, с одной стороны, разумно, по-хозяйски использовать имеющиеся поголовье лосей, с другой — предотвратить массовые потравы этими животными лесных культур и молодняков наиболее ценных лесных пород — сосны и дуба.

За последние 15—20 лет численность диких копытных животных, особенно лосей, неуклонно возрастила. Размер потрав ими деревесных пород ежегодно исчислялся десятками тысяч гектаров. Так, по данным учета лесного фонда, проведенного в 1971—1973 гг., от потрав лосями погибли лесные культуры на площади 113,1 тыс. га и молодняки сосны и дуба — на 103,8 тыс. га. А ведь затраты на создание и уход за лесными культурами составляют 100—120 руб. на каждый гектар.

За 1974—1978 гг. от потрав лосями погибли лесные культуры и молодняки на площади 145,4 тыс. га. Наиболее крупные потравы отмечены в Татарской

области этих животных — 2—3 на 1000 га лесных угодий в малолесных областях, краях и АССР южной части европейской зоны и 3—5 лосей — в центральных областях РСФСР. Следует подчеркнуть, что это именно ориентировочная плотность, и она до настоящего времени не уточнена. А ведь фактическая плотность обитания лосей колеблется в зависимости от размера и характера кормовых угодий в широких пределах, что не всегда учитывают при установлении лимита на отстрел по областям, краям и автономным республикам. Этим и объясняется, что даже эта ориентировочная (использовано будем считать оптимальная) плотность в ряде областей так и не была достигнута фактическим отстрелом. [Ивановская, Ярославская и другие].

В 1976 г. Минлесхоз РСФСР и Главохота РСФСР совместно разработали «Мероприятия по интенсификации промысла лосей в РСФСР и снижению ущерба от них лесному хозяйству». Этим документом было предусмотрено повысить отстрел лосей по Российской Федерации с 7,5% до 10%, как это было рекомендовано научными учреждениями. К сожалению, процент отстрела (с учетом естественного прироста лосей) остался прежним.

Одновременно лесохозяйственным предприятиям было рекомендовано увеличить объем биотехнических мероприятий, осуществить меры по отвлечению лосей от ценных лесных посадок. Позже на места была направлена в порядке распространения опыта «Инструкция по внедрению лесохозяйственных мероприятий на участках, где лес поврежден дикими копытными животными», разработанная Министерством лесного хозяйства и охраны природы Эстонской ССР. В настоящее время эти работы осуществляются лесохозяйственные предприятия.

Например, как сообщил главный лесничий Ивановского управления лесного хозяйства А. Ф. Гавриков, в области для отвлечения лосей от ценных посадок ежегодно создают 500—600 га кормовых лесокультур. В местах наибольшей плотности населения лосей в культуры сосны вводят другие, менее повреждаемые лосями породы. Подкормочные площадки закладывают в местах, удаленных от хвойных молодняков. В зимний период при проведении рубок ухода за лесом порубочные остатки, являющиеся кормом лосей, не сжигают. Производят подрубку молодняков осины в удаленных от сосновых культур местах. Аналогичную работу ведут в Белгородском, Брянском и многих других управлениях лесного хозяйства.

В 1981 г. лесохозяйственные предприятия на биотехнические мероприятия израсходовали 150 тыс. руб. При этом устроено 8 тыс. кормушек и подкормочных площадок, 11 тыс. солонцов, подрублено 23 тыс. деревьев осины, осуществлены другие отвлекающие лосей мероприятия. В 1982 г. на эти цели израсходовано 180 тыс. руб. Однако в отдельных областях и автономных республиках в результате исключительно высокой численности лосей эти работы не дают ожидаемого эффекта, и лесохозяйственные предприятия ежегодно продолжают спиывать сотни и тысячи гектаров ценных лесных культур.

За последние годы органы лесного хозяйства проверили возможность защиты лесных культур от лосей путем — огора-

живания и применения репеллентов (отпугивающих средств). Как показали опыты, стоимость огораживания одного гектара лесных культур наиболее простой жердевкой изгородью составляет около 100 руб., металлической сеткой на жевзабитонных столбах — 770 руб. и более. Метод оказался экономически нецелесообразным, поэтому масштабы работ по огораживанию не превышают 15—30 км изгороди в год.

Что касается репеллентов, то защитный эффект их применения является низким. Обработка приходится повторять ежегодно, что практически несущественно, если учсть сотни тысяч гектаров лесных культур, создаваемых в Российской Федерации ежегодно. Однако на заседании НТС была высказана мысль о необходимости продолжения опытных работ по изысканию новых, более эффективных репеллентов для защиты сосновых культур от повреждений лосями.

Продолжая за последние годы лесохозяйственными и лесоохотоведческими органами организаторская работа, в том числе пропагандистская деятельность через периодическую печать, конечно, дала некоторые результаты. Так, фактический отстрел лосей возрос с 40 тыс. зверей в 1975/76 г. до 54,9 тыс. в сезон 1979/80 г., то есть на 12,2%. В сезон 1980/81 г. при плане 70 тыс. лосей отстреляли 58,9 тыс.

В целом улучшились контакты работников лесного хозяйства с охотоведами. Решению проблемы способствует принятие Верховным Советом РСФСР «Лесного Кодекса РСФСР».

И все же, несмотря на эти меры, численность лосей остается исключительно высокой. Если в 1975 г., по данным Главохоты РСФСР, количество лосей в России было 671 тыс., то в 1980 — 743, а в 1982 г. — 745 тыс. Таким образом, при установленных нормах отстрела (а они в среднем по РСФСР составляют лишь 7,5% в год при рекомендованных 10%) численность лосей практически даже не стабилизована.

Отмечено, что фактическая численность лосей значительно превышает учетные данные (Русанов). Это неудивительно, если учсть, что методики учета несовершены. Видимо, этим объясняются значительные колебания учетных данных по годам. Например, в Вологодской области в 1975 г. насчитывалось 24,5 тыс. лосей, в 1979 г. — 30 тыс., а в 1982 г. — лишь 21,7 тыс. В связи с этим НТС Минлесхоза РСФСР и Ученый совет ЦНИЛ Главохоты РСФСР приняли решение уточнить методику учета численности лосей.

В настоящее время плотность населения лосей значительно превышает оптимальную в Ивановской, Ярославской, Калининградской, Московской, Владимирской, Липецкой, Ульяновской областях, Татарской АССР, Удмуртской АССР, Башкирской АССР, в ряде других регионов. В результате продолжаются потравы дикими копытными животными лесных культур и молодняков в недопустимых хозяйственной точки зрения размерах.

Почему это происходит? С одной стороны, занимаются нормы изъятия лосей, с другой — изменился характер кормовой базы. Лоси приспособились к сложившейся в лесном хозяйстве ситуации, когда на значительных площадях, на вырубках и гарях создаются чистые и редкие лесные культуры сосны. Складываются благоприятные условия для кормления

лосей в зимне-весенний период, и они в массе мигрируют в эти культуры уже после окончания сезона отстрела.

Распространение общих норм отстрела на всю территорию европейской части страны без учета наличия и характера кормовой базы хотя бы в разрезе областей, краев и автономных республик не обосновано. В то же время в областях, краях и АССР руководствуются этими общими нормами, что приводит к нарушению естественного соотношения: лось — лес.

К сожалению, не практикуется определение ежегодного лимита на отстрел на основе лесохозяйственного проектирования с учетом класса бонитета угодий. По данным Я. С. Русанова, ущерб, наносимый животным молоднякам сосны, находится в допустимых с точки зрения лесного хозяйства пределах лишь там, где на одного лося приходится не менее 20 га сосновок в возрасте 5—15 лет. Такие расчеты не производят.

О необходимости устанавливать дифференцированные нормы отстрела для отдельных районов свидетельствуют исследования Ленинградской ордена Ленина лесотехнической академии имени С. М. Кирова за 1976 г. по теме: «Определение оптимальной численности лосей в лесозах Ленинградской области и Татарской АССР». С учетом имеющихся кормовых угодий численность лосей в Татарской АССР должна составлять 3,4 тыс. животных при средней плотности 3,2 лося на 1000 га угодий с колебаниями от 1,4 (Приневский район) до 5,5 (Акшабавский район). В настоящее время численность лосей в этой республике превышает 5 тыс.

В Ленинградской области обитает 23,8 тыс. лосей при допустимом количестве 19,7 тыс. с колебаниями плотности от 1,8 (Ломоносовский район) до 5,6 (Есипогорский район). Как видим, здесь данные приведены уже в разрезе административных районов. Они более точные, однако госохотинспекция их не приняла во внимание.

Чрезмерно высокая численность диких копытных животных опасна не только в связи с повреждениями на больших площадях лесных культур и молодняков, угрозой серьезного экономического ущерба лесному хозяйству. Постепенная деградация и оскудение кормовой базы в конечном счете представляют реальную опасность и для самих лосей. Имеются сообщения о том, что в результате истощения кормовой базы в Ивановской области лоси начали болеть, численность их — падать. Таким образом, избыток лосей привел не только к массовой гибели лесных культур, но и к бесцельным потерям среди животных.

Многие управления лесного хозяйства настойчиво, но безуспешно добиваются приведения численности лосей до уровня, соответствующего наличию кормов. Особенно остро эта проблема стоит там, где в целом численность лосей низкая, но они концентрируются в отдельных районах и в сильной степени повреждают там лесные культуры. Например, в Новосибирской области при общей средней плотности населения лосей 1,6 на 1000 га угодий в юго-восточных и восточных частях области (Приобскоборовые и Присалавирские лесорастительные районы) их плотность достигает 6 и более животных на 1000 га. В результате за последние 10 лет в таких пред-

приятиях лесного хозяйства, как Чингисский, Маслянинский, Тогучинский, Сузунский, и ряде других лесхозов погибло более 8 тыс. га лесных культур.

Проблема заключается еще в том, что лоси концентрируются в лесных культурах уже после установленного срока отстрела — в феврале, и предусмотренное упомянутым выше приказом разрешение полностью отстреливать этих животных в наиболее ценных культурах не дает нужного результата. Аналогичное положение наблюдается в Алтайском крае, Чувашской АССР, Оренбургской области и некоторых других.

При определении лимита на отстрел не учитывается должной мере процесс миграции диких копытных животных с территории соседних областей. К чему это приводит — видно на примере Тульской области. Как уже упоминалось, культуры дуба в этой области исключительно сильно повреждены лосями. В связи с этим Тульский облсполком устанавливал ежегодно повышенный лимит на их отстрел (с 1970 по 1979 г. в среднем по 43% численности этих животных). Несмотря на это, количество лосей на территории области существенно не снижалось в результате миграций их из соседних областей, особенно из Московской, где плотность населения животных была близка к 5 на 1000 га кормовых угодий, а отстрел составлял 15—17%.

Много лосей обитает и в других соседних областях: Калужской, Липецкой, Рязанской, Орловской, а процент отстрела по сравнению с Тульской областью там значительно ниже (8—26). Аналогичное положение создалось в Татарской АССР. Выступивший на заседании НТС начальник Госохотинспекции при Совмине Татарской АССР В. Н. Королев справедливо предложил стрелять лосей там, откуда они мигрируют уже после охотничьего сезона и не устанавливать такого плана тем областям и республикам, где их в этот момент еще нет. Таким образом, настоятельно требуется усиление координационной работы по установлению лимита на отстрел с учетом миграции диких копытных животных в зимнее время.

Всесторонне обсудив вопросы соотношения численности лосей и наличия и состояния их кормовой базы, Научно-технический совет Минлесхоза РСФСР и Ученый совет ЦНИЛ Главохоты РСФСР приняли совместное постановление по совершенствованию процесса регулирования численности лосей и уменьшению ущерба от них лесному хозяйству. В частности, имеется в виду уточнить в ближайшее время и утвердить в установленном порядке нормы плотности населения лосей по областям, краям и автономным республикам с учетом фактического ущерба от потрав лесных культур и молодняков, уточнить методику учета численности этих животных.

Органам лесного хозяйства рекомендовано в необходимых случаях повышать густоту создаваемых культур сосны, поддерживаться в районах с высокой численностью лосей от лесоводственных мер ухода за посадками до 20-летнего возраста.

Однако все эти меры могут дать ожидаемый результат при условии снижения численности лосей. Поэтому охотхозяйственным организациям надо принять все меры для обеспечения полного отстрела согласно устанавливаемым лимитам.

КРУПНЫЕ ХИЩНИКИ И ЧЕЛОВЕК

С. УСПЕНСКИЙ
ВНИИ природа МСХ СССР,
доктор биологических наук

Как много потеряла бы Арктика, лишившись белого медведя! Такая мысль каждый раз взвинкала у меня при встрече в природе с этим могучим неторопливым зверем, удивительно гармонирующими с полярными льдами. И я уверен, что со мной согласятся в этом многие полярники.

В крупном хищнике есть особая привлекательность, такую встречу никогда не забудешь, и не случайно, поэтому медведи считаются главным «коэффициентом» многих национальных парков США и Канады, а возможность увидеть стаю львов или леопарда так привлекает посетителей в знаменитые национальные парки Африки. Будь и в нашей стране национальный парк, где можно было бы увидеть медведя или тигра (а такие возможности, в принципе, есть) наверное, и в этом случае не было бы отбоя от посетителей.

Если бы роль крупных хищников ограничивалась только украшением пейзажа, проблема их взаимоотношений с человеком решалась бы просто. В действительности же она намного сложнее. Эти звери, к сожалению, наносят ощущимый ущерб охотничье и сельскому хозяйству, а подчас представляют опасность и для жизни людей.

Из крупных хищников в Советском Союзе обитают три вида медведей: бурый, представляемый несколькими подвидами, белый, белогрудый (или гималайский) и три вида крупных кошек: амурский подвид тигра, леопард (переднеазиатский и восточносибирский подвиды) и снежный барс, или ирбис. Относительно недавно, лишь несколько десятилетий назад, в этот список следовало бы включить также турецкий подвид тигра и гепарда, но теперь в СССР они уже не встречаются. К категории крупных хищников можно отнести также и волка, проблема взаимоотношений которого с человеком весьма актуальна. В то же время она настолько специфична, что требует особого рассмотрения.

Бурый медведь населяет большую часть территории СССР. Отдает предпочтение лесным ландшафтам, но обитает и в безлесных горах, степях, тундрах, на морских побережьях. Общая численность вида в СССР близка к 100 тыс. особей (Верещагин, 1972, 1973). Наиболее многочисленны бурые медведи в севере европейской части страны, в Сибири, на Дальнем Востоке, особенно в Приамурье и на Камчатке. В отдельных районах плотность его населения достигает 1 особи и более на 100 км² (10 тыс. га).

Белый медведь населяет льды и побережья всех северных морей СССР, исключая лишь Белое море и юго-запад Баренцева моря. В своей жизни он тесно связан с морскими дрейфующими льдами, и плотность его населения прямос

связана с характером льдов, а следовательно, с обилием корма и возможностью его добывания. Общая современная численность вида во всей Арктике, по-видимому, близка к 25—30 тыс. особей. Поскольку эти звери постоянно и широко конкурируют, определить их численность в СССР практически невозможно. Наиболее многочисленны они на крайнем западе Советской Арктики и на крайнем ее востоке; здесь же располагаются основные места размножения белых медведей, в том числе залегания в берлоги беременных самок.

Белогрудый медведь в СССР обитает лишь на юге Дальнего Востока. Он тесно связан с лесными ландшафтами, ведет в значительной мере древесный образ жизни, предпочитает дубово-широколиственные и кедрово-широколиственные леса. Общая численность вида в СССР составляет 6—8 тыс. особей при плотности населения до 2 особей на 100 км² (Кучеренко, 1973).

Амурский тигр в СССР распространен на юге Дальнего Востока. Населяет леса, преимущественно широколиственные, кедрово-широколиственные или кедрово-еловые, но при наличии достаточного количества копытных встречается также на зарастающих вырубках и гариах. Современная численность его в СССР составляет около 200 особей (Кучеренко, 1980), а в 1930—1940 гг. она не превышала 20—30 зверей. Плотность его населения местами составляет 1—1,2 особи на 100 км².

Переднеазиатский леопард обитает в СССР в горах Кавказа и юга Средней Азии (Туркмении и Таджикистана). Он всюду очень редок, общая численность его в Советском Союзе составляет лишь около 50 животных (Банников и др., 1973).

Восточносибирский леопард встречается у нас на юге Дальнего Востока (Приморье), держится преимущественно в горных широколиственных лесах с неглубоким снежным покровом. Общая его численность в Советском Союзе, по-видимому, не превышает 30 особей (Банников и др., 1973).

Снежный барс встречается на крайнем юге Средней Азии и Сибири (Алтай). Обитает главным образом в субальпийском и альпийском поясах гор. Общая численность его в СССР, возможно, достигает 1 тыс. зверей (Банников и др., 1978).

Большинство крупных хищников плотоядны, то есть кормятся почти исключительно мясом. Из представителей нашей фауны таксы тигр, леопард, снежный барс, белый медведь. Тигр пьет около 10 кг мяса в сутки и 3—4 т в год (примерно 30 крупных животных по 100—150 кг весом). Выходок же тигров съедает в год свыше 5 т мяса (Гептнер и Слудский, 1972). У леопарда и снежного

барса суточная потребность в мясе близка к 2—3 кг. У белого медведя дни удачной охоты нередко чередуются с длительными голодовками, годовая же потребность его в корме составляет примерно 50 тюленей общим весом около 5 т. Бурый, а тем более белогрудый медведи — преимущественно вегетарианцы, и животные корма в их рационе, как правило, имеют второстепенное значение.

Опираясь даже на эти самые обобщенные данные, можно заключить, что из крупных хищников нашей фауны как потенциальный конкурент человека наибольшего внимания заслуживает тигр, в первую очередь в связи с изъятием им значительного количества диких копытных (кабана, изюбра, пятнистого оленя, лоси). Домашний скот играет в питании тигра второстепенную роль, причем к нападениям на домашних животных зверя, как правило, вынуждают какие-то особые обстоятельства: сокращение (в том числе человеческом) численности диких копытных, выпас скота на его охотничью участке, увечье или старость. По наблюдениям В. И. Животченко (1976), иногда «жертвничат» также молодые, расселяющиеся тигры, когда они попадают в незнакомую обстановку.

Основу питания леопарда составляют также копытные, преимущественно дикие. Однако численность его столь незначительна, что ущерб, нанесенный им охотничьему, а тем более сельскому хозяйству, практически ничтожен. То же самое можно сказать и о снежном барсе: хотя численность его в СССР и не столь низка, следует учитывать, что он обитает только в высокогорьях и кормится преимущественно горными козлами.

Основным кормом белому медведю служит один вид тюленей — кольчатая нарва. Она не имеет сколько-нибудь заметного промыслового значения и, следовательно, белого медведя нельзя считать конкурентом человека. Следует иметь также в виду, что этот хищник добывает главным образом молодых тюленей, и тем самым наносит их популяции минимальный урон. Быть может, более значительный урон человеку белый медведь наносит тем, что разоряет пастбища и другие ловушки на пescцов, иногда вламывается в склады, разрушает постройки, в том числе навигационные знаки. Однако такой грех свойствен не всем белым медведям, а лишь отдельным их особям.

Бурые медведи существенно различаются по характеру питания. Эти различия прежде всего популационные. Например, на Камчатке и в Приморье звери — преимущественно вегетарианцы, хотя в их питании значительное место занимает рыба, однако в Приамурье они в гораздо большей мере хищники. Нередко нападают на диких и домашних

Тигр погадает около 10 кг мяса в сутки и 3—4 т в год [примерно 30 крупных животных по 100—150 кг весом].

Фото М. БАЛАНДЮКА

копытных бурые медведи в Восточной и Средней Сибири, в Башкирии, на севере европейской части СССР (в Мурманской и Кировской областях). Почти исключительно растительноядны бурые медведи Западного и Центрального Кавказа, однако они нередко нападают на домашний скот в Дагестане. По определению К. П. Филионова (1977), в Лапландском заповеднике бурый медведь изымает около 3% популяции лося, в Березинском заповеднике — 1,3% и в Дарвинском заповеднике — 0,8%. Прослеживаются различия в питании этих зверей по сезонам года. Как правило, они активнее охотятся на крупных диких животных и скот весной, по выходе из берлог. При прочих равных условиях в большей мере хищниками оказываются взрослые самцы. Следует при этом учитывать, что степень хищничества — индивидуальная особенность бурых медведей. Отсюда — «скотники», «стервятники» и «муравьятники», существующие в одной и той же популяции.

Степень хищничества бурых медведей в значительной мере отражает обеспеченность зверей кормами. Как известно, периодически, особенно в Восточной Сибири, бывают неурожай ягод, кедровых орехов, других нажирочных кормов. В такие годы, наряду с миграциями зверей, появление шатунов отмечены массовые нападения медведей на диких и домашних животных, каннибализм (о нападениях их на человека говорится ниже).

Оценивая хозяйственное значение бурого медведя, следует вспомнить, наконец, об уроне, наносимом зверями пасекам, посевам и посадкам, складам и лабазам. На первое по значимости место здесь, очевидно, можно поставить урон пасекам, в том числе бортевым (например, в Башкирии). Однако так же, как и в разгроме складов, урон садам и виноградникам, здесь обычно бывают повинны лишь от-

дельные особи. В ряде случаев урон от бурого медведя может быть значительно сокращен за счет совершенствования агротехники и выпаса скота. Например, посевы овса страдают от этих зверей в том случае, если площади их невелики (до 2—2,5 га) и они располагаются в лесных массивах (Пажетков, 1977). Гибель от медведей скота чаще оказывается следствием недобросовестной его пастьбы или свободного выпаса, тем более в ночное время.

На последнее место в этом ряду потенциальных конкурентов человека может быть поставлен белогрудый медведь, за редким исключением довольствующийся естественными растительными кормами. Лишь местами он наносит незначительный урон, разоряя пасеки, уничтожая посевы кукурузы, а также сдирая кору с листвы (медведи повреждают камбий этого дерева).

Все крупные хищники нашей фауны представляют ту или иную опасность для человека. Особенно это относится к бурому медведю. Все сказанное о его хищничестве относится и к нападениям медведя на человека. Так, в пределах нашей страны, очевидно, наиболее опасны звери, обитающие в Приморье, где неспровоцированные их нападения на людей нередки не только в голодные годы или ранней весной, но и в середине лета, при хорошей обеспеченности кормами (Кучеренко, 1982). Реже, по-видимому, также неспровоцированные нападения медведей на человека (при достаточной обеспеченности зверей естественными кормами) отмечены в последние годы на Сахалине и в ряде областей Восточной Сибири (в Красноярском крае, Читинской и Иркутской областях, Бурятской АССР).

Неурожай нажирочных кормов бурых медведей, повторяющиеся с разной периодичностью и нередко охватывающие громадные территории, особенно Средней и Восточной Сибири, становятся причиной резкого повышения агрессивности этих зверей и трагических событий, подчас сопровождающихся гибелью многих людей, что было описано А. П. Ждановым и М. П. Павловым (1972), А. Н. Формозовым (1976) и рядом других авторов.

Остальные крупные хищники нашей фауны обычно менее опасны для людей, но при особых обстоятельствах возможны нападения на человека и тигра, и леопарда, и белого медведя, а в исключительных случаях также снежного барса и белогрудого медведя. Таким особым обстоятельством, помимо острого недостатка кормов или хронического дефицита их отдельных компонентов, следует считать провоцирование хищника к нападению. Это, прежде всего, перешагивание человеком «порога сближения» — преднамеренное или неумышленное приближение к зверю, к его выездку или добыче. Например, как установил С. К. Устинов (1973), в Восточной Сибири из 67 случаев нападений бурого медведя 49 произошли при нарушении человеком «порога сближения», то есть были спровоцированы.

Провокацией к нападению следует назвать ставшие своего рода модой попытки «обласкать» медведей, подкормить их, а также хранение пищевых отходов в местах, доступных для хищников. Ведь именно медведи-попрошайки, или «помоечники», становятся затем наглыми вымогателями и, наконец, нередко — людоедами. Этот процесс был хорошо изу-

чен, например, в североамериканских парках (Ч. Джонхем, С. Херрера, Ч. Мартинкой). Эти же явления в связи с развитием туризма начинают проявляться и в рядах областей СССР, в частности на Камчатке.

Хищник вынужден нападать на людей при преследовании, когда он «загнан в угол». Чрезвычайно опасна также попытка человека убежать от оказавшегося вблизи зверя, поскольку преследование убегающего — врожденная черта поведения хищника. При таких обстоятельствах, например, чаще всего случаются увечья и гибель людей от белого медведя.

Опасен для человека крупный хищник с ненормальным поведением. Это либо звери с «сорванным» поведением, уже привыкшие к безнаказанному людоедству, либо превратившиеся в людоедов дряхлые или увечные особи. Среди последних значительную часть составляют подранки, животные, травмированные капканами или петлями. Косвенным виновником их агрессивности, следовательно, также бывает человек. Например, по мнению известного охотника на тигров-людоедов в Индии Д. Корбетта (1957), нападения этих зверей на человека в девяти случаях из десяти бывают следствием ран и лишь в одном случае — старости.

Взаимоотношения крупных хищников и человека не остаются постоянными. В самой общей форме в них можно наметить три этапа.

На первом этапе господствующее положение принадлежит хищникам. Это период «первональной агрессивности» зверей, начала знакомства их с человеком, период, когда конфликты людей с крупными хищниками протекали в наиболее обостренной форме. Ярким примером может служить трагическая история первых встреч европейцев с североамериканскими гризли (одним из подвидов бурого медведя), активная охота медведей на людей и домашний скот, носившая массовый характер. Долгое время гризли были едва ли не главным препятствием в колонизации Северной Америки европейскими иммигрантами.

О количестве в Северной Америке в то время медведей можно судить хотя бы по такому факту: в 1848 г. пятеро охотников за год охоты в штате Орегон стали обладателями 700 (!) шкур гризли. Вшли в историю и отдельные звери. Например, гризли, живший в штате Колорадо и получивший кличку Старый Мозес, в течение 35 лет терроризировал округу в радиусе 100 км. По подсчетам (скорее неполным), он задрал 800 коров и быков, несколько дюжин телят и других домашних животных, убил пять человек из числа охотников, пытавшихся его пристрелить. Убит Старого Мозеса удалось в 1904 г. (Гржимек, 1982).

Разъязнено вели себя в Арктике при первых встречах с европейскими путешественниками белые медведи, таким же было поведение львов в слабонаселенных районах Африки, на первых этапах колонизации этих местностей. В прошлом веке и даже в начале текущего столетия в тугаях Средней Азии и на нашем Дальнем Востоке столь же агрессивно вели себя тигры: нападения их как на домашних животных, так и на людей были тогда обычным явлением.

Следующий этап характеризовался наступлением человека на крупных хищников, их усиленным преследованием, а также резким изменением условий оби-

тания (сведением лесов, сокращением кормовой базы). Все это вело к посевестному падению численности зверей, а в некоторых случаях и к полному их истреблению, как это случилось с рядом популяций бурых медведей в Северной Америке, львов — в Африке, тигров — в Азии.

Преследование хищников означало также изъятие человеком из их популяций в первую очередь наименее осторожных и особо агрессивных особей, вело к изменению поведения зверей, выработке у них боязни человека, «запретительного механизма» по отношению как к людям, так и к домашним животным.

Третий этап приходится, по сути дела, на последние десятилетия и характеризуется покровительственным отношением человека к большинству сохранившихся видов и популяций крупных хищников, что выражается либо в резком сокращении объема их добычи, либо в полной охране. Негативная сторона этой тенденции — непредвиденная потеря хищниками «уважения» к человеку и его имуществу, в том числе к домашнему скоту. В наши дни вновь появляются агрессивные звери, например, тигры на Дальнем Востоке), их опасность усугубляется в условиях роста населения и быстрого хозяйственного освоения некогда глухих и безлюдных мест Севера, Сибири и Дальнего Востока. Восстановление и поддержание «уважения» к человеку должно быть одним из основных принципов современного управления популяциями хищников, что отвечает интересам обеих сторон.

Как же все-таки сосуществовать крупным хищникам с человеком? Ответ на этот вопрос не может быть однозначным по отношению к разным видам и популяциям зверей.

Способности диких животных к выживанию и сосуществованию с человеком в первую очередь определяются их поведенческой и экологической гибкостью, возможностью приспособливаться к изменяющимся условиям обитания. Из крупных хищников нашей фауны наиболее пластичен и жизнеспособен, конечно, бурый медведь, приспособительные реакции которого особенно проявляются в последние десятилетия в европейской части страны, на территории, самым интенсивным образом осваиваемой человеком. Медведь стал мириться здесь даже со сплошными концентрированными рубками, хотя прежде считался обитателем исключительно крупных массивов спелых и перестойных хвойных лесов. Он охотно посещает застраивающие вырубки и даже, по наблюдениям В. С. Пажетнова (1977), ложится на них в берлоги. Он быстро оценивает преимущества измененных человеком ландшафтов (увеличение урожайности ягодников на вырубках, повышение зетровала и бурелома на опушках) и использует их. В какой-то мере бурый медведь начинает мириться даже с возрастиением людности и фактора беспокойства, что проявляется, например, в Ленинградской области. Наконец, о возможности этого зверя приспособливаться к современным формам хозяйственного использования лесных массивов свидетельствует и рост его численности, наблюдавшийся во многих областях и районах Европейской России. Словом, перспективы сохранить в СССР большинство популяций бурого медведя, причем не только как вид, но и как объект высокомоци-

нальной и традиционной русской охоты, реальна.

Знамительно хуже вписываются в измененные ландшафты другие наши крупные хищники. Тигр и леопард могут мириться с частичным изменением местообитаний, однако их взаимоотношения с человеком осложняются конкурентными пищевыми отношениями. Белый медведь болезненно реагирует на изменения в природной обстановке: загрязнение среди пестицидами и продуктами их распада (отравление этими веществами считается основной причиной снижения интенсивности размножения белых медведей), загрязнение морских вод и льдов нефтью, обживание людьми островов, играющих в его жизни роль «родильных домов» — мест массового залегания в берлоги беременных медведиц. Белогрудый медведь практически не мирится с вырубкой лесов, особенно с уничтожением старых дуплистых деревьев и порченой дупел — мест своего зимнего сна. Наконец, снежный барс обитает в естественных биотопах, населенных лишь достаточным количеством диких копытных.

Отсюда следует необходимость различного подхода к управлению популяциями крупных хищников. По отношению к бурому медведю (за исключением тяньшанского и закавказского подвидов, признанных редкими и включенных в Красную книгу СССР) это регламентированная, регулируемая охота. Будущее тигра и леопарда зависит, прежде всего, от состояния их кормовой базы. Судьба остальных видов определяется степенью сохранности в целом среди их обитания.

Управление популяциями крупных хищников состоит в поддержании равновесия между численностью этих зверей и запасами в природе их кормов. Это означает, например, резкое увеличение отстрела бурых медведей, когда им угрожает бескормица, когда возникает опасность появления шатунов. В заповедниках и других местах, где охраняется тигр, это прежде всего поддержание на достаточно высоком уровне численности диких копытных. Управление популяциями означает и необходимость селективного изъятия из них фактически или потенциально агрессивных особей (старых, увечных).

При въезде в некоторые национальные парки США помещены инструкции для посетителей: «Как вести себя в стране гризли». Основные положения инструкции таковы:

На подходе к медведю ближе, чем на 50—100 ярдов (45—90 м).

Особенно осторегайся нападения медведя ночью или в ветреный день — медведь хуже слышит в такую погоду и может обнаружить человека на слишком коротком от себя расстоянии.

Содержи свой лагерь в чистоте, не разбрасывай вокруг пищевых отходов. Не пытайся подкармливать медведя.

При встрече с медведем накротко не пытайся убежать от него. Если медведь все-таки напал, брось ему сумку, пальто, шапку, чтобы отвлечь внимание зверя, постараись залезть на дерево, а в крайнем случае — притворись мертвым.

Соблюдение перечисленных правил, а они могут быть приняты и у нас и относятся к встречам не только с бурными медведями, спасает жизнь и людям и зверям. Соблюдение их, проявление и человеком и крупными хищниками взаимного уважения — в конечном счете залог их успешного сосуществования.

УДК 639.111.77

МЕДВЕДЬ

Чаткальская долина расположена на крайнем западе Киргизии между двумя высокогорными массивами: с севера Пкемский, с юга Чаткальский хребты. Земли Чаткальской долины находятся на значительной высоте — от 1000 до 4000 м и более над уровнем моря. Ясно выражена вертикальная поясность растительности. От пояса орехоплодовых лесов долина протянулась на восток на 200 км до арчевых и еловых лесов высокогорья.

В 1979 г. был организован Беш-Аральский государственный заповедник на базе бывшего Чаткальского мехлесхоза с привлечением земель госземфонда. Общая площадь заповедника составляет 116,7 тыс. га. Он состоит из южного западного участка площадью более 90 тыс. га и восточных участков — пойменных лесов по реке Чаткал и участков лесопокрытой плодородной почвы на урочищах. Всего имеется семь лесничеств. Заповедник изучает распространение и численность наземных позвоночных и проблему восстановления пойменных лесов в рамках республиканской подпрограммы международной программы «Человек и биосфера» — МАБ. Благодаря своей обширной территории, богатству животного и растительного мира Беш-Аральский заповедник может стать эталонным природным комплексом горной системы Тянь-Шаня.

Более двадцати видов растений заповедника занесены в Красную книгу Киргизии, из них шесть видов — в Красную книгу СССР (тульпаны, крокусы, ирисы). Большим разнообразием отличается и животный мир. Снежный барс, туркестанская рысь, красный волк, манул, бурый медведь, архар, сурок Менабира — эти звери внесены в Красную книгу нашей страны. Еще можно встретить стада сибирского козерога и кабана, обычные барсук и дикобраз. По всей долине расположены колонии реликтового суртика и длиннохвостого сурка.

Из охраняемых и редких млекопитающих Беш-Аральского государственного заповедника особое место занимает бурый тяньшанский (белокоготный) медведь. Именно на территории Чаткальской долины в настоящее время наблюдается концентрация этого редкого зверя.

Медведь встречается на всем протяжении Чаткальской долины и имеет две формы окраски — темно-коричневую, почти черную, с подпалинами, и светлую — рыжеватую. Медведи чаще встречаются на западном участке заповедника. Это можно объяснить отличной и постоянной кормовой базой в зоне орехоплодовых лесов. Хорошие защитные и гнездовые стации — труднодоступные скальные массивы — расположены более равномерно на всем протяжении Чаткальской долины. По северному склону Чаткальского хребта, южным склонам хребтов Сандалаш и Пкем, отрогам Таласского Алатау встреча-

ЧИ МЕДВЕДЕЙ ЧАТКАЛА

В. ПЛЯСКИН,
старший научный сотрудник
Чаткальского горно-лесного заповедника

чи медведей тоже постоянны, но значительно реже, чем на западе долины. Четких постоянных участков медведи Чаткала не имеют. Это, видимо, относится вообще ко всем горным медведям (Коротаев, 1977; Кудактин, 1975, 1980).

Учетные работы в заповеднике на данный момент находятся еще в зачаточном состоянии. Тем не менее за сезон 1981 г. мы постарались более-менее реально оценить численность медведей на заповедной территории и Чаткальской долине. Работы проводили на маршрутах общей протяженностью более 400 км в различных растительных поясах. Кроме того, использовали (с последующей частичной проверкой) опросные данные. Конечно, приводимые цифры еще не в полной мере отражают состояние численности зверей, тем более что медведи Чаткала подвержены постоянным сезонным миграциям. В сентябре 1981 г. в Чаткальской долине было учтено 120 медведей, в том числе в заповеднике — 68.

Арабское, Беш-Аральское, Кен-Булунское, Акташское лесничества относятся к западному участку заповедника. Концентрация медведей в орехоплодовой зоне Арабского лесничества, в пойменных лесах реки Чаткал — явление сезонное. Более стабильна в течение всего времени их численность в практически напосещаемых урочищах Нурсанай и Кишлаксай (Арабское лесничество) с обилием каменистых завалов, зарослями кустарников и травянистой растительности, арчевицами куртинами, полным отсутствием троп. Начиная со второй половины августа плотность населения в пойменной зоне Арабского лесничества достигает 5—6 особей на 1000 га угодий.

Выход медведей из берлог на всем протяжении долины в зависимости от высоты неравномерен: от третьей декады

февраля (Арабское лесничество) до третьей декады апреля (урочища Карагатко, Каракульджа). На южных склонах хребтов к этому времени солнцепечные беснежные участки увеличивают свою площадь, но по урочищам высота снежного покрова превышает 1 м. В зависимости от установления снежного покрова идет и процесс залегания в спячку. Средний срок залегания приходится на 10 ноября. К началу ноября медведи подходят к месту залегания и до начала спячки одну-две недели живут в районе берлоги.

Для залегания в берлоги медведи Чаткала в основном предпочитают северные склоны, хотя бывают и исключения. Например, один медведь из урочища Ортотек постоянно, из года в год, ложится почти на самой вершине кругого южного склона хребта Сандалаш. Практически всю зиму место его залегания (небольшая ниша с арчами вокруг) не заносится снегом. Также обычно медведи залегают в субальпийском и альпийском поясах или на верхней границе хвойных лесов. Зверям, постоянно обитающим на южных склонах хребтов, приходится каждую весну и осень переваливать через хребты высотой более 3000—4000 м. Подобные миграции отмечены через все перевальные точки всех хребтов, окаймляющих Чаткальскую долину и находящихся на ее территории. Но и правило постоянных сезонных миграций иногда нарушается. Осенью 1980 г. три медведя из урочища Араб Арабского лесничества до выпадения снега придерживались пойменной зоны, а затем легли в скальном участке на 300 м от пойменных лесов.

Медведи активны 7,5—8 месяцев в году. Шатуны в районе Чаткальской долины отсутствуют, хотя, возможно, в восточной зоне единичные особи из-за недостатка кормов иногда и не ложатся, но они обречены на скорую гибель. Суровые зимы, когда мороз достигает 35—40°, со снежным покровом высотой более 2—3 м, полное отсутствие кормов для медведей, повышенная лавиноопасность — все это не в пользу зверей-шатунов.

После выхода из берлог медведи мигрируют на южные склоны, где по солнцепекам ищут травянистые корма, копают луковицы тюльпанов. В это же время отмечены по всей долине постоянные раскопы нор сурка Мензбира и длиннохвостого сурка. По мере таяния снега медведи начинают раскапывать по лавиносыбрасам трупы погибших животных: козерогов, реже — кабанов. Подобной деятельностью занимаются также, видимо, все медведи горных районов (Котов, 1968). По мере таяния снега, в мае, медведи начинают более равномерно занимать различные биотопы долины, но не спускаясь в пойменную зону. Основные корма в это время — ревень, борщевик, сочные корневые шейки ферулы, зелень чеснока, лу-

ковицы тюльпанов, эромурус. К середине августа, по мере выгорания травянистой растительности, медведи западной зоны начинают концентрироваться в пойменной орехоплодовой зоне, где, питаясь яблоками, алычой, дикой вишней, грецкими орехами, фисташкой, ежевикой, находятся до ноября — начала миграций к местам зимовок.

С конца августа до времени зимовки медведей в восточной зоне регистрируют случаи их хищничества. Даже обилие сочного травостоя альпийских лугов не может обеспечить зверей на зимовку достаточным запасом жира. Основной их пищей в это время становится длиннохвостый сурок, обитающий в восточной зоне долины. Сурок Мензбира обитает на территории западного участка и активному преследованию со стороны медведя в осенне время не подвергается. Норы длиннохвостого сурка медведь раскапывает на глубину 1—1,5 м и более, выкапывая воронку. Иногда жертвой медведя становится козел. Отмечены постоянные случаи нападения на домашний скот в высокогорной зоне, например, в урочище Карагатко.

Массовый выпас скота на территории заповедника приводит к серьезному отрицательному воздействию на флору и фауну заповедной территории. Присутствие отар овец, совпадающее по срокам со временем активности медведей, серьезно влияет на жизнедеятельность хищников. Нарушаются веками устоявшиеся пути миграций, в восточной малокормовой зоне скот становится прямым конкурентом медведей по питанию, возникает постоянный фактор беспокойства со стороны скота и чабанских собак, возрастают случаи браконьерства.

Медведь в настоящее время — наиболее популярный объект браконьерской охоты в Чаткальской долине. Добывают его в основном ради шкуры, жира и желчи, выбрасывая мясо. Только в 1980 г. на территории Арабского лесничества добыто 12 медведей! Все они были отстреляны пчеловодами незаконно находящимися на территории заповедника Бричмульского пчелосовхоза. К октябрю 1981 г. только нам стало известно, что на территории Чаткальской долины уже отстреляно девять медведей. И ведь речь идет не о бесконтрольном отстреле про мышлового вида, а об истреблении животного, занесенного в Красную книгу СССР, изучение которого только началось.

Охрана заповедной территории оставляет желать лучшего, выпас скота все возрастает. Обстановка очень сложна, много важных проблем требует незамедлительного решения. От этого зависит, сохранился ли на Тянь-Шане снежный барс, туркестанская рысь, тяньшанский медведь, или они пополнят список животных, безвозвратно исчезнувших по вине человека.

Территория Чаткальской долины и Беш-Аральского заповедника.

Схема автора

- Республика граница
- Граница заповедника и заповедных участков
- Граница орехоплодной зоны

ПЫЖИ И ПРОКЛАДКИ К ДРОБОВЫМ ПАТРОНАМ

В. БАБКИН,
инженер

Пыжи к дробовым патронам охотничего гладкоствольного оружия изготавливаются следующих типов: пыжи основные и пыжи добавочные. Назначение основного пыжа — не допускать прорыва пороховых газов в дробовой снаряд, то есть обеспечивать обтюрацию. Назначение добавочного пыжа — заполнять внутренний объем гильзы между основным пыжом и снарядом дроби таким образом, чтобы от среза дульца гильзы до снаряда осталось достаточное для закрепления последнего расстояние.

В патроне столбик пыжей выполняет, помимо указанного, роль амортизатора, смягчая воспринимаемое как удар воздействие пороховых газов на снаряд дроби в самом начале его движения, а также огромные инерционные нагрузки при движении снаряда дроби по каналу ствола, чем уменьшает деформацию отдельных дробинок; равномерно передает давление пороховых газов на столбик дроби, обеспечивая тем самым сохранение его первоначальной формы при движении по каналу ствола; оказывает достаточное сопротивление воздействию пороховых газов от начала движения снаряда до вылета его за пределы дульного среза ствола; при последующем выстреле снимает нагар со стенок канала ствола от предыдущего.

В патроне основной пыж должен быть один. Оптимальная его высота для нормального процесса развития выстрела, при котором обеспечивается наибольшая сгораемость порохового заряда, составляет величину от 0,5 до 0,75 калибра ствола. Высота основных пыжей, которые поступают для продажи в охотничьи магазины, может быть 8, 10, 12 или 14 мм при отклонении от номинального размера в пределах ± 1 мм.

Добавочных пыжей может быть в патроне один или несколько, в зависимости от подобранной массы порохового заряда и дробового снаряда. Рекомендуется при снаряжении патрона в столбике пыжей иметь лучше несколько тонких добавочных пыжей, чем один высокий. Добавочные пыжи в продаже могут быть высотой 3, 4, 5, 6 или 7 мм с предельным отклонением $\pm 0,5$ мм.

Нормативно-техническая документация предусматривает изго-

товление отечественной промышленностью войлочных и древесноволокнистых пыжей с диаметрами, указанными в таблице I. Диаметры пыжей основного и добавочного для определенного калибра и гильзы — одинаковые.

Таблица I

ДИАМЕТРЫ ПЫЖЕЙ, ММ

Калибр	Диаметры пыжей					
	бумажных гильз			металлических гильз		
	Номин.	войлочных пыжей	древесно-волокнистых пыжей	Номин.	войлочных пыжей	древесно-волокнистых пыжей
10	20,4			21,4		
12	19,9			19,9		
16	17,4	$\pm 0,28$	$\pm 0,1$	18,4	$\pm 0,25$	$\pm 0,1$
20	16,9			16,9		
28	14,5			15,5		
32	—			18,5		

Примечание. Диаметр пыжей за мережкой измеряется в двух перпендикулярных друг к другу направлениях. За окончательный результат принимается среднее арифметическое.

Пыжи должны иметь цилиндрическую форму, основания их параллельны. Не следует применять пыжи конусные, выпуклые, вогнутые, нецилиндрические, перекошенные и с непараллельными основаниями, если указанные отклонения формы выходят за пределы отклонений от номинального размера, так как использование таких пыжей ухудшает бой ружья. Материал пыжей не должен содержать различные твердые частицы, царапающие поверхность канала ствола: металл, стекло, песок и др.

Плотность применяемого для изготовления пыжей войлока (или пыжей в неосаленном виде) должна быть в пределах 250—460 кг/м³.

Боковая поверхность основных войлочных пыжей осаливается на глубину не более 3 мм. Осаливание со всех сторон не допускается, так как при этом пыж теряет свою упругость, при выстреле повышает давление пороховых газов, отчего увеличивается отдача и что может привести даже к раздутию ствола, особенно при большой величине дульного сужения.

Боковая поверхность добавочных пыжей бывает неосаленной или осаленной. При осаленном добавочном пыже в патроне между пыжом и дробовым снарядом должна быть тонкая картонная прокладка, при неосаленном наличие ее не обязательно. Остывший состав для осаливания пыжей не должен быть жидким, чтобы не пропитывать трубку бумажной гильзы, картонную прокладку на порох и порох в патроне. Технологию

ИЗМЕНИТЬ СРОКИ ПРОМЫСЛА

В. БАРАНОВ,
старший охотник Северо-Байкальского коопзверопромхоза

Нас, как работников охотничьего хозяйства, наряду с вопросами охраны и воспроизводства не в меньшей степени интересует и рациональное использование имеющихся у нас промысловых ресурсов. Особенно много сложностей в освоении запасов копытных. Отсюда понятен тот интерес, который вызывала у нас публикация в журнале статей Б. Новикова «Проблемы оленевого промысла» (№ 2, 1983) и А. Сицко «Совершенствовать промысел копытных» (№ 3, 1983). Искреннее недоумение вызывает ставшее уже хроническим недоиспользование мясодичных ресурсов в количествах, составляющих почти половину от фактически заготавливаемого. На этом фоне непонятны невправданно жесткие законы положения и инструкции по организации добывки копытных промысловыми хозяйствами отдаленных, трудноиссваиваемых районов.

На примере промысла дикого северного оленя лесной популяции в Северо-Байкальском коопзверопромхозе можно показать, насколько серьезно надо подходить к вопросу более

полного освоения ресурсов копытных, учитывая региональные особенности, особенности биологии вида с тем, чтобы по-деловому, по-хозяйски решать вопросы планирования, выработки инструкций и правил, обеспечивающих более благоприятные условия для производственной деятельности хозяйств.

Из 285 разрешений, выданных Северо-Байкальскому коопзверопромхозу за последние два года, хозяйство смогло освоить только 48. К сожалению, и в перспективе хозяйство не может гарантировать полное освоение запасов северного оленя, не решив ряд проблем.

Освоение запасов северного оленя лесной популяции Северо-Байкальским коопзверопромхозом тесно связано с началом общего освоения глубинных таежных угодий в верховьях рек Чая, Большая Чая, Левая Мама и внедрением на промысле вертолетов (МИ-4, МИ-1, позднее — МИ-2 и МИ-8).

Охотники, впервые завезенные туда на охотпромысел в 1955/56 г., были удивлены обилием копытных, особенно северного оленя. Этот вид занимал обширную территорию. Но уже в те времена его появление в угодьях промхоза носило явно миграционный характер. Пролегали две основных пути миграции: олень заполнял угодья, двигаясь с живой Чая из Иркутской области и появляясь вначале по ключам Гулакит, Тупо, Калактакан, а затем — Амутберен, Олсокит и далее по всей реке Чая. Второй путь подковочки проходил через верховья реки Абчада. По этому пути двигались олени, заселявшие в летний период высокогорные гольцовские комплексы рек Левая и Большая Мини. Направление этих путей было почти встречное, в результате чего все ключи бассейна реки Чая превращались в настоящий охотничий рай». Промысловое освоение северного оленя этого региона из-за недоступности угодий стало

осалки и составы веществ для этого см. в журнале «Охота и охотничье хозяйство», 1978, № 8.

Пыжи должны обеспечивать пожаробезопасность — не прогорать от пороховых газов и не тлеть после выстрела.

Вес одного осаленного пыжа не должен превышать: основного — 2,5 г; добавочного — 1,5 г.

Назначение картонной прокладки на порох — предохранение от осаления основным пыжом порохового заряда и от прилипания верхнего слоя пороха к осаленной поверхности основного пыжа. Прокладка на порох исключает возможность проникновения пороховых газов при выстреле через материал пыжа в дробовой снаряд. Назначение прокладки на дробь — удержание в патроне дробового снаряда. Прокладка на порох изготавливается из более плотного картона, чем прокладка на дробь. Размер диаметра и толщина картонных прокладок на порох и дробь приведены в таблице 2.

Таблица 2
ДИАМЕТРЫ И ТОЛЩИНА КАРТОННЫХ ПРОКЛАДОК, ММ

Калибр	Диаметры пыжей				Высота пыжей			
	для бумажных гильз		для металлических гильз		на дробь		на метательный заряд	
	Номин.	Пред. откл.	Номин.	Пред. откл.	Номин.	Пред. откл.	Номин.	Пред. откл.
10	19,8		21,0					
12	18,6		19,5					
16	17,1		18,0					
		— 0,2		— 0,2	0,8	± 0,25	1,5	± 0,25
20	15,6		16,5					
28	14,5		15,4					
32	—		13,2					

В охотничьей литературе, в некоторых статьях нашего журнала о снаряжении дробовых патронов рекомендуется картонную прокладку на порох ставить толщиной до 3 мм. При самостоятельном изготовлении картонных прокладок на порох можно их рубить из картона большей толщины, чем указано в таблице 2, или же применять при снаряжении патрона две прокладки, если их толщина соответствует данным таблицы 2. В металлическую гильзу на дробь требуется ставить ту прокладку, которая по таблице 2 рекомендуется для пороха.

Пыжи и прокладки следует хранить в упакованном виде, в сухом проветриваемом помещении, защищенным от пыли. Зайчичные пыжи, кроме того, необходимо предохранять от моли, которая может сильно повредить даже осаленные пыжи.

возможным лишь с сезона 1963/64 г. и связано, как уже отмечалось, с началом использования винтокрылой авиации. Заготовки северного оленя выглядят так: 1969 г. — 70 голов, 1970 — 100, 1971 — 79, 1972 — 138, 1973 — 134, 1975 — 17, 1976 — 24, 1977 — 153, 1978 — 98, 1979 — 135, 1980 — 55, 1981 — 4, 1982 г. — 4 оленя.

Резкое снижение заготовок северного оленя с 1980 г. вызвано сокращением сроков его промысла на территории Бурятской АССР. При этом решающим стало не общее сокращение периода промысла (было до 15 марта, стало до 15 января), а несоответствие сроков охоты со сроками прихода оленя в угодья хозяйства.

Северо-Байкальский коопзверопромхоз по своим возможностям и численному состоянию популяции северного оленя в состоянии добывать 150—170 этих животных в течение полутора месяцев. Для этого, учитывая сроки миграции, коопзверопромхозу хотя бы в порядке исключения необходимо разрешить промысел северного оленя с 1 февраля по 15 марта.

С заведением в 1980 г. новых сроков охоты на северного оленя коопзверопромхоз лишился поступления побочной продукции оленевого промысла в сувенирный (мясовой) цех звеникского села Холодное, что противоречит принятым документам о мерах по развитию традиционных видов промысла коренного населения.

Принимая во внимание исключительно низкий процент освоения северных оленей в Бурятии, специфику и сложность добычи этих животных лесной популяции, короткий период возможного опромыщения и трудности организации промысла, вопрос об изменении сроков промысла северного оленя в Бурятской АССР необходимо решать с учетом фактического положения дел.

ОХОТА В ХОРВАТИИ. В Хорватии (республика в Югославии) охотнико-ство существует вот уже 100 лет. В настоящее время он насчитывает около 60 тыс. охотников. В 1969 г. хорватские охотники принесли новый устав, в котором было записано положение, что охота является частью защиты природы. Ежегодно в Хорватии выращивают более 280 тыс. фазанов, 20 тыс. куропаток и 20 тыс. диких уток. Охота на фазанов пользуется большой популярностью. Численность зайцев пополняется за счет частичных их покупок заграничной. Для восполнения поголовья муфлонов и серн проводятся ассигнования денежных средств. Последний учет медведей показал, что их популяция насчитывает около 350 особей, большинство из которых обитает в национальных парках.

За последние годы в Хорватии проведены работы по облесению на площади 3 тыс. га. Самой проблемой является браконьерство. Ежегодно жертвы браконьеров становятся около 600 оленей, 500 косуль и 150 кабанов. В настоящее время в Хорватии увеличился поток иностранных охотников, поэтому в предстоящие четыре года запланировано создать 15 хозяйств по выращиванию кабанов, оленей и муфлонов.

H. Günther, Die Pirsch — Der Deutsche Jäger, 1982, 34, 15 : 1014—1015 (нем.)

Н. ШИЛЬНИКОВ

УШЕРБ ОТ ВОЛКОВ В ШТАТЕ МИННЕСОТА. В Миннесоте (США) волки заселяют северную часть штата (77,7 тыс. км²), включающую 12 230 ферм. Проведенные статистические исследования показали, что в целом, кроме нескольких ферм, ущерб, причиняемый в настоящее время волками сельскохозяйственным животным, незначителен. Однако наличие данных только за последние годы не позволило провести тщательный анализ этой проблемы. За 1976—1980 гг. нападению волков подвергались от 9 до 19 ферм. За период 1977—1980 гг., по сведениям, полученным на основании заявлений фермеров, наибольшие потери крупного рогатого скота отмечены в 1979 г. и составили 0,45 гол/1000 животных, овец — в 1980 г. (1,18 гол/1000 животных).

Служба охраны рыбных ресурсов и диких животных США предлагает увеличить охоту на волков, что поможет спасти ущерб, наносимый ими животноводству.

S. Fritts, United States and Wild Life Service. Resource Publication, 1982, 145 : I—II (англ.) 112717—Н

ПЕРЕНОСНАЯ ЛОВУШКА НА ЛОСЯ. Работниками охотничьего хозяйства США опробованы конструкции переносной ловушки, сделанной из труб диаметром 3,7 см с перегородками из нейлоновых ремней шириной 20 см и толщиной 0,6 см, болтами, гаечками, прокладками. Для изготовления секций трубы разрезали под углом 45° и сварили друг с другом, а затем каждый угол скрепляли куском трубы. Размер каждой секции равен 2,4×3,1 м, и между собой секции скреплялись болтами. После этого на конструкцию из труб пластины натягивали нейлоновые ремни и закрепляли при помощи болтов. Такая ловушка изготовлена в районе Коди (США) в 1977 г. и зимой 1977/78 г. была запланирована провести ее опробование. Однако в связи с глубоким снегом, не удалось поймать ремни и конструкции из труб, что сделало невозможным ее использование. В следующем году, несмотря на некоторую деформацию металла, ловушка была успешно опробована. В качестве приманки для лосей в ней использовали сено из люцерны или других трав. Анализ использования переносной ловушки новой конструкции показал, что с ее помощью обеспечивается поймка животных с минимальными усилиями и причиняющим ущербом. Сделан вывод, что целесообразно использовать данную конструкцию ловушек, но в дальнейшем необходимо применять трубы большего диаметра для лучшего натягивания ремней.

J. Yangeson, Wyoming Wildlife, 1982, 46, 3:20—22 (англ.) II 31427

Т. ХАНЫКОВА,
ВНИИТЭСХ

РЕФЕРАТЫ
ОХОТОВЕДЧЕСКИХ РАБОТ

„КРУГЛЫЙ СТОЛ”, „ОХОТЫ И ОХОТНИЧЬЕГО ХОЗЯЙСТВА”

ПРОБЛЕМЫ ЗАПОВЕДНОГО ДЕЛА

УПРАВЛЕНИЕ ПРИРОДОЙ ЗАПОВЕДНИКОВ

К. ФИЛОНОВ,
старший научный сотрудник ИЭМЖ имени А. Н. Саварцова,
доктор биологических наук

Всех положениях о заповедниках, начиная с 30-х годов, указано, что заповедники образуют для сохранения в естественном состоянии типичных или уникальных природных комплексов и что эти участки изымаются из хозяйственной эксплуатации. Там не менее в них санкционировали различного рода вмешательства человека в охраняемую природу: лесохозяйственные и биотехнические работы, уничтожение «вредных» видов, главным образом крупных хищников, ряд других мероприятий. Подобного рода действия преследовали одну цель: увеличить продуктивность отдельных, хозяйствственно ценных видов любыми средствами, не исключая нарушения целостности и устойчивости охраняемых экосистем, отклонения их от типичного состояния.

В результате таких мер численность отдельных видов, прежде всего копытных животных, необычайно быстро увеличилась, произошло перенаселение угодий, нарушение структуры растительного покрова и ухудшение качества популяций семейств копытных. Подобное положение заставило заповедники искусственно сокращать популяции тех видов, численность которых еще недавно искусственно увеличивали. Это проявляло за собой дальнейшее нарушение биоценотических связей в природных комплексах. Таким образом, на сам режим заповедности, запрещающий хозяйственное пользование природными ресурсами, в нарушении его создали условия, при которых численность так называемых полезных видов значительно возросла, ухудшила структуру экосистем и функциональные связи в них.

В настоящее время в заповедниках мы сталкиваемся с усилившимися влиянием внешних воздействий с соседних, антропогенно преобразованных территорий с разко взросшей численностью отдельных видов (например, лоси, кабана, серебристой чайки и ряда других) на обширных территориях, включая и заповедники, где их раньше или не было, или их численность была небольшая. В последние десятилетие во всей стране разко возросла численность волка. В ряде заповедников могут возникнуть ситуации,

требующие строгого контроля численности этого хищника.

Выше перечислены наиболее реальные объекты регулирования. Однако в определенных условиях может появиться необходимость контроля численности и других видов. Каждый такой случай требует дополнительной аргументации и соответствующего согласования. Следует помнить, что регуляция численности популяций в заповедниках — особая мера, требующая осторожного и научно обоснованного решения. Она не может быть единичным мероприятием, как это часто бывает, иначе заповедник превратится в охотничье хозяйство.

В связи с этим возникает ряд вопросов: в каких случаях необходима регуляция, какие ее цели, какая тактика лучше всего подходит для достижения цели, во всех ли заповедниках необходимы регуляционные меры, какими методами их проводить? За исходное следует принять положение, согласно которому в заповедниках сохраняется и поддерживается такой ход природных процессов и явлений, который обеспечивает относительное разновесие и устойчивость заповедных экосистем и поддерживает их эталонное качество. В одних случаях это достигается простой охраной территории, в других — путем научно обоснованной корректировки уклоняющихся от норм явлений и процессов; то есть в первом случае природе предстоит стать «самой себе», в во втором — предполагаются определенные регуляционные мероприятия.

Поскольку Типовое положение о заповедниках от 27 апреля 1981 г. считает главной их целью «сохранение в естественном состоянии типичных или уникальных для данной ландшафтной зоны территории (природных комплексов) со всей совокупностью их компонентов» и изучение естественного течения природных процессов и явлений, то за теоретическую основу разрабатываемой методики следует взять представление об экологических пирамидах. Заповедные экосистемы должны включать все уровни трофической пирамиды в тех количественных соотношениях, которые поддерживают их стабильность и естественное функционирование в течение длительного

времени. Если какие-то звенья экосистемы по тем или иным причинам нарушены, то человек обязан искусственно восстановить их, а если это невозможно, то взять на себя функцию утраченных факторов регуляции.

Способы поддержания охраняемых систем в режиме их естественного функционирования зависят от степени антропогенного нарушения природы заповедника и близости правобразованных ландшафтов соседних территорий.

Вопрос о том, вмешиваться ли в охраняемую природу или нет, какими средствами и с какой интенсивностью, в течение какого времени, решается с учетом размера заповедника, способности его экосистем к авторегуляции и восстановлению, степени нарушенности окружающих заповедник ландшафтов, антропогенной нагрузки на них и ряда других факторов.

По степени устойчивости охраняемых экосистем и их способности к саморегуляции заповедники условно можно разделить на следующие группы:

1. Заповедники, занимающие не менее 500 тыс. га с коренными сообществами и расположенные в относительно слабо измененных зональных условиях (на водораздельных пространствах или включающие бассейны рек и т. д.). Их природные комплексы не нарушены или очень слабо. Нарушены деятельностью человека, они способны к авторегуляции. Хозяйственная деятельность на окружающих заповедник территориях такова, что разрушительного влияния на охраняемую природу напрямую или через охранную зону не оказывает. Вмешательство любого характера со стороны человека недопустимо.

2. Заповедники, занимающие от 100 тыс. га и более и представленные вторичными сообществами климаксовых стадий или теми, при которых устанавливается биотическое равновесие, в такие заповедники со слабо нарушенными климаксовыми сообществами, способными к восстановлению. Заповедники этого типа окружены умеренно трансформированными ландшафтами, не утратившими зональных черт. Влияние деятельности человека реально на охраняемую природу только по периферии заповедника и в том объеме, который не вызывает коренных превраток охраняемых экосистем. Любой характера вмешательство человека в природу таких заповедников недопустимо.

3. Заповедники площадью от 20 до 50 тыс. га, расположенные в районах значительной антропогенной трансформации. Охраняемые сообщества могут представлять различного рода сукцессионные стадии. Примущественно это производные сообщества, частично спо-

собные к саморегуляции. Не исключено значительное антропогенное влияние извне. При нарушении оптимального состояния охраняемых экосистем или их составляющих возможна искусственная регуляция, не носящая систематического характера (например, один раз в несколько лет), с целью поддержания общей устойчивости экосистем.

4. Заповедники небольших площадей — менее 20 тыс. га, экосистемы которых утратили востребованную самостоятельность и устойчивость. Как правило, располагаются они в районах, где природа сильно

изменена человеком, и поэтому влияние возмущающих факторов извне, даже при наличии охранной зоны, достаточно велико. Сохранение типичных или уникальных черт исконных экосистем возможно лишь при систематическом научно обоснованном управлении природными процессами.

Регуляция численности животных в заповедниках возможна как прямым воздействием на популяции (например, отлов или отстрел), так и косвенным путем, в частности изменением площади обитания видов. Последнее достигается созда-

нием вокруг заповедника дополнительных охранных территорий иного типа, чем сам заповедник.

К проведению регуляционных мероприятий в заповедниках следует прибегать очень осторожно, когда есть полная уверенность, что они необходимы. Вмешательство человека в природу заповедников, даже самое незначительное, может вызвать далеко идущие отрицательные последствия, которые могут быть обнаружены десятки лет спустя. Таких примеров практика заповедного дела знает немало.

СТРАТЕГИЯ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

А. АРМАНД,
старший научный сотрудник
Института географии АН СССР

Основная проблема заповедников — это проблема соотношения целей дальних и целей ближних, задач завтрашнего дня и задач сегодняшних. Или, если хотите, разрешение конфликта между нами и нашими.

Заповедники — область нашей деятельности, прямо направленная на дальнее будущее, на сохранение природы для наших потомков. Но диалектика состоит

Краснозобые казарки в заповеднике Аскания-Нова.

Фото Н. ЛОБАНОВА

в том, что решить эту задачу можно лишь в том случае, если попутно заповедники что-то выдают и для наших современников, хотя такое использование заповедниками почти всегда вредит. Мы не можем просто сохранять территорию: отгородить ее высоким забором, запретить на ней всякую деятельность, в том числе научную работу, подготовку студентов, экскурсии, создание личного хозяйства работниками заповедников.

Каждый заповедник существует не только в будущем, но и в нашем времени и должен вписываться в действующий общественный механизм. Дальние и ближние цели людей, как правило, не совпадают и даже противоречат друг другу. Отсюда многочисленные беды заповедников, конфликты, юридические и практические сложности. Как следует подходить к их разрешению? Нам кажется, общий принцип должен быть такой: в каждом конкретном случае безусловное предпочтение должно отделяться дальним целям, дальним задачам над сегодняшними. Потомки не могут прислать к нам делегата для защиты своих интересов. А навести им непримиримый мост — нет ничего проще. Поэтому только в том случае, если бескомпромиссное решение в пользу абсолютной заповедности совершенно невозможно, надо соглашаться на разумный баланс охраны и использования ландшафтов.

Теперь о стратегии научных исследований в заповедниках. Мне пришлось несколько лет работать в заповедниках в связи с решением задач мониторинга — слежения за состоянием окружающей среды, — которыми занимается Институт географии АН СССР. В итоге постепенно сформировалось мнение о том, что несколько направлений в научной работе заповедников должно быть принято в качестве основных. При условии, конечно, сохранения индивидуального лица каждого заповедника, каждого работающего в нем коллектива.

Так вот, первая задача заповедников в науке, решение которой, я бы сказал, оправдывает их существование как научных учреждений, — это проведение непрерывных многолетних наблюдений за одними и теми же явлениями природы,

именно возможность получать многолетние ряды данных создает заповедникам решающее преимущество, которого лишены другие научные учреждения. Это слежение призвано осуществлять Летопись природы. Но мы знаем, что Летопись природы часто ведут нуворыжительно, без необходимой заинтересованности, что программа ее нуждается в усовершенствовании.

Современный уровень науки требует использования указанного преимущества заповедников значительно больше, чем это делалось до сих пор. Пока что научная тематика заповедников во многом зависит от состава и интересов конкретных исполнителей, от заинтересованности вышестоящих организаций. Темы часто меняют, закрывают, скажем, после защиты очередной диссертации. Между тем, стратегия должна быть такой: при обсуждении планов научных работ заповедников абсолютное преимущество следует давать долгосрочным, переходящим из пятилетия в пятилетие темам.

Затем важным положением должно стать изучение территорий-аналогов. Для того чтобы заповедник мог выполнять свою функцию экологического эталона, нужно, чтобы наблюдения велись не только на его ограниченной территории, но и в соседних, включенных в хозяйственный оборот ландшафтах-аналогах. Этот новый принцип выдвигнут в рамках выполнения программы мониторинга, и я думаю, что он может очень сильно повысить и научное значение работ заповедников и их практический выход. Цель — сравнение. Сравнение того, что же получается при хозяйственном использовании земель — при рубке леса, пастбище скота, кошении — и при естественном, насколько это возможно, развитии природы. Частично это сделано, например, в Центрально-Черноземном заповеднике. Здесь изучают косимую и некосимую степь, и уже есть интересный многолетний ряд параллельных наблюдений на этих участках. Принцип аналогов должен стать, по нашему мнению, одним из главных при определении научной тематики заповедников.

Заповедники должны решать кардинальные проблемы самих же заповедников, таких, как определение оптимального размера заповедной территории, зонирование и другие. Размер территории, необходимой для нормального функционирования экосистем, зависит от дальности и путей миграции животных, от переноса семян растений, определяющего восстановление растительности на горах и вырубках. Таких данных у нас крайне недостаточно. Для определения достаточных размеров развернутое недавно в Бразилии было предпринято иссле-

дование миграций птиц в сельве. Полезно нам разработать этот опыт на базе уже существующих заповедников для планирования будущих.

Поднимался вопрос о создании центрального архива научных материалов заповедников, о «банке» данных. Вопрос большой. Сейчас он поставлен центральными организациями и, по-видимому, рано или поздно будет решен. А пока заповедники должны организовать у себя хранилища полевых материалов, картотеки, образцов, коллекций, собирать фототеки. Ценность этих материалов огромна, с каждым годом наблюдений она растет, хотя сейчас они иногда могут казаться никому не нужным балластом.

Еще несколько слов о регулировании состояния экосистем, о вмешательстве в природу заповедников. Наша дискуссия подтверждает сложность этой проблемы. Пожалуй, что во многих случаях, а может быть и во всех, не регулировать нельзя. Но при этом мы нарушаем сам принцип, саму идею заповедания для сохранения естественных природных систем. Проблема выглядит неразрешимой. Говорят, нужно научное обоснование того, до какой степени вмешательство возможно и целесообразно. Есть такое обоснование? Нет. Больше того, мы не знаем критерии, опираясь на которые можно было бы разработать подобные нормы. Конечно, можно построить модель экосистемы в надежде, что получим ответ об оптимальном соотношении хищников и их жертв, о наилучшем размере стада копытных и т. п.

Я знаю только один пример, когда пытались построить модель биогеоценозов заповедника, направив на это все научные силы,— в Кавказском заповеднике. К большому сожалению, опыт не был понят, его не поддержали, и он уявл. Модель помогла бы решить много научных и практических вопросов. Но не решила бы основного — о показателях естественности экосистем. Любой математик, построив модель, спросит: чего вы хотите дальше? Мы можем задать условие — два волка на территории или двадцать волков, и система окажется отрегулированной в соответствии с этими количествами хищников. Она придет в соответствие с тем, что мы ей зададим. Критерия естественности, я считаю, нет и не может быть. С этим приходится примириться. Было бы гораздо более реальным ориентироваться на другой критерий — сохранение максимальной устойчивости экосистем. Тут тоже много еще неясного, но эта задача решаема. Во многих случаях мы можем дать на нее ответ или, по крайней мере, знать, как подойти к решению. Что же касается естественности, следует максимально воздерживаться от вмешания в экосистемы заповедников (и прилегающих территорий) новых видов.

Мы согласны с мнением Ю. П. Язана о принципах размещения заповедников, но с одним замечанием. По-видимому, не только образцы типичных ландшафтов должны становиться заповедниками, но также и территории противоположного типа — редкие, уникальные, пограничные. Экосистемы, существующие рядом с ландшафтными границами, наиболее разнообразны по своему составу и строению, наиболее чувствительны ко всякому внешнему воздействию. А это очень важно, например, для проведения наблюдений по программе мониторинга.

ГНЕЗДОВАНИЕ ТРАВНИКА В ИСКУССТВЕННЫХ ГНЕЗДОВЬЯХ

М. ЖМУД

Серия опытов, направленных на повышение гнездовой емкости угодий для травника, проведена нами в 1978—1982 гг. в низовьях Тилигульского лимана, в 42 км восточнее Одессы. Испытаны четыре группы искусственных гнездовий общей численностью 112 штук.

Изучаемая популяция травника численностью 350—400 размножающихся пар ежегодно гнездится главным образом на небольших островках в колониях ржанкообразных птиц (речная, чайконосая, пестролицая, малая крачка, шилохвостка, чибис, морской зуёк) с плотностью поселений до 9 гнезд на 100 м². Искусственные островки и гнезда устанавливали до начала размножения в самых разнообразных стациях, включая нетипичные для изучаемого вида.

Искусственные островки [кочки] изготавливали из дерна с сохранившейся прошлогодней растительностью. Они имели форму квадрата со стороной 10—25 см. Их устанавливали на временно затопленных мелководьях с глубиной воды до 25 см, в местах, где при низком уровне воды идет нормальное гнездование травника. К моменту установки островки возвышались на 5—10 см над поверхностью воды.

Всего установили 63 искусственных островка. Они сразу же привлекли державшихся поблизости травников. Уже через 12 часов на одном из них появилась первая гнездовая ямка, а на вторые сутки было отложено первое яйцо. Птицы занимали кочки постепенно, по мере падения уровня воды. Вероятность их заселения зависела от частоты установки, размеров искусственных островков, характера окружающей местности, а также высоты и густоты сохранившейся на кочках прошлогодней растительности. Оптимальными оказались сооружения размерами 20×20 см. Установленные с плотностью 3 штуки на 100 м², они занимались травником на 90%. С появлением на островах в последней декаде апреля речных крачек, активно занимающих сухие возвышенности, включая искусственные островки, травникам они становились менее доступными. К тому же крачки сильно вытаптывали на них растительность, делая кочки непригодными для гнездования куликов.

К моменту вылупления у травника птенцов уровень воды резко падал и гнезда на островках возвышались над поверхностью земли на 15—35 см, что характерно для вида. Однако это незначительно влияло на успешность размножения. Лишь в тех случаях, когда гнезда размещались на очень мелких кочках, из них вываливались отдельные яйца. Установка искусственных кочек на временно затопленном острове с плотностью 4—6 штук на 100 м² полностью обеспечила его обычную гнездовую емкость для куликов.

В отдельных случаях травники занимали

искусственные островки даже из водорослей, если их устанавливали среди возывающейся над водой прошлогодней растительности. Однако из таких сооружений их обычно вытесняли речные крачки, которые занимали и все освободившиеся гнезда на кочках после вылупления птенцов травника. В некоторых из них начало кладки крачек отмечали уже на вторые сутки после освобождения гнезд.

Платформы-плотики изготавливали из пенопласта, на который сверху прикрепляли тонкую дернину с сохранившейся прошлогодней растительностью. Устанавливали их как на временно затопленных участках островов, так и в более глубоких местах. На месте плотики закрепляли с помощью металлических приков. Всего расставлено 29 штук.

Сразу же после установки эти сооружения привлекли травников. На некоторых из них были устроены гнездовые ямки, однако яйца так и не были отложены. Крупные плотики (80×80 см) посещали речные крачки и кряквы, некоторые вскоре устроили на них гнезда. Видимо, кочка мелких плотиков под действием волн делает их непригодными для гнездования наземногнездящихся видов. Плотики больших размеров устанавливали в более глубоких местах. Но площадь, очевидно, не отвечала минимальным размерам гнездовой территории для травника. У крачек же на плотике умещалось несколько гнездовых участков.

Наземные искусственные гнезда (18 сооружений), изготовленные из подручных материалов (прошлогодняя растительность, дерево, рубероид), представляли собой шалашики разной формы и размеров. Устанавливали их исключительно на поверхности земли. Травников они привлекали мало. Некоторые из них птицы посещали, в двух отмечены попытки строительства гнездовых ямок, но гнезда так и не появились. Из наземных сооружений заселялись только естественные кочки, перенесенные на лишенные наземной растительности участки островов.

Искусственные гнезда, приподнятые над водой, включали в себя группу гнездовий для травника, менее всего сходных с естественными местами его гнездования. Изготавливали их из стеблей прошлогодней растительности в виде корзинок длиной 30 см и диаметром 15 см и из досок от ящиков размерами 15—25×20—35×18—25 см. Форма дощатых сооружений была разной: кубическая, конусообразная, с одной открытой стороной и с двумя. На дно гнезда клали мягкую траву для выстилки, и пол нынешнего выступал вперед, образуя небольшое «крыльце». Такие гнездовья крепили к кольям и устанавливали на временно затопленных мелководьях на высоте 5—25 см над поверхностью воды. Рядом с ними сооружали кочки-присесть из подручных материалов. В некоторых слу-

чаях кочки соединяли с «крыльцом» гнезда при помощи доски, замаскированной водорослями. В тех случаях, когда расстояние до ближайшего сухого места не превышало 2 м, пристег не устраивали. Было выставлено два гнезд-корзинки и восемь гнезд яичного типа.

Первое посещение корзинок отмечено через две сутки после их установки. На четвертые сутки в одной из них было отложено первое яйцо, за которым появилась полная кладка из четырех яиц.

Так как выстилки в гнезде было мало и она постепенно терялась, а птицы из-за 30-сантиметровой высоты над поверхностью земли (к этому времени вода отступала от гнезда) не могли пополнять ее самостоятельно, лоток был слабо выражен. Кладка лежала прямо на просачивающемся дне корзинки и занимала всю площадь лотка, в связи с чем имела нетипичное для яиц куликов расположение. Однако это не сказалось на длительности насиживания и успешности гнездования. Через 29 суток после откладки первого яйца из всех четырех вылупились птенцы.

Второе искусственное гнездо-корзинка оказалось на участке агрессивного самца, который занимал его не менее двух лет (по данным кольцевания). Свое гнездо он устроил на соседней кочке, а к искусственно созданному не допускал других птиц. Позже в нем отдыхали птенцы хозяина территории, куда они взбирались по наклонной доске, а сам он предпочитал сидеть на его крыше.

Неважданным для нас оказался результат с деревянными гнездами-ящиками. Травники стали их посещать сразу же после установки на острове. Во многих появился гнездовые яйки, а в одном, размерами 20×35×18 см с одной открытой стороной, на третьи сутки появилось даже яйцо. Но вскоре интерес к таким гнездам у птиц резко упал, чему способствовало обнажение значительной части острова в результате падения уровня воды, а следовательно, и появление многочисленных естественных мест для устройства гнезд. Брошенным оказалось и первое гнездо с одним яйцом. Птицы продолжали посещать лишь сооружения размером 20×20×18 см с двумя открытыми сторонами. Через 10 дней после установки в одном из двух таких ящиков появилось первое яйцо, а в последующие четыре суток — полная кладка. Как и в случае гнездования травника в гнезде-корзинке, выстилка из него постепенно терялась и не пополнялась по тем же причинам. В результате яйца лежали на фанерном дне ящика, занимая весь увеличенный лоток. Ход размножения цикла не отличался от обычного для травника исследуемой группировки. Из всех четырех яиц благополучно вывелись птенцы.

Второе гнездо такой же формы и размеров очень скоро из-за падения уровня воды оказалось с гнездом на суше и не было заселено, как и все остальные гнезда яичного типа иной конструкции.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что травники предпочтывают естественные места устройства гнезда искусственным. Из искусственных они заселяют только те, которые в наименьшей степени уменьшают обзор насиживающей птицы (кочки, гнезда-корзинки с просачивающей крышей, гнездовые ящики с двумя входами), что важно для открытогнездящихся куликов.

УДК 502.743

СОВЕЩАНИЕ ПО РЕДКИМ ЖИВОТНЫМ

А. РУСТАМОВ,
академик АН Туркменской ССР.

О. СОПЫЕВ,
кандидат биологических наук, доцент.

И. КАЙДУН,
научный сотрудник
Отраслевая лаборатория по охране животного мира и заповедному делу
Туркменского сельскохозяйственного института имени М. И. Калинина

III Всесоюзное совещание по разведению и созданию новых популяций редких и ценных видов животных проходило в 1982 г. в Ашхабаде на базе Туркменского сельскохозяйственного института. В его работе приняли участие более 100 человек из девяти союзных республик, работники более 40 различных научно-исследовательских учреждений, вузов, природоохранных и охотхозяйственных организаций, заповедников, зоопарков.

На первом заседании были рассмотрены законодательные основы охраны редких видов животных в СССР, характеризовано их разведение в неволе как своеобразное и перспективное направление природоохранительной работы. Было сообщено о действующих мерах по регламентации добычи животных, занесенных в Красную книгу.

Подчеркнуто первостепенное значение развития сети питомников для разведения редких видов животных, рассмотрены проблемы их эксплуатации и трудности создания новых питомников. В частности, отмечалось, что до сих пор не определен их статус, серьезная проблема существует в области планирования, практически отсутствует специальное целевое финансирование, не предусмотрены штат квалифицированных сотрудников, крайне плохо обстоит дело с оборудованием, полноценными кормами, стройматериалами. Все это тормозит дальнейшее развитие сети питомников.

Было сообщено о продолжающемся успешном расселении туркменского кулана в предгорной равнине Копетдага, о перспективах расширения его ареала от Бадхыза до Каспийского моря. Подобные экспериментальные работы проводят и в отношении джейрана. В стадии разработки находятся вопросы разведения и расселения бородатого и винторогого козлов, бухарского оленя, фазана, турача, каспийского улара, среднеазиатской кобы. Был рассмотрен опыт зоопарков в разведении редких видов животных.

На заседании, посвященном питомникам по разведению редких и ценных видов птиц, было доложено о результатах работы и перспективах развития журравлинского питомника в Оксском заповеднике. Сотрудниками этого заповедника решен вопрос содержания журавлей в условиях продолжительной многоснежной зимы, были проведены первые опыты по искусственно освещению птиц и инкубации яиц. Участники совещания прослушали сообщения о методах добычи и транспортировки птиц для питомников, о состояния и перспективах развития питомника хищных птиц в

Оксском заповеднике, о соколином питомнике в Карабачильском госохотхозяйстве.

Большой интерес вызвало сообщение о проблемах и перспективах вольерного разведения дрофинах, в котором была обоснована необходимость создания двух питомников по разведению дроф (на базе заповедника Аскания-Нова и в Семеновском заказнике Саратовской области). В отношении джека запланировано создание оседлой популяции на охраняемой территории в одной из республик Средней Азии. Для этой цели создается вольерная размножающаяся группа птиц при Бухарском джейраньем питомнике. Целесообразно создать аналогичные центры по разведению джека на подходящих территориях Туркмении и Казахстана. Разведение стрепета предполагается осуществлять совместно с дрофой. Были заслушены доклады о разведении глухаря и заравшанского фазана, о первом опыте содержания турача и дикиши.

На заседании, посвященном питомникам по разведению редких млекопитающих, был рассмотрен вопрос разведения зубра в СССР. Значительные успехи в деле сохранения и разведения этого ценнейшего вида породили ряд новых проблем. Первый этап сохранения генофонда (создание питомников) пройден, настало время интродукции зверей в природу.

К весне 1982 г. численность джейранов в Бухарском джейраньем питомнике (площадь 5125 га) превысила 200 голов. Рассматриваются предпосылки создания на базе этого питомника центра по разведению джейранов для реинтродукции их в природу и создания новых популяций. Представляет интерес план восстановления природных комплексов Западного Копетдага в Сюнг-Хасардагском заповеднике, где планируется питомник по разведению джейрана, бородатого козла, архара, кулана, бухарского оленя.

На заседании было рассказано о первом опыте и перспективах вольерного разведения горалов в Лазовском заповеднике, кавказского горного барана и бородатого козла в Армении, винторогого козла в Таджикистане, а также о возможностях вольерного разведения выхухоли.

На заседании, посвященном вопросам реакклиматизации редких и ценных видов животных, были рассмотрены общие принципы создания новых популяций редких видов животных. Подчеркивалось, что в соответствии со статьей 29 Закона СССР об охране и использовании животного мира, самовольное, не согласованное с соответствующими научными организациями и не подкрепленное разрешением государственных органов переселение животных категорически запрещено.

Серия докладов была посвящена созданию новых популяций бухарского оленя в Узбекистане, Казахстане и Таджикистане. Сообщалось об опытах реакклиматизации кулана в различных районах Туркмении и перспективах подобных работ в Казахстане.

На заседании, посвященном разведению редких и ценных видов амфибий и рептилий, помимо других тем, были рассмотрены вопросы коренной перестройки работы серпентариев СССР. В связи со значительным уменьшением численности ядовитых змей в естественной обстановке все большее значение приобретает их разведение в неволе. Однако это наталкивается на значительные препятствия организационного характера.

РУССКАЯ ПСОВАЯ БОРЗАЯ: ЛЕГЕНДЫ И БЫЛЬ

И. СОЛОВЬЕВ

Прежде чем приступить к рассказу о происхождении современной русской псовой борзой, на мой взгляд, необходимо разобраться в том, чем отличаются друг от друга сказки, легенды и объективная истинка. Если мы этого не сделаем, настоящая статья не приблизит нас к правильному пониманию происхождения породы и нам снова придется плутать в малореальных чащобах гипотез и версий, которыми заполнены статьи из периодических изданий и книг.

Я сторонник документальных фактов, но, к сожалению, их всегда бывает недостаточно, как правило, они кратки, а иногда противоречивы, ибо сообщали их хотя и современники событий, но чаще всего люди, не особенно разбирающиеся в собаках, в том более в тонкостях выведения породы русской псовой борзой. Тамных мест в истории породы предостаточно.

У меня есть уверенность в том, что наши далекие предки были рациональные создатели современных пород собак, им никогда не пришло бы в голову выводить породу исходя из соображений моды, отбирая для этой цели мало пригодных для нормального существования и практического использования уродцев, потомки которых, безусловно бы, вымерли, попав в те суровые условия, в которых находились предки наших современных собак. Создатели диких пород собак были практичны. Им никогда не пришла бы мысль выводить охотничью породу собак, используя для этой цели пастушеских или караульных. А ведь существует множество гипотез о том, что в крови наших собак присутствуют в качестве предков овчарки и догообразные собаки. Я не знаю худшего пастуха или сторожа, чем русская псовая борзая. Говоря современным языком, эти качества в ней не «изапрограммированы». Именно это заставляет искать ее действительных предков исключительно среди охотничьих пород собак того периода.

Территория нашей страны в первой половине второго тысячелетия новой эры представляла собой бескрайние лесные массивы и непроходимые болота с редкими окраплениями пахотных земель и лугов, что явно не способствовало той псовой охоте с борзыми, которой мы пользуемся в настящее время. Охотничий промысел тех далеких лет в основном заключался в добывании пушнины и крупных копытных, в лучшей породе, чем лайка, для этой цели трудно было придумать. Надо предполагать, что разновидностей лаек в ту пору было великое множество. В старинных русских и литовских лата-

ликах говорилось о том, что с их помощью ловили и добывали не только пушных зверьков, но и крупных копытных. Уверен, что совсем не легендарной была лошадь собака, встреченная на территории России вплоть до XVIII в. Ее сила и рост позволяли ей догнать и свалить не только оленя, но и лося, и ее название явно связано со способностью одолевать этого могучего зверя. Портрет такой собаки можно увидеть и в наши дни на фресках храма Святой Софии в Киеве, сделанных в XII в.

новьства. Можно смело предположить также и то, что, в свою очередь, татарская знать переняла манеру ловли охоты с борзыми собаками у арабов, чьи владения которых были захвачены татаро-монголами еще в XIII в. Приведенные ими на Русь коузы, безусловно, были дальними родственниками современной балюки, близкими родичами тазы, встречающимися и в наши дни на огромных степных и горных территориях Средней Азии.

Гарберштейн рассказывает о том, что при отсутствии вольного зверя псари выпускали из машина заранее отловленных зайцев и коузы их с легкостью ловили. Пожалуй, это было первое упоминание о сабах в наивной стране. Название породы — коузы — хоть и отдаленно, но звучит с хортыми, а именно так называли, да и теперь называют борзых в некоторых странах Центральной Европы. Но датировать XV веком создание породы русских псовых борзых тоже нисколько прискорбно. Основной костяк породы сложился лет на 50 позднее, когда после покорения Казанского и Астраханского ханств русский царь Иван Грозный выслал часть непокорной татарской знати в Костромские и Ярославские земли, наделив их там земельными угодьями. Вполне естественно, что старожилы этих мест, русские бояре и дворяне, владельцы лошадей собак, живя по соседству с татарами, поняли прелест охоты с ловчими собаками и пытались создать новую породу собак, которая унаследовала бы качества лошадей собак и коузы. Первые дали своему потомству силу, отвагу и мощь, способность к броску на коротких дистанциях, а также одели в более подходящую по климатическим условиям псовину. В свою очередь, восточные борзы придали лайкообразным собакам легкость и грациозность, борзособранный тип, а также способность к более длительной скачке по открытым пространствам полей и пастбищ, которых в те годы стало появляться все больше и больше.

Год 1600 можно с полной определенностью назвать годом рождения новой самобытной породы: именно тогда царь Борис Годунов, послав посольство к персидскому шаху Аббасу I, включил в число даров пару русских лесовых борзых. Естественно, что шаха трудно было удивить восточными борзыми, так что послы ласкали туда собаки уж наверняка разко отличались от них. Начало XVII в. в России называли Смутным временем. Лжедмитрий I, по словам современников, был заядлым псовым охотником. Есть данные, что им были приведены в Москву не только польские хартии, но и чистокров-

ТИП СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПСОВОЙ БОРЗОЙ.

Коротай [фото Прелести и Колпика Веронцова, родился в 1900 г.] на Петербургской выставке получил I приз и Бриллиантовую звезду стоимостью 1000 руб., продан в Англию за 4000 руб.

Именно это изображение и породило легенду о том, что будущая королева Франции Анна Ярославна привела в Париж в качестве приданого готовых русских псовых борзых. Но это всего лишь легенда, в первом документальном источнике об использовании борзых на Руси являются записи после Священной Римской империи в Московском великом княжестве З. Гарберштейна, относящиеся к концу четверти XVI в.

Он описывает парадный выезд великого князя московского Василия III на охоту под Можайск. В княжеской свите были многочисленные псари с медведянскими собаками и коузы — стройные и легкие собаками с пушистыми хвостами и ушами. Руководителем псовой части охоты был татарский хан Ших Алай. Опираясь на это утверждение, можно сделать вывод о том, что псовая охота была для русских

ные грейхаунды. Мне трудно судить о происхождении польского харта, но, по свидетельству старых русских специалистов, он происходил в основном от гладкошерстных борзых Западной Европы, в ту пору еще многочисленных. Но главную роль тут, видимо, сыграл грейхаунд — в создании этой породы участвовали и восточные борзые. Можно также предполагать, что харт имел родство с лошими собаками, распространенными в Литве, и прибалтийскими клоками — потомками легендарных варяжских борзых, распространенных в давние времена по всей Северной Европе вплоть до Британских островов. Клоки, или брудастые жесткошерстные борзы, получили свое русское название за клокастую торчащую грубую шерсть и, вероятно, были близкими родственниками с вольфхаундами и дирхаундами. Польский харт в Москве был перемешан с древней псовой борзой, но он не оказал особого влияния на породу.

Видимо, русских охотников новая разновидность породы не устраивала, и по именному указу царя Михаила Романова для создания борзой части царской охоты в Москве в Галич и Чухлому было снаряжено три опытных конных псаря с приказом выделять им в помощь стрельцов и пушкарея против бояр и дворян, не желавших расставаться со своими собаками. Это сведение подтверждает то, что первые русские псовые борзые были выведены в этих местах.

В старейшей рукописной книге о борзых «Охотничем Регуле» Христиана фон Лесина (Лесинга), датированной 1635 г., есть довольно подробное описание этих собак, но о происхождении древних псовых борзых ничего не говорится. По его словам, древняя псовая борзая обладала «длинной, висящей в закруте псовиной» и в общих чертах напоминала наших современных собак. Затем почти 70 лет о русской псовой борзой нет никаких достоверных данных, но, видимо, за этот срок порода удалось вырасти количественно и стать гораздо стабильнее. Только из документов о Северной войне 1700—1721 гг. мы узнаем, что фельдмаршал Б. П. Шереметьев успешно травил русскими псовыми борзами зайцев и лисиц во время перерывов между сражениями.

Прошло еще четверть века, прежде чем наступил период, когда многочисленные факты о борзых вообще, а о русских псовых в частности стали сыпаться как из рога изобилия. Император Петр II почти все свое короткое царствование провел не в заботах о государстве, а в охотничьих забавах. По воспоминаниям современников, любовь к охоте переросла у него в болезненную страсть. Он даже покинул северную столицу и уехал в Москву, где в окрестностях было больше простора для травли.

Испанский посол герцог Де-Лирия в докладе на родину сообщал: «Царь не терпит ни моря, ни кораблей, а любит псовую охоту. Я представил царю двух грейхаундов, коих нарочно выписал из Англии, и его Величество был доволен, как будто я подарил ему величайшую драгоценность». Будущая российская императрица Анна Ивановна писала из Курляндии свой тетек, царевне Наталье Алексеевне: «Доншу Вашему Высочеству, что несколько собак ссыкано, сообщите Государю братцу о сих борзых собаках, а я буду стараться еще». Видимо, в этом

ТИПЫ БОРЗЫХ ПО РИСУНКАМ ИЗ СТАРИННЫХ АЛЬБОМОВ И КНИГ.

Келлик — псовой кобель М. В. Степынина.

Удалой — густопсовый кобель А. С. Вышеславцева.

Карай — чистопсовый кобель Межарева.

письме разговор шел о клоках, которые были редки, а может, и о борзых других западных пород. Сохранился документ о том, что в Измайловском зверинце в Москве, где располагалась императорская псовая охота, в 1727 г. содержали 420 разноплеменных борзых собак. А в 1733 г., когда императрицей была уже Анна Ивановна, этот список увеличился чуть не вдвое. К концу же ее царствования оберегермейстером ее охоты был назначен казанский губернатор А. П. Волынский, который включил в эту охоту еще 200 собственных собак.

Из переписки А. П. Волынского, Ф. Наумова и графа С. А. Салтыкова, опубликованной через 100 с лишним лет в журнале «Охота» за 1842 г., мы узнаем, что тогда в России, кроме многочисленных русских псовых борзых, встречались брудастые: прибалтийские клоки, вольф-

хаунды и дирхаунды и гладкошерстные: польские харты и грейхаунды. Там же говорится о межпородном скрещивании. Салтыков просил Волынского прислать ему брудастую сукку для вязки с польским хартом, принадлежащим послу Польши в России Зиверту. Именно к этому периоду можно отнести и появление как в Прибалтике, так и в России курляндской борзой, произошедшей от скрещивания клоков с русской псовой с возможным добавлением польского харта.

Русские помещики поражались росту и злобе клоков, а новоявленные пришельцы из Прибалтики вельможи из немцев умелись красоте и ревности русской псовой борзой. Увлечение брудастыми борзыми и их помесями затянулось на долгие годы, по крайней мере до конца XVIII в. Известно о том, что кобель Зверь, принадлежавший князю Г. Ф. Барятинскому (предполагаемый автор первой печатной книги о борзых, изданной в Москве в 1785 г.), произошел от кровного вольфхаунда Рид Кинга и русской псовой Милотки. Этот легендарный кобель был знаменит не только тем, что первым из русских собак имел полную трехколенную родословную, но главное тем, что неоднократно в одиночку брал матерого волка.

К тем же временам относятся и первые упоминания о густопсовых борзых. Существовало мнение многих старых специалистов, в том числе и Мачеваринова, владельца рукописной книги XVIII в., называемой «Книгой о порядке содержании борзых и гончих собак», с авторским посвящением графу А. Г. Орлову, что эта густопсовая разновидность русской борзой была выведена при непосредственном участии этого известного конезаводчика, создателя породы знаменитых на весь мир орловских рысаков. Может быть, что причастность к созданию новой породы графа Орлова была только легендой, но думается, что она правдоподобнее многих других.

Параллельно с этим, безусловно, шла и работа по межпородному скрещиванию западных гладкошерстных борзых с русской псовой, однако о чистопсовой разновидности русской борзой разговора еще не велось. Основной породой тех лет была обыкновенная русская псовая борзая. В своих записках о крестьянском восстании Емельяна Пугачева Дубровин упоминает о том, что симбирский помещик П. М. Ермолов, прадед Н. П. Ермолова, — создателя первого стандарта современных русских псовых борзых — преподнес усмирителю бунта графу П. И. Панину в качестве подарка трех псовых борзых своей охоты, ведущей свое начало с XVII в.

В записках А. Т. Балотова, датированных 1791 г., есть красочное описание травли зайца-беляка и лисиц из-под гончих на лесных полянах Псковщины. В 1810 г. большая книга, посвященная охоте и породам охотничьих собак, была издана В. Левшиним. В этой книге, рассказывая о борзых, автор ничего не говорит о их происхождении, но перечень существующих в России пород им приведен: «Псовые собаки разделяются на обыкновенных псовых и густопсовых, к ним и принадлежат собаки, русскими называемые, имеющие длинную шерсть в завитках, очень густую и длинную псовину на правиле. Брудастые собаки имеют шерсть весьма

густую, длинную и клюкастую. Сих тоже разделяют на брудакстых обыкновенных и клоков. Клоки имеют по всему телу, даже на голове и ногах, шерсть густую, жесткую, иногда кудрявую, лучшие из них курляндские, у оных голова, уши, ноги до локтей и хвост бывают как бы выбриты. Есть также английские, польские и крымские, которых у нас нарекают хортными». Тут Левшин был не чайок в определении названий пород, смешав в одну кучу крымскую разновидность салюки, восточную борзую с грейхаундом, но это и подтверждение версии о том, что татарских борзых коуци превратили в хортых.

Говоря о состоянии поголовья борзых в России в самом начале XIX в., Левшин с горечью заявляет: «Впрочем, ныне породные собаки редки, ибо охотники, сделавшись непостоянными, одной породы не держатся». Сказано это было излишне пессимистично, но в этом была и доля истины. Но еще более серьезные потрясения ожидали породу обыкновенных псовых и более молодую породу густопсовых борзых всего через несколько лет.

После победоносного завершения войн с Наполеоном русская армия с триумфом возвращалась домой. Я, пожалуй, не преувеличу, если скажу, что каждый четвертый офицер из многочисленных кавалерийских соединений был в ту пору борзятником. Нет никакого сомнения в том, что многие из них, возвращаясь домой, везли на родину западных борзых: были это и польские харты, и грейхаунды, и представители других гладкошерстных пород борзых собак, ныне безвозвратно исчезнувших. Все эти собаки были плохо приспособлены не только к работе в суровых осенне-зимних условиях русской псовой охоты, но и требовали комнатного, а не псарного, то есть полудворового содержания. И всех этих собак срочно начали «одевать». Для этой цели использовали прежде всего все те же две самые многочисленные и удобные для этого породы, а именно: обыкновенных псовых и густопсовых. Но, к сожалению, это наимпростейшее решение не привело к ожидаемым результатам. Помеси с гладкошерстными западными борзыми давали хоть и разных, но совершенно неспособных работать по сугробам, насту и гололеду собак, да и неважная обросłość собак, полученных от этих очередных многочисленных опытов, не оправдала себя даже в южных районах нашей страны, куда с освоением новых земель переместились многие помещики, а с ними и многие псовые охоты.

Практически повторилась старая история, приведшая к известной нам экспедиции в Галич и Чуклому. Но следует быть объективным и признаться в том, что новых охотников-степняков из южных и юго-восточных губерний европейской части России, в какой-то мере не устраивали даже чистокровные псовые и густопсовые борзые. Дело в том, что степная охота отличалась от охоты в более северных и лесистых областях тем, что борзые собаки, привыкшие работать из засад и низкорослые, то есть драгнившие зверя за считанные секунды, используя присущий стерниным псовым бросок, не всегда были способны догнать зверя, поднимавшегося в степи значительно раньше, чем на малых полях и лесных опушках. Спо-

собностью длительного преследования эти собаки не обладали, им просто не хватало силы к дальнейшей доскачке. Выход из этого трудного положения был найден только тогда, когда в России стали появляться первые горские (курдские) восточные борзы. Что же это были за собаки и почему они получили такую популярность?

Я не стану давать их подробного описания, но судя по нему, это были широкозадые, иногда от рождения куцые собаки, похожие на горную разновидность салюки, основным их качеством являлись очень твердые подушечки лап, приобретенные при работе на каменистой почве, хорошая увертливость, азартность при преследовании зверя и длительная доскачка за ним. Впервые горок привез в Россию М. В. Гудович в 1807 г. из Закавказья, где в то время шла война с Ираном. Сперва этой породой явно пренебрегали, но в 1817 г. на псарне у И. А. Коллогрикова родился феноменальный кобель Сердечный, купленный генералом П. В. Изашкиным. Он перенял от своего горского отца удивительный азарт преследования, способность к длительной скачке, а его «подашвы» были непробиваемыми, ему были не страшны гололед и острые, как ножи, осколки крепкого наста, не говоря уже о замерзшей пакоте, на которой другие борзые часто калечились и надолго выбывали из строя. От своей псовой матери он унаследовал не только сложку и стату, но и бросок. Среди борзятников России Сердечный П. В. Изашкина был не менее знаменит, чем Зверь Г. Ф. Баратинского. С 1818 по 1823 г. он был единственным победителем садок, где бы они не происходили, да и в практической охоте не упускал любого зайца. Кроме всего, Сердечный был прекрасно одет. Свидетели его экстерьерных достоинств и работы (из числа самых азартных и состоятельных охотников) пытались приобрести щенков из его потомства, но он ничего выдающегося после себя не оставил. Тогда охотники за любые деньги стали приобретать кровных горских собак, а затем сводить их с псовыми и густопсовыми.

Турецкая кампания 1828 г. пополнила количество горок в стране, их напосредственное потомство от псовых сук, а именно Любезна А. А. Столыпина и Отрадки А. С. Хомякова в 30-е годы XIX в. повторили на садках успех Сердечного. «Надо было видеть, — писал П. М. Мачеварианов, — как господа саратовские, а в подражание им смежных губерний охотники, озадаченные горками, кинулись добывать собак с вислыми ушами. Тут не было разбора: ни кровности, ни породности, ни стати, ни лада, лишь бы висели уши». Это, пожалуй, была первая дань моде. Именно этому времени мы обязаны появлению многочисленных помесей русской псовой с горской и крымской восточными борзыми, а иногда вообще неведомо с чем.

Данные о том, что этот процесс произошел только после Крымской войны 1853—1856 гг., приведенные в книге Н. Н. Челищева, изданной в 1936 г., неверны, ибо поголовное увлечение восточными борзыми к 50-м годам XIX в. резко пошло на убыль. В этой же книге Н. Н. Челищев пытается доказать, что часть псовых и густопсовых борзых, в том числе и собаки его «Челищевской фамильной породы»

остались кровными и не несут в себе ни капли восточной борзой крови. Это уже не легенда, а откровенная сказка. Версия эта выдумана полностью и опровергается тем, что предки автора гордились, что еще в 20-е годы создали свою породу с примесью куцей горки; это можно подтвердить документально.

По собранным материалам из журналов тех лет, по данным русских родословных книг о происхождении современных борзых, изданных в конце прошлого века, очевидно видно, что кровных псовых и густопсовых давным-давно не осталось. Псовыми и густопсовыми, еще в 60-е годы XIX в. называли тех собак, на которых меньше, чем на других, сказалось притекание крови восточных борзых. Такие собаки прежде всего сохранились в тех немногих охотах, где работа над породой велась целенаправленно, то есть путем поглотительного скрещивания, четко придерживаясь типа псовой и густопсовой борзы. В массе же своей поголовье собак тех лет утратило присущую старым собакам обросłość, большинство потеряло строгую затяжку ушей, их концы стали опускаться вниз (уха с крымью) и именно эту разновидность мешанных собак стали называть чистопсовыми.

Впервые этот термин употребил в 1846 г. в своей книге об охотничьих собаках Н. Рейт: «Таким образом, — писал он, — проинеся псовистая или псовая борзая мы определяем тип русской борзой собаки. Виды же по количеству псовины определяются выражениями: густопсовая, псовая и чистопсовая. Отличительный характер первых двух составляет длинная шерсть или псовина, иногда в завитках по всему туловищу, кроме щипца, головы, ушей и ног. Чистопсовая собака не опущена псовиной по туловищу, но имеет ее на правиле, храмя бедер и по бокам швей».

Теперь, когда мы попытались разобраться в причинах появления чистопсовой разновидности русских борзых, нам стоит поговорить об очередной легенде, с годами превратившейся в гипотезу, которой до наших дней любят пользоваться владельцы бедно одетых современных русских псовых борзых. В своем фундаментальном труде о борзых, вышедшем в конце XIX в., П. М. Губин, оправдывая недостаточность «одежды» собак собственного завода, отстаивал версию о том, что чистопсовые борзы — не потомки западных и восточных борзых, как это было на самом деле, а самая древняя коренная русская порода, ведущаяся в чистоте с древних времен, и происхождение ее названия идет от понятия «чистый пес», что говорит о том, что эти собаки без новомодных примесей. В поддержку своей правоты он ссылался на некую рукописную книгу от начала XVIII в., где будто бы говорилось об этом, но самым занятным было то, что он никому эту книгу не показывал, хотя его неоднократно просили об этом. Только публикация рукописи «Регула» Х. Лесинга, найденной в 90-е годы, нанесла губинской версии серьезный, но, к сожалению, не окончательный удар.

Год 1861, год освобождения крестьян в России от крепостной зависимости, стал переломным годом в русской истории вообще и в истории русской псовой борзы в частности. На протяжении 60—70-х гг. большинство владельцев псовых охот,

особенно те, которые держали собак не из за охотничьей страсти, а из тщеславия, лишившись бесплатных ловчих, псарей и загонщиков, постарались от своих собак избавиться. Количество борзых резко сократилось, но, как это ни парадоксально, порода от этого только выиграла. Вместе с усатыми и бородатыми брудастыми борзыми ушло в небытие огромное количество чистопсовых, ведущих свое происхождение от крымок, а также многочисленные выборзки, вообще не знавшие родства. Конечно, их часть разделила некоторая часть нужных для будущего восстановления породы собак, но я смело могу утверждать, что не лучшая. Все самое ценное из распущенных охот, порой за весьма доступную цену, а порой и просто бесплатно, попало к новым владельцам, которые знали настоящую цену хорошей борзой собаки.

Этой жестокой отбраковке мы обязаны тем, что наша борзая сегодняшних дней имеет совершенные формы и сохранила многие из лучших рабочих качеств, присущих только этой породе. Немногочисленные сохранившиеся псовые охоты теперь уже велись рациональнее и серьезнее, разведение породы шло экономнее, без ненужных затрат на неоправданные и сомнительные опыты, случившиеся в прошлом не раз.

В 1875 г., когда почти все из известных борзятников страны собрались в Москву на свой первый съезд, всем или почти всем присутствующим стало ясно, что с существующим поголовьем борзых собак вряд ли удастся вести отдельно густопсовую, псовую и чистопсовую разновидности. Было своевременно и мудро решено, что единственная возможность сохранения породы вообще — объединение трех существующих типов породы русских псов борзых в единственный — современную русскую псовую борзую.

После этого важного события было еще 13 лет беспримерных по накалу сражений не только словесных, но и заполнивших страницы многочисленных охотничьих журналов тех лет бескомпромиссных баталий, где старые и молодые борзятники «ломали копья», выясняя желаемые стати будущей новой породы. А. С. Вышеславцев и С. С. Каравеев ратовали за густопсовую, П. М. Губин, оставаясь верен себе, — за чистопсовую, а Мачеварианов и Ермолов, поддерживаемые мыслящей молодежью, среди которой выделялись С. В. Озеров, Н. А. Болдарев и А. П. Вальцов,шли по пути к созданию нечто среднего — современной русской псовой борзой. Время доказало, что именно они были правы, ибо их коллективное детище мы с вами знаем и любим до сегодняшнего дня.

В 1888 г. Н. П. Ермолову было поручено написать стандарт современной русской псовой борзой, с этим заданием он блестяще справился. Именно этот год можно по справедливости назвать годом рождения одновременно и древней и юной породы, взявшей от своих многочисленных предков все самое лучшее. Именно так я представляю себе многовековую историю нашей породы, другого пути ее создания быть не могло. Я люблю ее прошлое, но в настоящие времена меня все больше и больше волнует ее будущее, то я хочу верить, что далекие потомки моих и заших собак еще не одно столетие, удивляя и радуя людей будущего, сумеют достойно делить с ними пищу и кровь.

Парад участников.

Фото Б. ЮРЧЕНКО

САДКИ ПСОВЫХ БОРЗЫХ НА ЗЛОБУ

В 1980 г. в правила испытаний борзых собак был введен раздел «Правила садок борзых на злобу». С его появлением, многие борзятники начали вести соответствующую работу для того, чтобы провести такие испытания. В 1982 г. Липецкое областное общество охотников и рыболовов организовало испытания русских псовых борзых на злобу по матерому подсадному волку.

Садки устраивались в 15—18 км от Липецка на одном из полей совхоза «Красный колос». Ровное открытое жнивье было окружено с западной и восточной сторон оврагами с кустарниками, небольшими сосновыми лесочками, с южной — широкой лесополосой, с северной — глубской пахотой. Место оказалось удобным для проведения садок.

К испытаниям было подготовлено два матерых волка: волчица шести и волк восьми лет.

Первые Липецкие областные садки по злобу состоялись 21 ноября, на них испытали 15 собак, из них три были расценены на диплом III степени: Гордый (68 баллов) и Пчелка (65 баллов) В. М. Потаева, Буйн (62 балла) В. П. Бэлдина — все собаки из Липецкой области.

На вторые испытания (12 декабря 1982 г.) были приглашены борзятники Московского и Ленинградского ВОО, Ленинградского, Тульского, Харьковского и Ждановского областных обществ охотников. Испытания начались с торжественного открытия. Затем по распоряжению главного судьи из легкого алюминиевого ящика выпустили волка. Зверя не сопротивили. Условия позволяли пускать борзых на большие дистанции — от 200 до 250 м. Для того чтобы приемщикам было удобно брать волка из-под собак, ему выше скакательного сустава задней левой ноги закрепляли специальный поводок, длиной около 30—40 м, конец которого оставался свободным.

В испытаниях участвовало 28 собак; из

них только три были расценены без присуждения диплома: Жрица и Гейша из Москвы, Великолепный Ленинградского ВОО.

Первые и вторые липецкие садки показали, что наши борзые прозвали мало злобы к волку. Этому не следует удивляться, так как садки на волка у нас не проводились. Многие поколения борзых не видели этого зверя. Необходимо отметить, что несмотря на это, они не боялись его и не убегали. Нэбэрот, многие преследовали, окружали, смело подходили, некоторые старались брать, но настоящих хваток по волку не получалось. Все это убеждало в том, что восстановить столь необходимое и важное качество борзых — злобу — возможно, но потребуется немало времени и усилий для того, чтобы это сделать. Необходимо планировать и организовывать работу по испытанию русской псовой борзой на злобу и проводить их чаще.

Хочу заметить, что испытания борзых по злобу — дело не простое, к ним надо тщательно готовиться. Довольно трудно привести волков, их содержать и выращивать. Первые садки и притравки лучше проводить по прибылому волку, затем перейти к матерому.

Для дальнейшей работы с породой русской псовой борзой важно, чтобы такие садки проводились в областях, где есть русские псы. Это позволило бы в дальнейшем проводить и состязания борзых на злобу.

Полевые испытания, правильно организованные и хорошо проведенные, помогают оценить борзых и являются прекрасным методом отбора племенных производителей для последующего получения работоспособных породных борзых собак для охоты не только на лисицу и зайца, но могут быть применены и для охоты на волка.

С. БЕЗДЕНИХ

СТРЕЛЬБА НА ВСКИДКУ

Д. ПОЛЯКОВ.
оружиевед

Охотник, особенно начинающий, должен усваивать лучшие охотничьи традиции. Настоящий охотник получает удовлетворение от охоты только тогда, когда она носит спортивный характер. Это означает, что основным методом стрельбы на охоте по пернатой дичи должна быть стрельба влет. Она автоматически исключает стрельбу по нефлутному молодняку. Но и при стрельбе влет недопустимо и запрещено стрелять на яйца по стаям дичи. Стрелять можно только по конкретно избранной одиночной цели. Охотник, научившийся стрелять хорошо, правильно использует возможности дробового ружья и стреляет в пределах дальности действительного поражения. При этом дичь, как правило, поражается чисто, а в случае промахов они также получаются чистыми. При такой стрельбе подранков обычно не бывает.

Из известных способов стрельбы в лет навивков разумствования стрельба на вскидку. Независимо от того, как начинает стрелять охотник, рано или поздно он поймет, что стрельба на вскидку доставляет истинное удовлетворение: без умения стрелять этим способом охотник начинает чувствовать себя наполноценным. Он всегда будет понимать, что внезапные, быстро появляющиеся цели не для него. Поэтому он сам начнет в конце концов стремиться к освоению стрельбы на вскидку, но это будет значительно труднее, так как устоявшиеся привычки будут давать о себе знать. Опыт стрелковых школ, где начинающих обучают только стрельбе на вскидку, свидетельствуют в пользу того, что начинать обучаться стрельбе нужно именно с этого метода.

Прежде чем перейти к изучению особенностей стрельбы на вскидку, начинающий охотник, да и тот, кто ранее не пользовался этим способом, должен сделать для себя несколько ясных и чётких определений. Для начала нужно уяснить разницу между стрельбой пулей из винтовки или из гладкоствольного ружья и стрельбой дробью по движущейся цели. В первом случае при прицеливании мы совмещаем три точки: целик, мушку и цель и, стремясь удерживать это совмещение, плавно нажимаем на спусковой крючок. Во втором случае мы в доли секунды направляем ружье в точку, параллельную цели дробовым споном и одновременно нажимаем на спусковой крючок. В первом случае взгляд фокусируется на прицельных приспособлениях, во втором — на цели. Если охотник не усвоит различия между направлением ружья и прицеливанием, он никогда не сможет освоить стрельбу на вскидку, так как при этом привычного и известного всем с детства прицеливания, то есть совмещения целика, мушки и цели, не происходит и не должно происходить. Спусковой механизм гладкоствольных ружей в отличие от винтовочного конструктивно создан так, что сход курка с шептала происходит без

предварительной потяжки, мгновенно, по достижении необходимого спускового усилия. Это небольшое, на первый взгляд, отличие обеспечивает единство временных моментов от принятия решения на выстрел до фактического выстрела, чем достигается высокая разумствование при стрельбе по быстровдвижущимся целям.

Если при стрельбе из винтовки стрелок, нажимая на спусковой крючок, не знает, когда произойдет выстрел и, затаив дыхание, стремится к удержанию целика, мушки и цели в определенном положении во время плавного нажатия на спусковой крючок, то стрелок из дробового ружья должен четко и точно определить момент нажатия на спусковой крючок, то есть момент выстрела, иначе он промахнется. Если то же самое попытается сделать стрелок из винтовки, он вряд ли добьется желаемых результатов, так как «корвет» винтовки. Эти различия, хотя в них мало говорят, носят принципиальный характер и являются основополагающими для различных видов стрельбы.

Нужно всегда помнить, что дробовое ружье имеет ограниченную дальность действительного поражения. Так, из ствола со сверловкой, близкой к цилиндрической, оптимальная дальность действительного поражения находится в пределах 17—30 м (максимально — 35 м), а из ствола со сверловкой полный чок 25—45 м (максимально — 50 м). Эти ограничения предъявляют к охотнику свои требования: Он должен уметь правильно и быстро определять расстояние до цели, как до неподвижной, так и до быстро движущейся. Это не такая простая задача, как представляется на первый взгляд. Чтобы не отклоняться от основной темы, хочу лишь отметить, что в различных условиях местности в зависимости от освещения, густоты растительного покрова, а также размеров дичи, человеку свойственно ошибаться в ту или иную сторону при определении расстояния до нее. От грубых ошибок охотника может избавить только постоянная тренировка в определении расстояния до предметов в условиях, приближенных к условиям охоты с последующей проверкой шагами.

Относительно правильное определение расстояния до движущейся цели нужно как для того, чтобы не стрелять за пределами дальности действительного поражения дробового ружья, когда промах становится закономерной навязчивостью, так и для того, чтобы правильно определять величину упражнения.

Трудно ли научиться стрелять на вскидку? Ответ зависит от того, каких разумствований вы хотите добиться. Если сравнить трудности достижения средних спортивных результатов (3, 2 и 1 разряда) на круглом стande, то они ничуть не большие, а для некоторых лиц даже меньшие, чем достижение таких же разумствований в

легкоатлетических или игровых видах спорта (волейбол, футбол, хоккей, баскетбол, городки, теннис). Я встречал начинающих охотников, которые уже после нескольких тренировок на круглом стande выполняли норму 3 разряда. Разница в результатах среднего стрелка и стрелка высокого класса заключается в основном в волевых качествах и постоянстве тренировок. В принципе почти каждый человек с нормальной координацией движений, нормальным зрением и спортивным темпераментом может научиться хорошо стрелять на вскидку и достичь высоких результатов в стрелковом спорте. Но для этого нужно строго придерживаться определенных правил.

Стойка при стрельбе. Если посмотреть со стороны на стрельбу хорошего охотника или спортсмена, то первое, что бросится в глаза, — это простота и непринужденность, с которой поражаются цели. Все это происходит так, как будто иначе и быть не может. И второе — кажется, что выстрелы производятся почти одновременно с появлением цели, непостижимо быстро для начинающего охотника.

Для достижения таких разумствований всегда необходимо выработать правильную, удобную для стрельбы стойку. Она позволяет быстро поворачивать корпус стрелка направо и налево, обеспечивая устойчивое положение при необходимости повторного выстрела. Ступни ног нужно ставить на таком расстоянии друг от друга, чтобы между пятками было расстояние примерно в одну ступню, а между носками несколько больше. Если ступни ног расставить широко, то повороты корпуса будут затруднены и стрелок начнет делать поводку ружья движением рук, что приведет к промаху. Если ступни ног находятся слишком близко друг к другу, стрелок теряет устойчивость как при поворотах корпуса, так и при отдаче от первого выстрела.

Положение корпуса стрелка к плоскости стрельбы должно находиться под углом, примерно 45°. Ноги следуют слегка согнуть в коленях, как при спуске на лыжах с наибольшей горки. Корпус чуть наклонить вправо в сторону предполагаемого выстрела. Такая стойка дает возможность отдыха для всех мышц между выстрелами и обеспечивает возможность поражения целей только за счет поворота корпуса в секторе 160—170° без потери устойчивости.

Охотник должен правой рукой держать ружье за шейку приклада так, чтобы указательный палец серединой первой фаланги мог нажать на спусковой крючок. Левая рука держит ружье за цевье. Находящийся в такой стойке стрелок уже положением своего корпуса «прицелился» в заданным направлении еще до того, как приклад коснулся его плеча.

Прикладывание ружья. При стрельбе на вскидку прикладывание ружья к плечу обычно совмещается с поводкой ружья:

В большинстве случаев прикладку ружья приходится производить в процессе поворота корпуса охотника. Правильная прикладка ружья в сочетании с правильной стойкой обеспечивает наведение ружья в ту же точку, куда смотрят глаза охотника. До прикладывания ружья к плечу охотник должен держать его так, чтобы вес ружья равномерно распределялся между правой и левой руками. Это определяется каждым охотником индивидуально путем подбора положения левой руки на цевье в ходе пробных прикладок. Когда охотник нашел нужное положение левой руки, нужно стремиться в любых условиях держать цевье в том же месте.

При прикладывании ружья его нужно сначала вскинуть вперед и вверх, а затем движением обеих рук прижать прикладом к плечу к плечевую владину. При вскидывании ружья правое плечо слегка наклоняется вверх, голова слегка наклоняется вперед. Когда приклад коснется плечевой владины, гребень приклада должен прижаться к щеке охотника под правой складкой. Наблюдая за стрельбой хорошо видна стрелка, вы заметите, что он выбрасывает ружье вперед и вверх и беспрепятственно прикладывает его к плечу и щеке. В то же время он одновременно разворачивает корпус и смотрит туда, куда должен быть направлен выстрел. Как только ружье приложено, его стволы автоматически фиксируются в направлении взгляда стрелка, и он производит выстрел.

Наиболее распространенными ошибками у начинающих при прикладывании ружья являются:

1 — протаскивание приклада к плечу из-под мышки, что замедляет прикладывание, не обеспечивает постоянства прикладывания в одно и то же место — плечевую владину; в результате приходится подправлять прикладку и стрельбы наискоску не получается;

2 — охотник прикладывает ружье к плечу слишком низко и ему приходится сильно наклонять голову, чтобы щека легла на гребень приклада; такая привычка у некоторых охотников быстро укореняется, что замедляет прикладку, затрудняет стрельбу наискоску; некоторые тренеры говорят: «Хороший стрелок прикладывает ружье к щеке, плохой — щеку к ружью»;

3 — иногда охотник производит выстрел до того, как гребень приклада коснулся щеки. Хотя такое направление в стрельбе наискоску существует, начинающему охотнику делать этого не следует, ибо этот способ требует устойчивых наивысших стрельбы и владения ружьем, что является на сразу. Начинающий охотник должен производить выстрел только после того, как щека коснулась гребня приклада, так как в данном случае мы получаем строго фиксированное положение ствола ружья, направленных в ту же точку, куда смотрят глаза охотника.

В процессе прикладки стволы ружья направляются в точку перехвата цели дробовым споном и до нажатия на спусковой крючок удерживаются какое-то мгновение перед целью на величину упражнения, находясь в движении. Какое-то время поводка продолжается и после выстрела. Но все это происходит так быстро, что создается впечатление, будто при стрельбе наискоску поводка отсутствует. От стрельбы с короткой поводкой стрельба наискоску отличается тем, что, если в первом случае вначале осуществляется при-

кладка ружья, а затем начинается поводка, то при стрельбе наискоску прикладка ружья и поводка объединяются в одно движение.

В охотничей литературе много пишется о ружьях прикладистых и неприкладистых. Не могу говорить о ружьях кустарного изготовления и ружьях с переделанными прикладами, но стандартные ружья заводского изготовления производятся с учетом последних научных исследований

Прикладка ружья к плечу и щеке. Стрелок слегка наклонен вперед; правое плечо приподнято, щека прижата к гребню приклада. Руки заняли положение, удобное для стрельбы.

ний и являются прикладистыми для абсолютного большинства охотников. Конечно, приклад, изготовленный на заводе на заказ, по снятой с охотника мерке, лучше стандартного. Но сколько лучше? Об этом мало задумываются и мало пишут. Опыт лучших спортсменов мира убедительно доказывает, что при сравнении результатов стрельбы из ружьем со стандартными прикладами заводского изготовления и из ружьем с прикладами, изготовленными лучшими оружейниками мира на заказ, последние показывают улучшение результатов стрельбы в различных стрелков на 2—5%. Для спортсменов высшего класса это внушительное улучшение, но вряд ли оно может быть ощущено даже очень хорошим охотником на охоте. Там возникает настолько много дополнительных помех, что они с избытком поглощают эти 2—5% возможных промахов, связанных с недостаточной прикладистостью заводских ружей. Вот почему не следует искать причины недовольства в неприкладистости ружья: ищите их в ваших ошибках и исправляйте их.

Прицеливание. О стрельбе наискоску некоторые оружиееды пишут, что при этом методе охотник стреляет «как бы не целясь», но это делено не так. За счет чего же происходит прицеливание при стрельбе наискоску? За счет того, что человеку свойственно направлять свои действия туда, куда смотрят глаза. Так, человек довольно легко может бросать камни, снежки, мяч; плотник бьет молотком по шляпкам гвоздей, не промахиваясь; хоккеист посыпает шайбу в ворота вратаря; теннисист, сам находясь в движении, перехватывает ракеткой мяч и посыпает в сторону противника с завидной точностью... И все это делается без каких-либо прицельных приспособлений! Стрелок из дробового ружья находится по сравнению с другими спортсменами в

сравнительно выгодном положении. Он стреляет дробью, которая при выстреле наносит значительную площадь. На оптимальных дальностях стрельба диаметром круга действительного поражения дробового спона достигает 106 см и имеет площадь 8824 см², то есть без малого квадратный метр. Такая площадь действительного поражения гарантирует от промахов при наименительных погрешностях в точности наведения стволов ружья при стрельбе наискоску.

Стрельба наискоску, как и всякая другая, должна вестись с обеими открытыми глазами. Тот, кто прицеливает один глаз при наведении ружья в точку перехвата цели, лишает себя данного вмущения бинокулярного зрения. При этом затрудняется оценка расстояния и снижается обзор зрения. Вся картина в момент выстрела представляется не так четко и запоминается хуже. Только когда у охотника, стреляющего с правого плеча, командный является левый глаз, нужно либо прицеливать его, либо параллельной на стрельбу с левого плеча.

В момент обнаружения цели охотник должен сосредоточить на ней все свое внимание. В это же время производится оценка расстояния до цели, направление ее полета, определяется упражнение. Как только величина и направление упражнения выработаны, в это происходит одновременно с прикладкой ружья (и, конечно, без каких-либо математических расчетов), охотник преносит взгляд в точку перехвата цели дробовым споном. При этом цели продолжает находиться в поле зрения охотника. Если охотник не преносит своего взгляда в точку перехвата цели дробовым споном, он промахивается, так как упражнение не получается. Прицельную планку (стволы) охотник видит не в фокусе, очень расплывчато. Некоторые отличные стрелки, сосредоточив внимание на цели, говорят, что они вообще не видят стволов, но это, конечно, не так. Стволы они видят, потому что при правильной прикладке они находятся в поле зрения охотника, но в первые увлечения они так мало обращают на них внимания и так расплывчато видят их, что у них может сложиться впечатление, что они их не видят вообще.

Как уже отмечалось, дальность стрельбы из дробового ружья ограничена. Охотник должен успеть выстрелить, пока цель находится в зоне действительного поражения. Начинающий охотник должен привыкнуть себя стрелять быстро даже в том случае, если есть время на выцеливание дичи. Как только начинается выцеливание, поводка замедляется, дичь улетает за пределы дистанции выстрела и в результате — закономерный промах. Если в начале обучения охотник стреляет быстро и промахивается, это беда поправима. Как говорят, для начала лучше промахнуться в хорошем стиле стрельбы, чем попасть в плохом. Плохие привычки укореняются и исправлять их в последующем очень сложно.

Проблема упражнения. Определение величины упражнения больше других стрелковых проблем вызывает споры и противоречивые высказывания. Создано огромное количество различных схем, таблиц, графиков и рисунков, показывающих, каким должно быть упражнение при стрельбе по быстровдвижущимся целям, в том или ином случае. Эти пособия показывают величину и направление упражнения. Изучение таких пособий для

начинающего охотника полезно, так как они дают основу для размышлений и призывают думать о необходимости упреждения, что создает предпосылки для выработки конкретных навыков стрельбы.

Существует также значительное количество прицельных приспособлений, которые оказывают помощь начинаящим охотникам в определении упреждения. Некоторые охотники на первоначальном этапе обучения стрельбе пользуются такими приспособлениями, но как только основы стрельбы навсегда осваиваются, надобность в таких прицельных приспособлениях отпадает, и охотник ими больше не пользуется.

Сложность решения задачи по определению упреждения заключается в чрезвычайно сжатых сроках, отпущенных для ее решения, в невероятно больших количествах вариантов стрельбы по летящей дичи, в том, что человека свойственно ошибаться как при определении дальности до летящей дичи, так и в определении направления и скорости ее движения. Так, упреждение, достаточное для поражения птицы, летящей от вас на расстоянии 30 м, приведет к промаху по этой же птице, летящей от вас на расстоянии 40 м. Многое досадных ошибок делается даже опытными охотниками в связи с неправильным определением угла взлета или посадки дичи. Да и различная дичь отличается друг от друга и по скорости полета, и по манере поведения в полете.

Но самое главное — это то, что каждый человек индивидуален, и практически невозможно встретить двух одинаковых стреляющих охотников. Между лицами, недооценивающими этот фактор, обычно и возникают споры или недопонимание, когда они не соглашаются друг с другом относительно величины упреждения в каком-то конкретном случае. На самом деле один может обладать быстрой реакцией, другой — замедленной. Обычно каждому кажется, что он обладает быстрой реакцией и что он нажимает на спусковой крючок, как только в мозгу созрело решение на производство выстрела. Фактически же у каждого человека время от принятия решения до нажатия на спусковой крючок различно, а даже разница в 0,05 с влияет на величину упреждения. Скорость прикладывания ружья и поворота корпусом также различна у каждого охотника, а это, в свою очередь, дает различную скорость поводки ружьем. Нужно также учитывать, что у каждого конкретного охотника быстрая реакция может изменяться в зависимости от настроения, состояния здоровья, количества тренировок и т. д.

Обычно чем быстрее поводка ружьем, тем меньше упреждение. Опыт показывает, что если при быстрой поводке бывает достаточным упреждение в 30—40 см, то при медленной поводке оно может достичь 1,5—2 м, а при поводке с остановкой ружья — 3—4 м. Но могут быть и такие случаи, когда охотник обладает быстрой поводкой, но медленной реакцией выстрела. У такого охотника при упреждении 30—40 см будут промахи, и для попадания ему потребуется большее упреждение. И наоборот, можно встретить лиц с медленной поводкой, но быстрой реакцией выстрела (мускулатура рук более развита и тренирована, чем мускулатура тазобедренного пояса). Короче говоря, великое разнообразие человеческих, характеров, темпераментов, физиологических особенностей и образа мышления не позволяет однозначно решить вопрос, каким должно быть упреждение при выстреле по быстро движущейся цели у того или иного охотника. Этот вопрос каждый охотник должен решать самостоятельно, либо, с помощью хорошего тренера или опытного старшего товарища.

Но не нужно и превеличивать трудности проблемы упреждения. Она успешно разрешается с приобретением опыта стрельбы на основе особенностей нашего мозга запечатлевать в памяти только положительные результаты стрельбы. Промахи в памяти охотника фиксируются только тогда, когда он точно определил их причину и, следовательно, может ее устранить. Остальные в памяти не сохраняются. Попадания же фиксируются в памяти охотника всегда и сохраняются на всю жизнь. При этом наш мозг фиксирует в памяти не только положение стволов по отношению к дичи, но и стойку охотника, скорость прикладывания ружья, быстроту поводки стволов и т. д. В дальнейшем при аналогичных ситуациях наш мозг выдает нам своевременную и точную команду на выстрел, очевидно, решая ее ассоциативным методом. Поэтому для каждого охотника важна личная стрелковая подготовка, личный положительный опыт стрельбы.

Тренироваться в стрельбе навсегда лучше всего на стенде, но условия для этого есть далеко не у каждого. Можно также тренироваться в стрельбе навсегда в любом стрелковом тире, как из пневматического ружья, так и из малокалиберной винтовки. Стрелять можно и по неподвижным, и по движущимся целям, но при этом нужно забыть о мушке и целике, сфокусироваться взглядом на цели и при касании приклада к плечу нажимать на спусковой крючок. Добившись результата, перейти к стрельбе с поворотом корпуса.

Можно к охотничьему ружью приспособить фонарики, луч которых совместить с направлением прицельной планки или с осью канала ствола. Луч фонарики сфокусировать узким пучком. Фонарик должен включаться при нажатии на спусковой крючок. С таким приспособлением можно успешно тренироваться в комнате.

Перед каждой тренировкой, как и перед выходом на охоту, очень полезна физкультурная разминка для рук и тазобедренного пояса.

Таковы основные положения стрельбы навсегда. Освоив их, охотник может приступить к достижению тонкостей этого способа стрельбы, стрельбы дуплетом, а также быстро научиться методам стрельбы с тщательным выщеливанием дичи, если в этом возникнет необходимость.

Но чтобы результаты стрельбы навсегда удовлетворяли вас, нужно твердо помнить основные ее положения: соблюдать правильную стойку в предвидении выстрела; правильно и однообразно прикладывать ружье при однообразном положении правой руки на шейке приклада, левой — на цевье; направлять ружье и делать поводку им только поворотами корпуса; стрельбу вести с обоми открытыми глазами, взгляд фокусировать на дичи, перед нажатием на спусковой крючок смотреть в точку перехвата цели дробовым снопом; выстрелы производить быстро, без задержек, не останавливая движение стволов; помнить результаты стрельбы.

ГДЕ ОТРЕ

И. ШИШКИН

В «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года» поставлена задача: «Значительно расширить выпуск запасных частей, узлов и агрегатов к машинам, оборудованию, транспортным средствам и приборам» (Материалы XXVI съезда КПСС, М., 1981, с. 154). Ружье — это тоже машина, точнее, метательная машина, в которой в качестве энергии используются расширяющиеся пороховые газы. И как всякая машина, ружье время от времени выходит из строя и требует ремонта, который невозможен без наличия определенного ассортимента запасных частей и узлов. Однако отремонтировать охотничьи оружия в ряде районов нашей страны становится все труднее и труднее, а кое-где это стало вообще невозможным.

Об этом убедительно свидетельствует поток писем читателей, резко возросший в последние три-четыре года. Письма с жалобами на невозможность отремонтировать ружье или купить к нему запчасти идут со всех концов страны — как из густонаселенных районов России и Украины, так и из глухих мест Сибири и Дальнего Востока, как от охотников-любителей, так и от промысловиков.

«Нас — промысловиков и любителей — в Горьковской области примерно 30 тыс. Но горе у всех одно: нигде отремонтировать ружье», — пишет Н. Толстобров (г. Горький). «По личной неосторожности,— пишет Н. Баранов (г. Приморск Запорожской обл.), — сломал шайку у ИЖ-54. Убедительно прошу сообщить, где можно привести в ремонт». Те же вопросы задают А. Шильников (ст. Курягино Красноярского края), В. Борисенко (пос. Горные ключи Приморского края) и сотни других охотников.

Чем же вызван этот поток писем?

Главная причина — отсутствие мастерских или отказ принять ружье в ремонт из-за отсутствия запасных частей. Охотник С. Гуськов (п/о Бареславка Волгоградской обл.) пишет: «Вы мне прислали адреса мастерских по ремонту охотничьих ружей. И стал я писать по этим адресам, всего написал в 16 мастерских, но все отказались ремонтировать ружье». Второй год пытаюсь отремонтировать ТОЗ-34-28 — и безрезультатно. Во Владивостоке мастерской нет, а из Хабаровска ответили, что мастерская не работает». (И. Продецкий из пос. Дальнегорск Приморского края). «Не берем», «нет мастерской», «запасных стволов, лож нет» — отказы, отказы, отказы...

Другая причина — охотник не может купить запасные части. «Телерь», — пишет В. Данилович из сел. Красной Харбинской обл., — базы Псыльторга приклады не выпускают». «Я обратился на завод с просьбой продать мне новый ствол. С завода, — сообщает М. Пирожков (сел. Пу-

РЕМОНТИРОВАТЬ РУЖЬЕ?

довка Томской обл.), — мне ответили, что продажей деталей он не занимается».

Итак, заводы и посыльторги запчасти (включая стволы и ложи) не высыпают. А так как запасных частей, как правило, нет в охотничьих магазинах (включая столичные), так как оружейные мастерские не продают запчасти охотникам, то даже те из них, кто умеет ремонтировать оружие, не в состоянии это сделать.

Невозможность *во время* отремонтировать ружье отрицательно сказывается на выполнении планов сдачи охотничьей продукции. Вот что говорит В. Ючкович (Томская обл.): «Как быть охотникам Севера, где оружейные мастерские на многие сотни километров отсутствуют? Из-за малейшей порчи ружья срывается промысел». «В данный момент не могу выполнять договор на сдачу пушинь; отправил ружье на ремонт в Тулу, прошло пять месяцев, а ответа нет», — жалуется А. Саркисян из г. Физули Азербайджанской ССР. О срыве промысла или преждевременном его прекращении из-за невозможности быстро привести в порядок оружие свидетельствуют и многие другие письма, поступающие в редакцию.

Некоторые охотники, не видя выхода из создавшегося положения, пытаются отремонтировать ружье собственными силами. «В первый год охоты, — сообщает С. Сазанов из г. Целинограда, — подул правый ствол. В мастерской определили, что вина моя, а заменить ствол нечем. Осадил я как мог ствол, но бой уже не качественный».

Обнаружив ружья с «подутыми» или плохо выправленными стволами, с разбитыми ложами или другими неисправностями, инспектора, проверяющие техническое состояние оружия, или егеря требуют списать такое оружие или — если это возможно — отремонтировать его в определенный срок. Ф. Деркач (пос. Слатино Харьковской обл.) пишет: «Лопнула пружина, а так ружье почти новое. А егеря общества говорят: раз ружье сломалось, значит, надо его списать».

Подобные предложения вызывают решительный протест охотников: «Неужели, из-за мелкой поломки выбрасывать ружье стоимостью более 300 руб.» (Ф. Федченко, г. Семипалатинск). «Жалко бросать хорошую, и дорогую вещь из-за небольшой поломки. Никто ведь не выбрасывает новый костюм из-за того, что на нем случайно появилась небольшая дырка», — пишет И. Дежнев (г. Свердловск).

Не хватает не только мастерских и запчастей, но и мастеров. «В настоящее время, — сообщает А. Ульев из г. Новосибирска, — в нашем городе с населением 1,4 млн. человек нет ни одной ружейной мастерской: старые мастера поумирали, а их ученики побросали это дело».

Так обстоит дело на периферии. Ну, а каково положение в Москве?

В столице работают три оружейные мастерские: оружейная мастерская Промышленного комбината МООиР, оружейная мастерская Центрального совета ВОО и гарантейная мастерская Тульского оружейного завода, обслуживающая жителей Москвы и Московской области.

Оружейная мастерская МООиР — одна из старейших в стране: она работает с 1899 г. Тогда это была «Специальная оружейная мастерская братьев А. и В. Никитиных». В 1929 г. она стала промыслово-кооперативной артелью московских оружейных мастеров. Ныне в мастерской работают четыре мастера; какого-либо другого персонала нет. Мастерская принимает в ремонт оружие только непосредственно от его владельца; посылками ружья не принимаются, так как пропускная способность мастерской не позволяет обслуживать многофирменых охотников по почте.

Мы обратились с рядом вопросов к старшему мастеру оружейной мастерской МООиР П. М. Демикову.

— Павел Михайлович, как у вас обстоят дела с запчастями? Откуда вы их получаете?

— Мы подаем заявки на запчасти в Родсохотрыболовсюз, но заявки наши удовлетворяются не полностью, многие запчасти получаем редко и в недостаточном количестве, а некоторые вообще не получаем.

— А что еще мешает вашей работе?

— Многое: отсутствие нормального помещения, нехватка инструмента, система оплаты. Посмотрите на нашу мастерскую: это полуподвал, который весной заливают сточные воды. Летом, когда отопление выключают, помещение сырое, деревянные части — ложи, цевья — начинают впитывать влагу; зимой дерево подсыкает. Разве это нормальные условия для работы оружейной мастерской?

— Все вы — люди пожилые, а Борис Алексеевич Стрелюшин уже на пенсии, что, к счастью, продолжает работать. Так ведь? А где же ваша смена?

— Смены нет. Оружейных мастеров никто не готовит. А готовить их нам самим невозможно: не на чем учить молодежь. Нельзя же их обучать на ружьях клиентов!

— Вы говорили об оплате труда. Сколько у вас получает мастер?

— Примерно 230 руб. в месяц. Но ведь это же мастера высочайшей квалификации, все — шестого разряда. Каждый соединяет в своем лице слесаря, токаря, столяра, термиста, специалиста по взрывному... Вот уйдут они на пенсию, а заменить их некем. Кто тогда будет обслуживать охотников столицы, не знаю...

— Еще такой вопрос: нам приходилось наблюдать, как ваши мастера не просто проводят текущий ремонт, а в полном смысле слова восстанавливают, рестав-

рируют ружье. Есть ли специальная оплата за такие работы?

— Нет, хотя ремонт и реставрация — совсем разные работы. Одно дело — обычный ремонт серийных ружей; при наличии запчастей это дело «легкое». Совсем другое дело — восстановление старых, иногда очень ценных ружей, когда приходится вытачивать те или иные детали. Ясно, что второе — дело чайного более сложное, трудоемкое и должно, конечно, оплачиваться выше.

— Что же нужно сделать, чтобы устранить трудности, мешающие работе мастерской?

— Обеспечить нормальным помещением, запчастями, оборудованием, инструментом (его мы не получали уже семь лет), спецодеждой; подумать об изменении оплаты труда, о подготовке смены...

Примерно так же обстоят дела и в оружейной мастерской ЦС ВОО. В ней также работают четыре мастера, также не хватает запчастей, вот только с помещением. положение лучше: мастерская военных охотников расположена в новом здании, в светлом помещении. В гарантейной мастерской Тульского оружейного завода всего один мастер, который ремонтирует ружья ТОЗ. Ижевский механический завод гарантейной мастерской в Москве не имеет.

Как видим, положение с ремонтом охотничьего оружия, мягко выражаясь, неблагополучное. Не хватает мастерских, мастеров, оборудования, инструмента, запасных частей. Пересылка ружей по почте в мастерские, на заводы крайне затруднена (подробно об этом см. «Охота и охотничье хозяйство», 1982, № 6), запасные части почтой охотникам не высылаются. В результате такого положения нередко прерывается, а то и срывается работа охотников, ведущих промысел пушного зверя, отстрел копытных. Из-за невозможности *во время* отремонтировать оружие его списывают (часто — практически новое), то есть происходит уничтожение значительных материальных ценностей. Частым явлением стало пребывание в угодьях охотников с оружием, находящимся в неисправном состоянии. Случается, что охотники, не имея ни навыков, ни инструмента, сами пытаются отремонтировать ружье, что далеко не всегда кончается благополучно и для оружия, и для его владельца, и для окружающих.

Такое положение с ремонтом оружия совершенно натерпимо. И тем, кто несет за это ответственность, полезно вспомнить о решениях партии и правительства по вопросам ремонтной индустрии, принятых в последнее время на основе постановлений XXVI съезда КПСС. В передовой статье «Ремонтная индустрия» («Правда», 11.05.1982) говорится: «В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР о совершенствовании хозяйственного механизма заводы должны лучше учитывать интересы потребителей, давать не только выгодную для себя номенклатуру запасных узлов и деталей, но и все, что им заказано... Необходимо больше внимания уделять подготовке кадров для ремонтного производства, совершенствовать оценку труда ремонтников».

В марте этого года ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О дальнейшем развитии и улучшении

бытового обслуживания населения», в котором большое внимание уделяено ремонту бытовой техники («Правда», 30.03.1983). В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР по вопросу соблюдения договорных обязательств по поставкам продукции говорится о том, что Госплану СССР и Госнаобу СССР необходимо «усилить контроль за экономным и рациональным использованием материальных ресурсов» («Правда», 16.04.1983). На совещании в ЦК КПСС, посвященном некоторым практическим вопросам развития сельского хозяйства и реализации Продовольственной программы, вновь был поставлен вопрос о неудовлетворительном состоянии ремонтной базы. В своем выступлении на совещании Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Ю. В. Андреев сказал: «Медленно создается база ремонта и хранения техники, большое количество машин списывается преждевременно» («Правда», 19.04.1983).

Итак, мы видим, что решения, принятые партией и правительством, высказывания Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Ю. В. Андреева нацелили наше хозяйство на коренную перестройку всей ремонтной индустрии, улучшение обслуживания как населения, так и организаций, на качественные изменения в ремонте бытовой техники, орудий труда, машин, оборудования. Главная цель — рациональное использование материальных ресурсов, сохранение, восстановление и дальнейшая эксплуатация той техники, которая еще может нам послужить, но которой недавно списывалась преждевременно». Словом, экономика действительно должна стать экономной. Все это, естественно, относится и к той технике, которой используется в охотниччьем хозяйстве.

Учитывая тяжелое положение с ремонтом охотничьего оружия, опираясь на решения партии и правительства по вопросам ремонтной индустрии, следут, как мы полагаем:

1 — создать оружейные мастерские по гарантийному и обычному ремонту в тех пунктах, где этого требуют интересы охотников и охотничьего хозяйства нашей страны;

2 — обеспечить оружейные мастерские помещениями, оборудованием, инструментом, запасными частями, кадрами;

3 — наладить снабжение охотничих магазинов необходимым ассортиментом запасных частей;

4 — запасные части для отечественных ружей тех моделей, которые уже не выпускаются, а также для охотничьего оружия зарубежного производства получать (с соответствующим оформлением) от списанных ружей; это спасет от уничтожения большое количество оружия, которое — после соответствующего ремонта — еще длительное время может находиться в эксплуатации;

Выполнение комплекса перечисленных мероприятий позволит наладить быстрый и квалифицированный ремонт охотничьего оружия и даст охотникам возможность более успешно выполнять задачи, стоящие перед отраслью.

Охотникам, добывающим мясо копытных и пернатой дичи, пушнину и кожсыре, ведущим отстрел вредных хищников, должны быть созданы все условия для того, чтобы их основное орудие труда — ружье — работало безотказно.

ЗНАМЕННЫЕ РУЖЬЯ. ЛЕФОШЕ

О самом Казимира Лефоше, парижском оружейнике первой половины XIX в., нам известно сравнительно немного, хотя его вклад в развитие охотниччьего оружия велик. Не получив отца «штурмовка» такой популярности в середине XIX в., вряд ли бы мы пользовались сегодня этим удобным оружием. Следует сразу же оговориться, что не Лефоше придумал «переламывать» ружье для перезарядки — этот принцип был известен оружейниками в XVIII в. Но в эпоху шомпольского оружия с раздельным заряжанием, при котором основной заряд пороха сыпался в ствол с дула, воспламеняющий на полку, идея казнозарядности была труднореализуемой. Правда, делались охотничьи ружья и пистолеты с откидывающимися стволами, заряжаемые магазинными патронами-квадратами, но воспламенение пороха еще раз производилось через зетречное отверстие в стволе и в самой гильзе. Эти гильзы ковались и сваривались из железа бручену, были тяжелы, стоили дорого. Чтобы унитарные патроны оказались дешевыми и практичными, нужен был иной способ воспламенения, и он появился в самом начале XIX в.

Изобретение взрывных ударных составов и капсюля на их основе привело к появлению капсюльного оружия и дало толчок к созданию патрона современного типа. И пока большинство оружейников, находясь под гипнозом кремневого оружия, приспособливали капсюль к тому же раздельному заряжанию, несколько изобретателей пошло иным путем. Они стали помещать ударный состав непосредственно в гильзу. Пробраз подобного патрона и даже казнозарядного ружья предложил в 1812 г. талантливый швейцарский изобретатель и оружейник Самюэль Паули, работавший в Париже. Но прошло еще полвека, прежде чем усилиями оружейников разных стран — французов Потта и Шнейдера, чеха Крики, англичан Ланкастера и Дау — был создан патрон центрального боя для охотничьего ружья.

В основе изобретения Лефоше тоже лежала идея единого (унитарного) патрона, но она была реализована иным образом. Над своей конструкцией он начал работать в 1825 г. и через семь лет предложил переломную систему ружья, использующую оригинальные патроны. Ружье этой системы имеется в коллекции Государственного Исторического музея и представляет собой большую редкость. Оно позволяет понять, каким путем шла творческая мысль изобретателя. Это — охотничье двухствольное ружье с красивыми дамасскими стволами, изящно выполненные и со вкусом оформленные. На нем, к счастью, имеются надписи и клейма, позволяющие кое-что узнать о Лефоше. На прицельной планке выгравировано: «Патент изобретателя Лефоше в Париже», из чего следует, что мастер считал себя создателем этой системы,

а патентование — доказательством ее оригинальности. На боковых досках ударных замков золотом инкрустировано: с одной стороны адрес — «улица Биржи в Париже», а с другой (точнее важнее свидетельство!) — «бывшая мастерская Паули». Видимо, Лефоше считал себя правнуком того самого Паули, который изобрел ружье и патрон центрального боя в начале XIX в. Если Лефоше действительно был связан с Паули, то он, несомненно, мог многому от него научиться. Ружье Исторического музея датировано 1834 г. и относится к ранним ружьям Лефоше, поскольку имеет номер 197.

В этой модели Лефоше использовал известную идею «переломки» ружья, но решил ее по своему. Недостатком всех прежних систем было слабое запирание опускающихся стволов. Оно осуществлялось простой защелкой, заходившей в паз под казенниками стволов. Многократное использование ружья быстро расшатывалось это крепление, к тому же не позволявшее плотно прижать стволы к ствольной коробке. В переломке Лефоше стволы запирались специальным эксцентриком, заходившим в два подстольных крюка и приводимым в движение длинным рычагом под стволами (он так и называется — рычаг Лефоша). Он позволял с усилием загонять эксцентрик в пазы крюков и тем самым плотно притягивать стволы к ствольной коробке.

Естественно, что казнозарядное ружье Лефоше должно было заряжаться готовыми патронами. Ружье Исторического музея снабжено специальными гильзами. Они представляют собой стальные, вороненые в синий цвет цилиндры длиной 90 мм, возле донышка которых приварены брандтрубки. Решение совершенно неожиданное: ведь основная масса ружей 1830-х годов имела брандтрубку на стволе; через нее и поджигался пороховой заряд. Капсюльная система Лефоше была изобретением, опережавшим свое время. Однако патроны были неудобны для серийного изготовления, и оружейник должен был это понимать.

Мы не знаем хода его рассуждений, но следующий шаг, приведший его к успеху, он мог сделать, оттолкнувшись от патрона с брандтрубкой. Возможна, торчащая из гильзы брандтрубка привела оружейника к мысли заменить ее бойком. Лефоше убирает капсюль внутрь гильзы и вставляет в нее набольшой стержень, удар по которому взрывает капсюль и воспламеняет порох. Так появился знаменитый шпилечный патрон (подробно о нем см. «Охота и охотничье хозяйство», 1981, № 3), удобство которого привело к массовому распространению переломных систем.

Между 1835 и 1837 годами Лефоше окончательно дорабатывает свою систему под шпилечный патрон, дорабатывает и сам патрон, сделав его еще более простым и дешевым. Он предлагает бумажную гильзу, донышко которой было

одним. В донышко помещался ударный состав и шпилька, гильза заполнялась порохом, дробью и запыгивалась. Такую гильзу можно было превзаряжать несколько раз, и в этом было ее несомненное удобство. Казенники стволов ружей Лефоша имели вертикальный профиль, в который входила шпилька, чуть выступая над срезом ствола. После выбрасывания гильзы можно было извлечь из ствола за эту шпильку. Замок ружья был очень прост и представлял собой разновидность ударно-капсюльного замка. Только головка курка была плоской, поскольку выполняла функцию ударника, бьющего по шпильке.

В 40—50-е годы XIX в. популярность ружей, изготавливаемых Лефошем, была так велика, что многие европейские оружейники стали выпускать оружие под шпилечный патрон. Оно было широко распространено в Австро-Венгрии, где изготавливались такими известными оружейниками, как мастера Штеле и Шпрингер в Вене, Лебеда в Праге, Лейтнер в Ишле, в Бельгии фирмой Янсена и т. д. Делались и различные варианты этого оружия. Например, пражский мастер А. Лебеда («Охота...», 1982, № 5) борвал патент на двустрелку под шпилечный патрон с вертикальным

расположением стволов. Другой знаменитый оружейник, Гастин-Реннетт в Париже, патентует ружье под шпилечный патрон с отодвигающимися стволами, однако эта конструкция оказалась сложнее и капризна. В России петербургский оружейник Ф. Вишневский создает свой патрон, в котором шпилька вставлялась в центр донышка гильзы, что можно рассматривать как один из вариантов будущего патрона центрального боя. Вишневский производил и оружие под свой патрон.

Система Лефоша — это целая эпоха в истории оружия. Начиная с нее пути боевого и охотниччьего оружия расходятся, поскольку для боевого оружия первомое запирание слишком слабо, и в армейских винтовках применяют различные варианты скользящих, поворачивающихся затворов. Но для двустрелочных и трехствольных ружей первоменная система оказалась самой простой и удобной. Сконструированное в 1852 г. английским оружейником Ланкастером охотничье ружье под созданный им патрон центрального боя тоже было первоменного типа, хотя мастер применил свой вариант запирания. То же можно сказать и о системе англичанина Дау, усовершенствованного в 1862 г. пат-

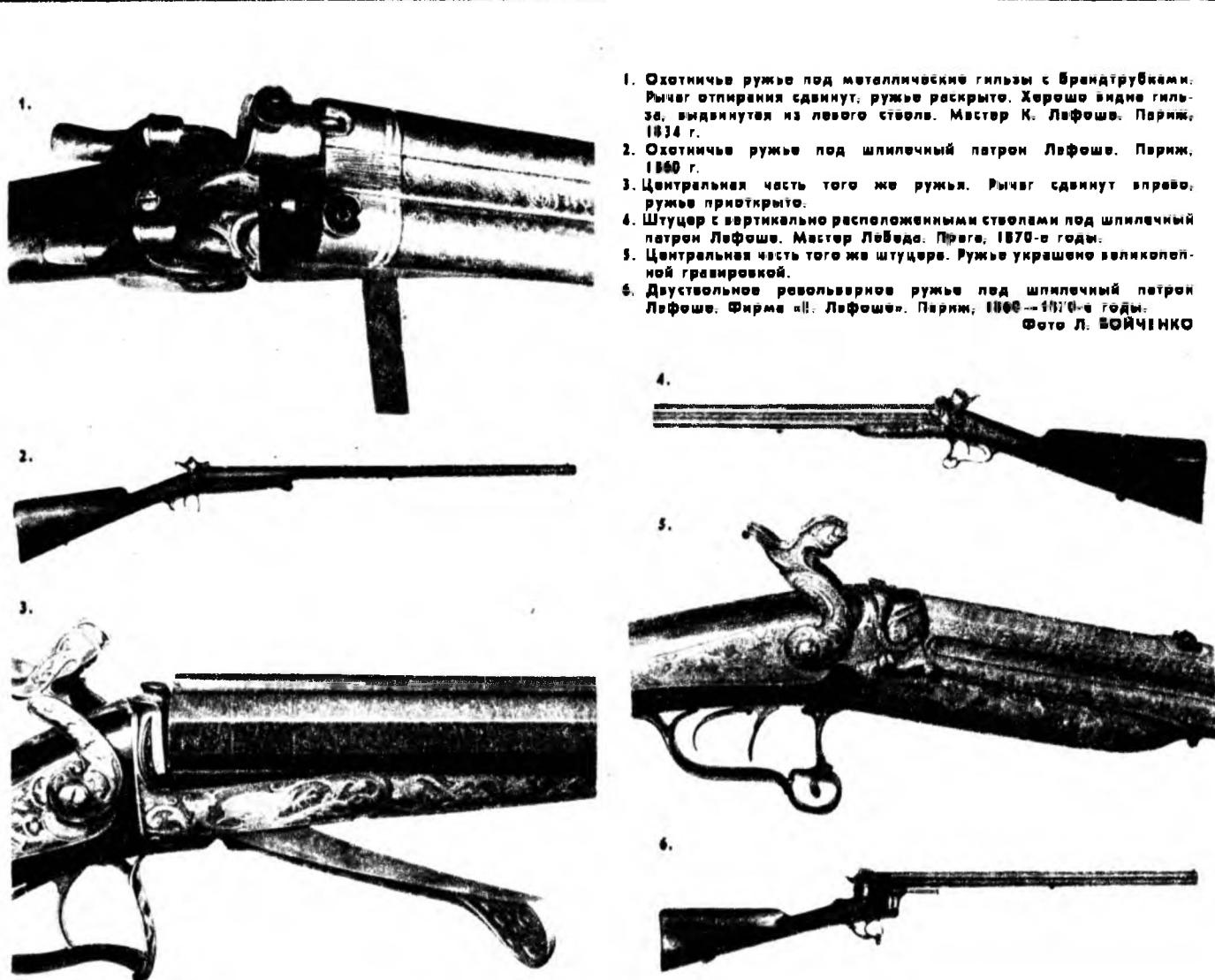
роном Ланкастера и предложившего свой вариант ружья с откидывающимися стволами. Несмотря на эти и многие другие изобретения, запирание рычагом Лефоша широко применялось в курковых ружьях центрального боя еще целых 50 лет, вплоть до начала XX в.

Влияние Лефоша на развитие оружейных конструкций проявилось не только в создании им переломной двустрелки; в 1840-х годах он изготавливает многоствольный пистолет с вращающимися стволами под шпилечный патрон с металлической гильзой. Эта система была запатентована Лефошем в 1846 г. и экспонировалась на первой Всемирной выставке в Лондоне в 1851 г. Смерть оружейника в 1852 г. помешала ему закончить работу. Усовершенствовать эту конструкцию взялся его сын Е. Лефош, который создал в 1854 г. револьвер под патрон подобного типа.

Фирма Лефоша существовала и во второй половине XIX в., возглавляемая Е. Лефошем.

Ю. ШОКАРЕВ,

старший научный сотрудник
отдела оружия Государственного Исторического музея,
кандидат исторических наук

1. Охотничье ружье под металлические гильзы с брандтрубками. Рычаг отпирания сдвинут, ружье раскрыто. Хорошо видна гильза, выдвинутая из левого ствола. Мастер К. Лефош. Париж, 1834 г.
2. Охотничье ружье под шпилечный патрон Лефош. Париж, 1860 г.
3. Центральная часть того же ружья. Рычаг сдвинут вправо. Ружье приоткрыто.
4. Штуцер с вертикально расположенными стволами под шпилечный патрон Лефош. Мастер Лебеда. Прага, 1870-е годы.
5. Центральная часть того же штуцера. Ружье украшено великолепной гравировкой.
6. Двустрелочное револьверное ружье под шпилечный патрон Лефош. Фирма «H. Лефош». Париж, 1860—1870-е годы.

Фото Л. БОЙЧЕНКО

„СТАРШИЙ БРАТ СВОИХ ГЕРОЕВ”

Н сполнилось 100 лет со дня рождения писателя Бориса Житкова. Он родился в интеллигентной семье: его отец был преподавателем математики, автором учебников, мать — пианисткой. К ним тянулись образованные, прогрессивные и революционно настроенные люди. Широта культурных интересов семьи, отношение родителей к сыну как ко взрослому определили серьезность его ранних, не по возрасту, запросов и стремление к самосовершенствованию, к закалке воли.

Житковы жили в Одессе у моря, на военном молу. Борис целыми днями пропадал в порту. Он знал парходы, организацию судового и портового дела. Его друзьями были грузчики, кочегары, ремонтники, относившиеся к нему с уважением и называвшие его, мальчишку, по имени-отчеству. Он жадно впитывал их речь, рассказы о море и кораблях. Его интересовали люди труда, влекло море. Мальчик рано обучился столярному мастерству, хорошо знал такелажное дело, управлял парусом. Он самостоятельно изучал астрономию, метеорологию, занимался живописью, но самое главное — доводил до совершенства то дело, которым увлекался: плывая, он стал отличным пловцом; стреляя, бил без промаха в лет перепелов; заинтересовавшись цирком, добился успехов в жонглировании и акробатике; хорошо знал кулинарию и огородничество; занявшийся фотографией, получил первую премию на столичной выставке. Ему удавалось это благодаря организованности и самодисциплине, которую он воспитывал в себе с ранних лет.

Когда в 1907 году он окончил университет в Одессе, две кафедры, химию и ботанику, предложили ему остаться для научной работы. Но его привлекало более живое дело. Житков был назначен начальником экспедиции на Енисей для изучения фауны, филосии и самой реки. С помощью ярославских мужиков-переселенцев он собрал из доставленных заготовок экспедиционное судно, удачно провел экспедицию и поздней осенью 1908 года приехал в Петербург. Через год он снова стал студентом одного из самых трудных факультетов Политехнического института — кораблестроительного.

В 1912 году Житков ушел на практику в плавание, в 1915 году был на практике в Архангельске, изучал деревянное судостроение, инспектировал суда перед выходом их в море. По окончании института работал на верфях в Николаеве, плавал на корабле и подводной лодке, специализировался по двигателям и в 1916 году был послан в Англию для приемки моторов к русским аэропланам. В канун Февральской революции вернулся в Петербург и вскоре переехал в Одессу, стал работать инженером в гавани. Летом 1919 года Одессу заняли белые. Чтобы избежать мобилизации в белую армию, Житков скрылся — жил в хибаре на пустынном берегу, существовал рыбаком и охотой. Вместе с Советской властью вернулся в город, был направлен в Тираспольский уезд за-

БОРИС ЖИТКОВ

ведовать технической школой, потом преподавал в Одессе на рабфаке физику и химию. В 1923 году уехал в Петроград и встретился там с Чуковским, своим бывшим одноклассником, ставшим известным литератором.

Житков был превосходным рассказчиком, точно передававшим язык и интонацию тех, о ком рассказывал. По совету Чуковского он записал один из рассказов. Тот взял карандаш, чтобы поправить рукопись начинавшего, — но править было нечего. Рассказ «Над водой» был написан просто и крепко, «житковским» лаконичным языком. Он был восторженно встречен редакцией детского альманаха «Воробей», где работал Маршак. Житкову шел тогда сорок второй год.

Житков обладал энциклопедическими научными знаниями, владел десятками ремесел, хорошо изучил людей и жизнь. Это был тот «высокий» человек, которого так жаждал увидеть в советской зарождающейся литературе для детей Горький. В литературу пришел интеллигент с руками мастерового и принес ту подлинную новую культуру, которая, по словам Горького, «начинается с уважения к трудовому человечку, с уважения к труду». Житков был мастером и в писательском деле. Еще раньше он приучил себя выражать мысли кратко и точно, писать без черновиков. Когда он переносил на бумагу свои устные рассказы, рукопись повторяла почти слово в слово то, что излагалось в разговоре. Эта дисциплина творческого труда позволила ему за пятнадцать лет работы в литературе выпустить фантастическое количество книг — около пятидесяти! Шла бурная отдача того, чем так

жадно и целеустремленно он насыпался. Борис Житков написал несколько рассказов для взрослых, большой роман «Виктор Завич» о революционном движении 1905—1907 годов, создал пьесы... Но мировую известность ему принесли книги для детей. Он положил начало новому жанру — научно-художественной детской литературы, написав несколько рассказов и повестей о технике, о вещах и машинах: «Пароход», «Телеграмма», «Про эту книгу», «Паровоз», энциклопедическую книжку для «граждан четырехлетнего возраста» «Что я видел» и другие. Житков принес детям романтику действия и знания, романтику взволнованного, спорного труда, романтику странствий по реальной, родной земле.

Особое место в творчестве Житкова занимают рассказы о животных. Они давно стали классическими в этом жанре литературы. У миллионов детей рассказы «Про слона», «Мангуста», «Про обезьянку» и другие пробудили интерес и любовь к животным, для многих из читателей изучение животного мира стало в дальнейшем делом жизни. Поступив по настоянию отца на математический факультет университета, Борис через год перешел на естественное отделение, убедившись еще раз, что советы следует сверять с влечениями сердца. Его рассказы о животных — это рассказы специалиста-биолога, облеченные в художественную, сюжетную форму. Они непогрешимо достоверны. «Писать небрежно, неточно — это значит лгать», — приводят слова Житкова писательница Анна Гарф, бывшая сотрудница журнала «Юный натуралист». — Нет хуже лжи, чем ложь, напечатанная в детской книге». Некоторое время сотрудничал в «Юном натуралисте» и Житков. Он указывал на огромное значение и важность этого журнала, несущего миллионы ребят о знании природы и о любви к ней, которые обогащают жизнь любого человека, как бы ни сложилась его судьба.

Истории животных, о которых идет речь в рассказах, неотделимы от судьбы людей. Любимые герои Житкова — это люди «высших человеческих качеств», которые он так настойчиво воспитывал в себе. Виталий Бианки называл писателя Житкова «старшим братом своих литературных герояев». «Все дело в том, что ничего нет убедительнее личного опыта», — писал Борис Степанович в одном из своих писем. Пожалуй, он один и убедителен. И вот, чтобы писание было убедительным, надо сделать так, чтобы оно равнялось личному опыту».

Умер он уже давно, в октябре 1938 года, и прожил мало — пятьдесят шесть лет. До последних дней, несмотря на неизлечимую болезнь, он был полон творческих замыслов, делился планами создания большой книги «История корабля», мечтал спроектировать практическое судно для черноморских рыбаков. Он и в эти дни продолжал жить, ни на один оборот не сбавляя, — как он сам говорил, — вращения ума и духа.

В. ПЫЖОВ

ОТ РЕДАЦИИ. Мы публикуем один из малоизвестных рассказов Бориса Житкова. В нем говорится о том тяжелом для писателя времени, когда он летом 1919 года скрывался на берегу моря от мобилизации в белую армию. С ним был мальчишка Володя.

Заметим еще, что совы полезные птицы и стрелять их в настоящее время запрещено.

МЫШКИН

Борис ЖИТКОВ

Вот я расскажу вам, как я мстил единственный раз в жизни, и мстил кровно, не разжимая зубов, и держал в груди сперты дух, пока не спустил курок.

Звали его Мышкин, кота моего покойного. Он был весь серый, без единого пятна, мышного цвета, откуда и его имя. Ему не было года. Его в мешке принес мне мой мальчишка. Мышкин не выпрыгнул дико из мешка, выскочил на пол, отряхнулся и стал языком приводить в порядок шерсть. Он ходил по комнате, измываясь и зопнувшись, и чувствовалось, что мягкий, ласковый пух змиг, как молния, обратится в стальной пружину. Он все время взглядывался мне в лицо и внимательно, без болзни следил за моими движениями. Я очень скоро выучил его давать лапу, идти на свист. Я, наконец, выучил его на условный свисток вскакивать на плечи — этому я выучил его, когда мы ходили здвоем по осеннему берегу, среди высокого желтого бурьяна, мокрых рябин и склизких оползней. Глухой глинистый обрыв, на версты без жилья. Мышкин искал, пропадал в этом разбойном буряне, а этот бурьян, сырой и дохлый, еще махал на ветру голыми руками, когда все уж пропало, и все равно не дождался счастья. Я свистел, как у нас было условлено, и вот уж Мышкин высокими волнами скакает сквозь бурьян и с маxу вцепляется коготками в спину, и вот уж он на плече, и я чувствую теплую, мягкую шерсть у своего уха. И я терся холодным ухом и старался поглубже запрятать его в теплую шерсть.

Я ходил с винтовкой, в надежде, что удастся, может быть, подстрелить кролика, — которые здесь по-дикому жили в норах. Безнадежное дело пулей попасть в кролика! Он ведь не будет сидеть и ждать выстрела, как фанерная мишень в тире. Но я знал, какие головы и страх делают чудеса. А были уж заморозки, и рыба в наших берегах перестала ловиться. И ледяной дождь брызгал из низких туч. Пустое море мутной рыбкой волной без толку садило в берег день и ночь, без перебоя. А жрать хотелось каждый день с утра. И тошная дрожь пробирала каждый раз, как я выходил из земли и захлопывал за мной дверь. Я возвращался часа через три без единого выстрела и ставил винтовку в угол. Мальчишка зарил ракушку, что насобирал за это время: их срывал с камней и выбрасывал на берег прибой.

Но вот что тогда случилось: Мышкин вдруг весь вытянулся вперед у меня на плече, он балансировал на собранных лапах и вдруг выстрелил — выстрелил собою так, что я шатнулся от неожиданного толчка. Я остановился. Бурьян шатался впереди, и по нему следил за движениями Мышкина. Теперь он стал. Бурьян мерно качало ветром. И вдруг писк, тоненький писк, не то ребенка, но то птицы. Я побежал вперед. Мышкин придавил лапой кролика, он вгрызся зубами в загривок и замер, напружинясь. Казалось, тронешь — и из него брызнет кровь. Он на мгновение поднял на меня яркие глаза.

Кролик еще былся. Но вот он дернулся последний раз и замер, вытянулся. Мышкин вскочил на лапы, он сделал вид, что будто меня нет рядом, он озабоченно затрусил с кроликом в зубах. Но я успел шагнуть и наступил кролику на лапы. Мышкин заворчал, да так зло! Ничего! Я присел и руками разжал ему челюсти. Я говорил «тубо» при этом. Нет, Мышкин меня не царанул. Он стоял у ног и ярыми глазами глядел на свою добчу. Я быстро отхватил ножом лапку и кинул Мышкину. Он высокими прыжками ускакал в бурьян. Я спрятал кролика и сел на камень. Мне хотелось скорее домой — похвастаться, что и мы с добчей. Чего твои ракушки стоят! Кролик, правда, был невелик! Но ведь сварить, да две картошки, эге! Я хотел уже свистнуть Мышкина, но он сам вышел из бурьяна. Он облизывался, глаза были дикие. Он не глядел на меня. Хвост чересной плеткой мотался в стороны. Я встал и пошел. Мышкин скакал за мной, я это слышал. Наконец я решил свистнуть. Мышкин с разбега, как камень, ударился в мою спину и змиг был на плече. Он мурлыкал и мерно перебирал когтями мою шинель. Он терся головой об ухо, он бодал пушистым лбом меня в висок.

Семь раз я рассказал мальчишке про охоту. Когда легли спать, он попросил еще. Мышкин спал, как всегда усевшись на меня поверх одеяла.

С этих пор дело пошло лучше: мы как-то раз вернулись даже с парой кроликов. Мышкин привык к дележу и почти без протеста отдавал добчу.

...И вот однажды я глядел ранним утром в заплаканное дождем окно, на мутные тучи, на мокрый пустой огородишко и не спеша курил папироску из последнего табаку. Вдруг крик, резкий крик смертельного отчаяния. Я сразу же узнал, что это Мышкин. Я оглядывался: где, где? И вот сова, распластав крылья, планирует под обрыв, в когтях что-то серое бьется. Нет не кролик, это Мышкин. Я не помнил, когда это я по дороге захватил винтовку, но нет, она круто взяла под обрыв, стрелять уже было не во что. Я побежал к обрыву — тут зашептал серый пушок. Видно, Мышкин не сразу дался. Как я прозевал! Ведь это было почти на глазах, тут, перед окном, шагах в двадцати! Я знаю, она, наварное, сделала с ним, как я с зайцем: она схватила растопыренными лапами за зад и плечи, резко дернула, чтобы поломать хребет, и живого заклевала у себя в гнезде.

На другой день, еще чуть брезжил рассвет, я вышел из дома. Я шел наудачу, не ступая почти, осторожно, краудучись. Зубы были скаты, и какая злая голова на плечах! Я осторожно обыскал весь берег. Уже стало почти светло, но я не мог вернуться домой. Мы вчера весь день не разговаривали с мальчишкой. Он сварил ракушек, но я не ел. Он спал еще, когда я ушел. И пса моего цепкого я не погладил на его привет; он подвигнулся от горечи.

Яшел к дому все той же напряженной походкой. Я не знал, как я войду в дом.

Вот уже видна и собачья будка из-за бугра, вот пень от спиленной на дрова последней акции. Стой, что же это на пне? Она! Она сидела на пне, мутно-белого цвета, сидела против моего курятника, что под окном. Я замедлил шаги. Теперь она повернула голову ко мне. Оставалось шагов шестьдесят. Я тихо стал опускаться на колено. Она все глядела. Я медленно, как стакан воды, стал поднимать винтовку. Сейчас она будет на мушке. Она сидит неподвижно, как мишень, и я отлично вижу ее глаза. Они как ромашки, с черным сердцем-зрачком. Взять под нее, чуть пониже ног. Я весь замер и тихонько нажимал спуск. И вдруг сова как будто вспомнила, что забыла что-то дома, маxнула крыльями и низко над землей пролетела за дом. Я еле удержал палец, чтобы не дернуть спуск. Я стукнул прикладом о землю, и ружье скрипело у меня в злых руках. Я готов был просидеть тут до следующего утра. Я знал, что зетер бы не застудил моей злобы, а об еде я тогда не мог и думать.

Я пробродил до вечера, скользил и падал на этих глиняных буграх. Я даже раз посвистел как Мышкину, но так сейчас же обозлился на себя, что бегом побежал с того места, где это со мной случилось.

Домой я пришел, когда было темно. В комнате свету не было. Не знаю, спал ли мальчишка. Может быть, я его разбудил. Потом он меня впопыхах спросил, какие из себя совиные яйца. Я сказал, что завтра нарисую.

А утром... Ого! Утром я точно рассчитал, с какой стороны — подходить. Именно так, чтобы светлеющий восход бил в глаза, а я был на фоне обрыва. Я нашел это место. Было совсем темно, и я сидел не шевелясь. Я только чуть двинул затвор, чтоб прозереть, есть ли в стволе патроны. Я закаменел. Только в голове навязчивым, черным пламенем стояла ярость, как любовь, потому что только влюбленным мальчиком я мог сидеть целую ночь на скамье против ее дома, чтобы утром увидеть, как она пойдет в школу. Любовь меня тогда грела, как сейчас грела ярость.

Стало светать. Я уже различал пень. На нем никого не было. Или мертвится? Нет, никого. Я слышал, как вышла из будки моя собака, как отряхивалась, гремя цепью. Вот и петух заржал в курятнике. Того силился рассвет. Но теперь я вижу ясно пень. Он пуст. Я решил закрыть глаза и считать до трех тысяч и тогда заснуть. Я не мог досчитать до пятисот и открыл глаза: они прямо глядели на пень, и на пне сидела она. Она, видно, только что уснула, она перевинилась еще. Но винтовка сама поднималась. Я перестал дышать. Я помню тот миг, прицел, мушку, и ее надежду. В этот момент она повернула голову ко мне своими ромашками, и ружье выстрелило само. Я дышал пособачьи и глядел. Я не знал, слетела она или упала. Я вскочил на ноги и побежал.

Залим, распластав крылья, лежала она. Глаза были открыты, и она еще поводила вздернутыми лапами, как будто защищалась. Несколько секунд я не открывал глаз и вдруг со всей силой удрил прикладом по этой голове, по этому клюву.

Я повернулся, я широко вздохнул в первый раз за все это время.

В дверях стоял мальчишка, распахнув рот. Он слышал выстрел.

— Ее! — Он охрип от волнения.

— Погляди. — И я кинул назад.

Этот день мы вместе собирали ракушки.

В НАЧАЛЕ АВГУСТА

Борис ПЕТРОВ

Была самая густая пора лета, стояли жаркие дни. В 10 часов еще тлели поздние сумерки. В северной части неба закат тихо передвигался к востоку, за дальние сумрачные горы, а купол свода был серым, и хотя краски летней зари уже погасли, но и темноты настоящей не предполагалось. С реки тянуло прохладой.

Сын уже спал в палатке, и я улегся, как всегда, настелив снизу помягче, но не укрываясь. И долго читал, пристроившись поближе к свече. А ночь все свежала. Но я так увлекся, что ужился, забыл и никак не мог сообразить, что мне холодно. Наконец, дошло — я оторвался от книги и вылез из палатки за спальным мешком. Взглянул на часы и с удивлением увидел, что уже два пополудни.

Над темнеющим за песчаной косой плесом курился легкий туман. На берегу смутно чернели в вышине купы ветел. А над ними искрились звезды. За время светлых летних ночей я совсем забыл о них. Первая встреча после долгого прерыва была неожиданной. «Наше, потому, что я выбрался со свету, ночь кажется темнее», — удивленно подумал я. Звездам положено украшать небо в августе...

Постепенно глаза обвыкли, и я увидел, что настоящий темени все-таки нет. Небо глубокого синего цвета, почти лилового и краешек над горами начинал алеТЬ — стоял тихий час темнозорья. Но и звезды мерцали в небе. К тому же их было много, хотя светились они слабо, только народились. Для настоящих августовских созвездий нужен густой бархат фона, потому узорчатого ночного неба еще не было, но все же оно искрилось! Странное, трудно выражимое в словах состояние: и зорька июльская, и голубой сумрак, и звезды из августа — все сразу.

Значит, август со своими ночными бриллиантами подкрадывается исподволь, в тишине, когда все спят. И лишь на краткий серединный час ночи первые звездочки выглядывают и начинают теплиться в небе. И я их случайно в этот таинственный час застал. «А вообще-то сегодня уже тридцатое июля, — сообразил я, — даже, собственно, прошло тридцать первое. Чему же удивляться. Не заметил, как лето проскочило...»

Утром мы долго нежились в палатке, потом неторопливо кипятили чай. Не хотелось никаку спешить, не хотелось никаких волнений и страстей... Я сидел на бревнышке у костра, ждал, когда кружка постынет и поглядывал вокруг. Было такое ощущение, словно в мире что-то изменилось.

Мы жили на берегу Чулымы неделю, и все время стоял зной. С утра над луговинами жидкими пластами плавали душистые туманчики, а в небе начинали громоздиться кучевые громады. Днем набегал ветер, плеса искрились, прибрежные тальники серебрились и струились

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА

листвой. Солнце палило, песок на обширной отмели накалялся и пышел зноем.

Может, я все это придумываю? Не знал бы, что среди ночи впервые мерцали звезды, и ничего бы особенного не заметил. Возможно. И все-таки день был другой, не такой, как до этого. Ласточки-береговушки по-прежнему взвешивали над водой, солнце, как и вчера, палило, но... ветерок приносил прохладу, вон и листочки таловых скользко насырил вокруг, узеньких, бледных и нивесомых, как перья. К вечеру ветер стих, и поплыли запахи — прибрежной мяты, вянущих трав с пастбища, сырых лозинников. Мята кажется тоже так настойчиво прохладно на пахла все эти дни... Нет, день все же сегодня другой — это был день августовский. На календаре последний июльский листок, но что значат наши календари для природы! Просто август нынче поторопился и прибыл раньше установленного нами срока.

И в довершение всего во время вечернего клева [мы лениво ловили на хлеб у травы сорогу] у Сережки, когда он тащил к берегу рыбешку, взруг удочка чуть не выплыла из рук: кто-то мощно ударил в глубине. Мой рыбак до того растерялся, что поколюдел, однако продолжал тянуть изо всей мачи.

— Папа! — выдохнул он швяпотом.

Я оглянулся, увидел вымытое знаком вопроса удильца, побледневшее лицо, успел подсочкнуть и разглядеть, как из бутылочно-зеленой глубины странно боком появилась белая рыбочка, перехваченная попerek чем-то вроде плоского утиного клюва. У самого берега щука выпустила из пасти добычу, и гибкий хлыст выбросил серебристую рыбку высоко над Сережиной головой.

— Папа, что это? — растерянно произнес сын.

— Щука схватила! — Сорожка была наискосок распорота по боку двумя бороздами. — Скажи спасибо, что леска уцелела.

— Я даже испугался, — сознался он. — Думал, кто-то удочку вырывает.

— Водяной!

— А у нее нос чёрный... как у крокодила. Папа, а если бы мы ее поймали, что с неё делать?

— Со щукой-то? В воду пустили бы.

— Зачем?

— Продели бы в губу булавку и отпустили плавать, пока не понадобится.

— А! — удовлетворено согласился он. — Я подумал — совсем.

Значит, все-таки август, раз начинается щучья пора... К следующему утру я стал готовить спиннинговую снасть. На закате ветер наконец утих, запад был сизо-красным, и на нем — черные силуэты тополей и ветел. В сумерках заметно посвежело. Я сразу забрался спать в походный ватный мешок.

— Ты же доказывал, что больше всего на свете любишь смотреть на поплавок!

— вдруг спросил Сережка. Он долго устраивался, возился и наконец затих в спальнике, я думал — уснул. Но, видимо, и его вечное приключение не оставляло в покое. И вообще, он не мог упустить случая и не задать вопроса, на который не просто сразу ответить. Да я и сам почему-то чувствовал себя немножко изменником.

Я с ранних лет бродил за отцом с ружьем, но первое время довольно прохладно относился к рыбной ловле. Например, как Сережка сейчас: клюет — и он с интересом сидит с удочкой, но стоит замереть клеву, и азарт у него остывает, он начинает бродить по берегу, бросать в воду камешки. На самом рассвете, когда сердце истого любителя замирает от предвкушения, сын может лениво проговорить сквозь дрему:

— Что-то не хочется... Я, пожалуй, еще сплю.

Точно таким я был в его годы. Но постепенно рыбацкая страсть разгоралась во мне и с годами заняла в душе место наравне с ружейной охотой. Причем именно азарт удильщика, настоящего поплавочника — пристрастие к созерцанию тихих вод и ожиданию поклевки. В Сибири я, правда, пристрастился еще к блеснам и постепенно завел полную спиннинговую охоту. Сам удивляюсь: казалось бы, так далеко это изобретение спортсменов-англичан от нашего мирного терпеливого ужения! Но страсть к поплавку и спиннингу, у которого поплавка вообще нет, с некоторых пор странным образом уживается во мне. Как если бы некая навигомонная лисица и простодушная тетерка жили под одной крышей. В летние месяцы я все-таки предпочитаю ловить на Чулыме сорогу в проводку, мечтая об изредка попадающихся могучих язях с алыми перьями. Но в августе... В августе начинает холода и светлеть вода в реке, росы становятся свежими, туманы — густыми, ночи — звездными. Август для меня — пора спиннинга. И я изменяю любимому поплавку.

— Конечно, — задумчиво проговорил Сережка, не дождавшись моего ответа, — такую щуку поймать! Не то что вельчик.

Не отрицаю: подержать на удочке крупную рыбу — настоящее рыбаков счастье. Но честное слово, дело не только в размере добычи. В чем-то еще, чего я никак не могу уяснить, улавливая в душе непонятное ощущение вины перед другом-поплавком. В конце концов, щуку можно поймать и на живца, даже более крупную. Но никакие щучиши не могут соблазнить меня заняться жерлицами и живцами.

На рассвете, оставив Сережку досматривать самые сладкие сны, я отправился со спиннингом. Еще дни три назад заприметил обширную молчаливую заводь, затянутую травой. Длинные темноцветные пряди лениво колыхались в струях, а на поверхности кое-где торчали изрезанные бело-розовые соцветья сусака. Самое щучье место. Если идти туда берегом, придется лезть сквозь заросли травиц-дурнинги и цепкого таволожника-«воробья-ягника», сразу по пояс вымокнешь от обливной студеной росы. Я решил срезать излучину напрямик скошенными лугами. Солнце еще не всходило, и пойму затопил туман.

В лугах было росисто и озабочено. Яшел по серой от оседающей влаги отаве

и оставлял на росной траве черновый зеленый след, который, как лыжня, тянулся за мной далеко через покосы. По сторонам в тумане смутно виднелись копны, пахло сеном, мокрой зеленой травой и теплыми калужинами, заросшими кувшинками и осокой.

Вспомнились зеленый простор и небесноголубые озерины в травах на вятских ложах. Луга моей юности... Какие вы были душистые, какими чарующими травами выстланы! В июне по вечерам их заполнял неумыслимый азартный скрип коростелей, которых мы, мальчишки, не раз пытались вытрухивать из кустов — вот ведь он, под ногами! Но всегда безуспешно. Июнь в лугах — праздник зеленого цвета. Прасветлев — просторы юных и нежных трав, потомнее — жирно-зеленая осочистая оторочка ручеин и перебежек, вовсе густая крепла — темные дубовые гривы с крепким южным ароматом, щекочущим ноздри. Сырая теплота болотин, парные настои травогона, зеленый и голубой мир вокруг... Позже были у меня немереные волжские займища, очерченные осокоревыми гривами дальнем мареве, с длинными-предлинными сонными и бочажистыми затонами, и была среди них, в глубине займищ, старица с красивым названием — Княгинка. Мир огромный, казалось, без конца и края... Конец, правда, наступил — теперь все эти просторы давно успокоились на дне великих волжских водохранилищ. Но мне еще достались в жизни луга — поэтические сибирские. В мае Тобол разливался вольными водами километров на пять в ширину, а к июлю в заречье выгоняло буйные травищи — медведь медведем. И тоже хранились в тех лугах потаенные куры и ляги, заросшие по берегам таловой и ольховой непролазью — Профара, Глубокая, Боброзо... Уток на них выводилась истинная прорва! А караси обитали золотые и тяжелые, как слитки. Комарья, правда, тоже плодилось невесело, но о нем как-то не вспоминается. В июле луга поспевали и закипал великий сенокос. Утром, за Тоболом слышалась стекотанье «Беларусей», доносились шорканье кос — вся деревня уходила страдовать. Жаркий сенокосный ветерок несет горячее дыхание бело-розовой цветени, а в сумерках напливает медовый дух молодого сена и приторная золотая сладость. Где-то побрякивают в отсыревшем воздухе боталами вольно пущенные в ночное лошади. Тяжелых и основательных стогов по Тоболу наставляли бесконечно, однако все травы осилить не могли — оставалось сколько угодно заматерелых дупелиных некосей, болотных кустарничков, нетронутых тупиков, затянутых жесткой резинкой и постной шумихой, излюбленных выводками крякв. А по выстриженным паточникам и потным местам, высывали взмущающие бекасы. К августу в лугах снова воцарялась тишина. Как я ждал всегда этот день — первое августа, исконный срок охотничьего праздника — открытия осеннего сезона!

Снова над головой торопливо проносились крылья утки. Я не удержался, прикинул к плечу сложенное пополам удильице и щепетился... Вспомнилось, какая парная бывает в этот час вода в мелких болотцах. На рассвете идешь покосами по зябкой обильной росе, а потом осторожно ступаешь в податливую тину — из-под ног обильно журчат пузыри, и озерная водица

кажется теплой, как чай... Когда это было? Когда-то мы с отцом охотились в пойменных лугах на уток. Вот так же на заре приходили к травянистому берегу и по колено в теплой воде брали осоку на плесо. А когда перелет кончался и солнце восходило, мы отправлялись бродить по заросшим озеркам — стреляли с подъема тяжелых-крякх и шустрых чирят. «Каака-каака!» — с громким плюхнем и возмущенным кряком из осоки взмывает свечой матерая утка, и долго плавает затем, над водой синий пахучий пороховой дымок. Давно это было... Весь август когда-то считался месяцем луговой утиной охоты. Вот такие же были туманные и озабоченные рассветы и душистые копны в лугах. А ночевали мы в пышных стогах сена или в шалаших покосчиков, истомно пахнувших вянущей лозиной и медовым разнотравием. А потом сроки осенних охоты начали постепенно переносить все позже, и утиной стрельбы в лугах с подхода не стало. Поэтому что сторожки осенние кряквы перемещаются на открытые воды и на выстрел пешего стрелка не допускают. Незаметно с годами получилось, что не стало для меня августовских росистых пожней. Сколько раз бывало: так запросится душа! Но... что делать там в эту пору? И только теперь спиннинг как бы возвратил в те далёкие туменно-благословенные времена, вернул мне забытые луга в росе и августовский запах сена. Я долго пытался сохранять традицию — в ночь на открытие осенних охоты обязательно спать в стогу. Но пришлось отказаться: последние ночи августа в Восточной Сибири студени, к рассвету, случалось, так заколешишь, что выбравшись из холодающей сырости, долго, дрожа, бегаешь в темноте вокруг зарода, пока зуб не научится снова поладить на зуб. Какая уж тут радость!

Увлеквшись воспоминаниями, я не заметил, как пересек криволучье (по-сибирски — «забоку»), и вот он снова — берег Чулымы. Да заводь травяная — многообещающая. Чулым все-таки река быстрая и перекатистая, вся из мелкошироких плесов, главные щучьи места — травяные улова и кури. Кажется, не напрасно я сюда прибрел. Поднимаю голенища болотных сапог и захожу в воду по колено. Начнем, пожалуй.

Я немного волнуюсь перед первым забросом, словно начинаящий — побаиваюсь, что не сумею сразу управиться с катушкой, соскользнет леса и запутаю «бороду». С первого раза и не надо стараться запустить блесну как можно дальше, сперва восстановим в памяти навык, начнем полгомыку... Нормально выходит, все по уму. А теперь можно метнуть посмелев — вон к той соблазнительной козлиной бороде — торчащей из воды травы. Хорошо прошла блесна, так и чудилось: вот-вот раздастся знакомый долгожданный толчок под водой. Что ж, надо искать щуку, искать настойчиво. Первый метров на двадцать ниже и попробую заброс с другой стороны — проведу приманку против течения, чтобы подматывать совсем медленно. Тогда моя латунная рыбка будет играть вяло и больше смахивать на ослабелую рыбешку. Я выбираю лесу несколькими резкими оборотами барабана и делаю паузу, давая блесне две-три секунды свободно падать, переваливаясь с боку на бок. Но поклевки нет, что-то нет пока желающих позовутракать моей железякой. Что

ж, впереди целое утро, ищи место, прoubуй, меняя блесны — в спиннинговой ловле тоже ведь, как на утиной охоте, ноги кормят. Помню раньше — кончалась утренняя зорька, и мы отправлялись бродить до жары.

— Пойдем ногами свое счастье выжигать, — смеясь, говорил отец, закидывая ружье на плечо. — Охотника девятый день радует.

И правда, крякхи да чирки и в прежние времена не под каждой кочкой сидели. Ходишь, ходишь, ноги уж стали чугунными, так бы повалился в пышную копну и уснул. Но обидно: охотничья сумка пуста. Не на каждом плесе и в прежние годы сидели серые утицы. Час бродишь — ничего, только где-то вдали за кустами услыхал лопот крыльев. Еще час — поднялся селезень, да неловко, не дался под выстрел, или сам не сумел поймать на мушку, отпуделял в белый свет. Такое неудачное утро, хоть плачи! Понадобилось время, чтобы я понял одно неопровергимое правило охоты на уток с подхода: не намокнешь — не убьешь! Прогулявшись по берегу даже самой подходящей болотины — пусто. Но стоит, бывало, залезть в воду, хотя бы только вдоль кромки проплюхать сапогами, глядишь, и на вытерпит молодая крякха, встанет на крыло. Так что лучше сразу снаряжайся не в длинные сапоги, а в самые дырявые обутки и настраиваивайся лазить по пояс (благо, что вода в начале августа теплая) — тогда наверняка будешь с удачей. Хотя бы и не очень скоро. Одну болотину протоптал, вторую — будто и не было тут никогда серых утиц. И вдруг — чудо чудное! — подхожу к озеру, и прямо из-под ног (как я их раньше не заметил!) срывается пара кряковых, и — дуплет, верх охотничьей удачи! И сразу утро становится счастливым, редкостным по взвешиению, полным воспоминаний, а изнурительных трех часов пустой ходьбы словно и не было. Выходит настойчивый охотник свое счастье, полный впечатлений возвращается на стан. То-то и говорили в старые времена: охотника не день кормит, а час...

Обкидав всю траву на приверхе улова, я выбрался на сухое, вскарабкался по откосу и полез через кусты, чтобы попасть к самому ухвастью завода. Сколько же в этих кустах было черной смородины! Кто не бывал в Сибири, с трудом представит, какие у нас на Чулыме заросли дикого смородинника и какое бывает изобилие ягод в урожайные годы. Забираешься в сумрачную, напитанную острым смородинно-крапивным варом чащу, приподнимаешь за конец длинную гибкую ветвь, а снизу усыпано черными крупными и мелкими каплями. Сочные, душистые — еще и остановиться не можешь. Пересилившись себя, решительно отвернувшись от соблазнительного куста и тронешься дальше. Но тут же на глаза попадает ягода еще крупнее и сладче! Ну как, скажите, пройти мимо? Это изобилие смородины чрезвычайно вредно для спиннинговой ловли: идешь к намеченному щучьему месту, да никак дойти не можешь, а тем временем ободняет, лучшая пора клева на исходе. Нет никакой другой возможности победить смородиновое искушение как снять рюзак, положить на него удилище и начать поглощать ягоды горстями — «коберучко». Единственное спасение. Скоро набиваешь оскомину —

зубы кают, кончик языка, кажется, потрескался. Тогда снова надевай рюкзак, бери в руки спиннинг и спокойно иди рыбачить — некоторое время на усыпаные ягодой кусты и смотреть не хочется.

Всё-таки выбрался я из смородиновых зарослей к ухвостю травяного улова. Понищем счастья здесь. Шука ведь тоже стоит не в каждой траве и не за любой корягой. Река длинна, а настоящих уловистых мест на ней — можно перечислить поименно. Это как знание верных лазов на охоте. Встречаются такие места — где бы ни поднял в окрестностях русака,

бороздах под ярами. Середина же Чулыма, ровные галечные корыта русла — пусты. Зато на заливах Красноярского моря надо забрасывать блесну как можно дальше от берега. На Кандате щучка-быстриянка держится либо под нависшими кустами, либо выше перекатов, сторожит рыбешку, стоя в самом устье слива, как у воротных столбов. Попадал я в Эвенкии на озеро Кэвэдэ, в котором щуки было столько, что... ловить практически невозможно. Сверкнувшую железку сразу хватала ближайшая крокодилица, но пока ведешь ее к берегу, остальные, как безмозглые

чтется артелька чирков, в котором можно поднять зарткого бекаса, а где слетит спокойный упитанный дупель.

Дупель... Расхвастался! Чувствую, знаю — а поклевок-то все нет. Впрочем, я сегодня поздновато вышел на зорю. Август только начался, только первый его день. И хищник жиরует сейчас лишь на темнозорьях, в самую, кстати сказать, пору утиного перелета. Это через недельку-другую заметнее начнет остыть река, уверенное примутся играть ночные звезды, тогда можно будет охотиться на щуку и поздним утром или ранним вечером. А сегодня надо было выходит на зорю затемно. А я пронежился до «неловкого» времени. Ладно, все равно что-нибудь нам Чулем подарит, а не то — я его настойчивостью взьму.

Ну, а что обещает нам это ухвостье травяного улова? Я постоял, задумчиво окинул взглядом открывшееся место. Заросли кончались тупым мысом, который находился в треугольнике: струя течения со стороны русла и приглубое первые с ильстым дном у берега, продолжение впадавшего в Чулем летом ручья. Теперь воды в ручейне нет, все ее топкое дно заросло зеленой щетиной хвоща. Значит, придется залезать по колено вязкий ил, иначе до конца травяной заросли не достать. Фу, как цепко схватывает сапоги тяжелая грязь — еле выворачиваю с громким чавканьем на каждом шагу. Дальше идти нельзя, придется пробовать отсюда.

Блесна падает посередине улова, я даю ей спокойно опуститься и считаю про себя: раз, два, три... Леска ослабла — приманка на дне. Ого, да тут метра четыре глубины, хорошее местечко. Но — для сентября, а сейчас вряд ли щука станет жить в этой сонной суводи — неклевое место. Нужно попасть поближе к хвостам травы. Второй, третий забросы — блесна приходит свободно. Надо еще ближе к траве, к самой кромке! Ах чорт, угодил прямо в травяную «бороду»! Ничего опасного — сочные стебли легко рвутся. Еще заброс, чуть левее — и снова на тройнике виснут зеленые клочки. Спокойно, не злись. Текущая проза жизни — пустые забросы, задевы, трава на крючке. Если точно по часам отметить на листе бумаги, скажем, черным цветом время пустого бросания и мотания, ходьбы по берегу и поиска, а красным — минуты поклевок и вызвивания добычи, то... — график получился бы сплошь черный, только краткие красные мгновенья удачи! Слава Богу, графиков мы не ведем, а всего одна минута счастья напрочь стирает в памяти черный цвет безвременя. Не день хорчит, а час, минуты, собственно. Это тебе не озеро Кэвэдэ.

Удар! Блесна снова идет свободно... Но я точно ощущу: это был не обычный задев — явная хватка щуки! Почему-то она не засеклась — промахнулась, или я слишком быстро подматываю леску? Ну-ка, милая, еще разок... Вторая, третья попытки, я оживляюсь, хотя стараюсь сделать вид, что не волнуюсь. Блесна проходит точно тем же местом, но щука «молчит». Попытаемся иначе — вести приманку не здоль травы, а с реки к зарослям, будто рыбка торопится в укрытие. А перед самой границей резко выдерну блесну, чтобы она перелетела через водоросли. Надо было сразу встать в эту позицию, но она с первого взгляда показалась мне неудобной.

обязательно он сделает круг и пройдет через излюбленную рассошину оврага. Как подала гончая голос, беги в знакомую рассошину и жди. Так и у шук: я сам с удивлением убеждался в их неистребимой привязанности к некоторым местам. Помню, на одном плесе посреди здоль течения замыкала лесину, только вершина торчала над водой. Требовалось лишь не полениться и сделать крюк к этой лесине. Бросаешь блесну выше коряги, даешь снести ее немного вниз и начинаешь подмотку, чтобы приманка прошла как можно ближе к торчащей вершине. Шука хватала обязательно. Иногда не с первого, а с третьего заброса, но — обязательно. Сколько я их там пересвил! «Общувшийся» сегодня, на следующий день можно иди — место непременно занято.

На каждой реке щучьи угодья свои, чем-то отличные. На Чулеме молодые, гибкие и прогонистые хищницы любят травяные заводи, а которые постарше, толстые и комлеватые, чаще стоят в

жадные акулы, бросаются на «удачливую» соперницу и рвут ей бока, так что вытаскиваешь скелет с лохмолями. Правда, на том озере я был всего раз и лишь пару дней — настоящему рыбаку делать там нечего.

Замечаю, что с некоторых пор я стал чувствовать щучьи места. То есть не просто понимать, где может стоять хищница, а ощущать каким-то нутряным свойством. Здесь, кажется, стоит в засаде молоденькаяолосатая «травяночка» — щука, попробуй! И очень часто не ошибаюсь. Бывает, что щуки в этом месте все-таки нет, но уж всегда пусты те места, которые кажутся мне безжизненными. О! А здесь под сумрачным обрывом, именно вот у этой коряжинки... Нельзя мимо пройти — надо бросить! Или я теперь чутьем предсказываю плеса, на которых жириют стаи крупных речных окуней. Точно так же, как раньше знал — предчувствовал места, в которых могут дремать тяжелые крякхи, где пря-

Неудобно... Это смотря для кого. Рыба, я убедился, как раз и ловится там, где нам неудобно, куда заходить трудно, где забрасывать в кустах неволко или того гляди мертвую засадиши в подводную корягу драгоценную самодельную блесну. В таких местах и «стоят» настоящие щуки, которые только ждут нашего приглашения. Но мы чаще всего проходим мимо этих уголков — на быстрый взгляд они «неудобны» и только. Зато каждый рыбак обязательно выйдет на приветливый мысок, на котором кусты не мешают размахивать удочкой, а течение кажется самым подходящим для проводки. Только рыбы здесь нет, а если и были, ее давно распугали одинаково думаящие рыболовы, строем топающие на «удобное» местечко. Точно так же, как на утиной охоте: вдоль затона вьется тропка-береговушка и, где удобно, выглядывает через кусты к воде. Но утки в этих, регулярно посещаемых уголках, разумеется, никогда не сидят. Или на тетеревиной охоте: когда бродишь с ружьем по первескам, опушкам и вырубкам, — привычный глаз сам собой выбирает путь покороче и легче, срезает углы, огибает трудные места. Здесь выкошено, шагать легче, а там уголок некоси, в ней еще хранится роса, вымынешь... Кустики легче обойти, чтоб не царапаться, угол колка — срезать напрямую — ведь делать крюк (автоматически решает сознание) нерационально. А она, золотая птица, как раз там и сидела!

В некоси, под кустом, в углу колка. Здравый смысл и привычный опыт мысли сами собой незаметно влекут меня по легкому и кратчайшему — рациональному пути. Но ведь целисообразен этот путь с точки зрения человеческой, в интересах экономии сил и времени. И ничего я так не найду — никакого открытия не сделаю. Потому что на охоте, на рыбалке надо думать не обычно, не как «удобнее», а особенно — «протетеревиному» или «по-утиному», по тому, какую именно золотую птицу я сегодня ищу. Или вот — «по-щучину», «по-суневорину»... Конечно! И если думать «по-щучину», то... нечего мне торчать в этой тине, надо пересечь ручей, забрести в самую траву и бросать за нее. Чтобы блесна шла с реки к засаде, и тут у самой границы, наверняка, и ждет в укрытии зубастая хищница, так что моя железяка приплывет в прямую в пасть...

Через десять минут я уже стою в траве на новом месте. Плавный взмах удилища... и блесна, сверкнув в воздухе, летит за кромку водорослей. Тонкая вершинка чутко передает ее резвую игру и упрямое сопротивление току воды. Вот и край травы, я начинаю поднимать конец удилища, и... сопровождая приманку, из глубины выходит плоская морда. У самой поверхности воды щучина дьявольски извернулась эмелями, ссыграв белым брюхом, и снова ушла в бутылочно-зеленую глубь реки... Так! Значит, несомненно: надо сменить блесну!

Магазинных приманок я не признаю — только самодельные. Зато каждую знаю «в лицо», для каждой — свое имя. «Морская» — значит, была удачна на заливе Красноярского зоохорнилища; «Бахта» — по названию эвенкийской реки, на которой прошла боевое крещение; «игривая», «пескарь»... Официальные названия кажутся мне бездушными и ничего не говорят: «гейнц-блинкер» — каково,

а? Или что такое «норич»? А вот «кивовый лист» или «карасик» — живые создания! Знаю, что «кивовый лист» с наплавкой олова на этой тихой воде будет вял, тут ему течения не хватит. А вот «карасик» широк и темен, не любит быстрой струи, которая сразу выносит его на поверхность, зато на тиховодье «карасика» можно провести совсем медленно, причем он будет изображать зазевавшуюся, беспечно прогуливающую рыбку. Да, попробуем прицепить именно «карасика». Посмотрим, милейшая хищница, устоите ли вы против него!

Блесну сменил. Попробовал стать удобнее — сделал еще пару шагов вглубь, ближе к границе травы, и... неудобно выстаскивая ногу из водорослей, покачнулся, зачерпнул сразу обоими голенищами. Свежая утренняя вода ринулась по сапогам вниз, зло добираясь до самых теплых ступней — бrrr... Угораздило же! Но я почумота, как все утро сегодня, снова вспомнил утиную охоту и ее неколебимое правило: «Не намокнешь — не убьешь» и только улыбнулся. Даже вода в сапогах показалась не такой холодной. Ладно, не буду выбирать на берег и выжимать портянки — перетерплю! Итак, попробуем предложить ей «карасика».

На этот раз она взяла впрено. Ударя, впрочем, не было. Просто я снова подвел блесну к самым мотающимся на течении хвостам и уже начал поднимать, как вдруг она глухо засела (я в первый момент подумал: опять в траву...). Но тут же удлище передало мощный живой толчок.

Даже шпенек катушки, за который я легко крутил барабан, выпрыгнул у меня из щепоти, и шпела сделала несколько стремительных оборотов назад. Так берет очень крупная щука. Я успел представить, как она «стояла» в самых зарослях, слегка выставив широкий нос на течение, и как раз к носу и подошел, нахально вихляясь, «карасик». Хищница осталась только разомкнуть пасть...

Как она негодовала! Сначала в глубине, не показываясь на поверхность. Я сделал несколько тугих оборотов и подтягивал ее к траве на полметра, но она мощно изгибалась и уходила в сторону, леса резала воду, оставляя пузыристый след. Конец хлыста гнулся и кланялся, как я ни старался поднять его. Затем рыбина все-таки вынуждена была поддаться и вскипела на поверхности, отчего гладь реки заходила волнами. Щука изворачивалась попрек и упиралась неподвижной корягой, закусив лесу в углу глупо улыбающейся пасти. Я тянул, стремясь повернуть ее мордой к берегу. Мне надо было завести ее в узкий заливчик между двумя косами одесов, чтобы лишить простора действий. Завел... Теперь нужно как-то подтащить ближе — по траве, поверху, не давая зарыться в самые заросли... Но тут она сама вдруг мне помогла. Изо всех сил хлобыстнула хвостом по воде, подскочив на воздух, и за этот миг сумел подтянуть ее на полметра ближе. Еще удар и прыжок колесом, и снова на лету вырваны полметра. Последние шаги к берегу я тащил ее по плотной травянистой массе. Пончувствовав непривычную твердь гальки под боком, она сносила отчаянно хлобыстнула, и блесна далеко выскоцила из ее пасти, усеянной мелкими щетинками зубов. Но теперь это было не страшно...

Вот она лежит передо мной. Стараховито оно, мое охотничье счастье, которое я все-таки изловил сегодня. И что мне теперь время нудного пустого бесклевые — его отныне как будто и не было! Все с этим спиннингом — как на охоте! А больше всего покожа спиннинговая ловля на охоту своим внутренним настроением, ритмом, что ли. Так же, как когда-то я хожу в августе по лугам, брошу и «постреливаю» и возвращаюсь на стан к жаре с гулом в ногах и сумкой добычи.

Но почему я все твержу: «как на охоте»? Просто спиннинг есть самая настоящая охота, в прямом смысле слова. С ружьем, с блесной, с фотосаппаратом — охота! А рыбалка — это когда с поплавком, когда замираешь и ждешь, погружаясь в блаженное состояние созерцательности. Во всяком случае, для меня все именно так. Может быть, для других иначе, не знаю, не буду утверждать и не собираюсь настаивать, что только мой взгляд на вещи и есть самый верный, а все остальные подлежат перепделке на мой вкус. Давно уж я вышел из того возраста, когда судят о жизни и о людских пристрастиях столь неколебимо.

Зато теперь я знаю, как объяснить свое поведение сыну. Я изменяю любимому поплавку, но не ради другой рыбалки — я оставляю его ради охоты. Выходит, в душе я так и остаюсь — прежде всего охотником. Неожиданное открытие. Я-то был уверен, что просто возраст берет свое. А какой, собственно, возраст?.. Август — уже не ярое лето, но еще далек и не осень.

С ТУНДРОЙ ШУТИТЬ НЕЛЬЗЯ

О. РАПОПОРТ

Над тундрой с ее бесчисленными речками, болотами и озерами стояло неизходящее, небывало жаркое летнее солнце. Широко разбросанные по тундре сопки казались призрачными, пляшущими в струящемся мареве моих испарений. Жара и духа овладели суровым краем, и даже незвестно откуда набегавший ветерок не нарушал тишины первозданного ландшафта, не рябил зеркальную гладь воды, и только настырный комариный зуд постоянно висел в воздухе.

В один из таких июльских дней, проплыв на лодке около семидесяти километров по реке Хадутей, я пристал к песчаному берегу. Еще вчера останавливался в чуме у ненцев-рыбаков, а сегодня на многие десятки километров — ни жилья, ни людей.

Мне предстояло отыскать затерявшийся в однообразных просторах тундры одинокий чум оленеводческой бригады Андрея Вокуева. В его стаде надо было выделить больших оленей, подогнать их Хадутею и выпасать там до осени. Такую работу предстояло провести и в других стадах, которые находились на летних пастищах севернее Хадутея.

Месяца два назад Андрей рассказывал мне, как найти его чум.

— Где Хадутей делает петлю, ты бросай лодку, выходи между двумя сопками в тундру иди дальше. Большое озеро останется у тебя слева, потом впереди будет Нянь-Сяде, оттуда пройдешь еще столько же и там увидишь чум. Мы поставим его на сопке.

— А сколько километров от Хадутея до твоего чума?

— Кто у нас километры мерял? Но, однако, больше пятидесяти будет. Мы так считаем: зимой совсем близко, на оленях едем, летом совсем далеко, пешком идем.

В эти северные края я попал впервые, да и тундру только еще начинал узнавать и обживать. Но был молод, горяч, самонадеян, крепок и вынослив, как росомаха, и готов шагать и шагать без устали многие километры.

Вытащил лодку на берег, на всякий случай закрепил якорек в песке, свистнул собаку и, оставил в лодке рюкзак с провизией и котелок, налегке тронулся в путь. Еще подумал: «Зачем по жаре тащить тяжелый рюкзак, часов за двенадцать-то уже дойду до чумы!»

В пойме Хадутея сплошные заросли кустарника. Где-то еще в чаще я зацепил и порвал свой накомарник. Пробираться через кустарник было тяжело, но и когда вышел в тундру, иди стало не легче: проваливаясь в болоте, с трудом вытаскивал сапоги.

Впереди видневлось несколько сопок. Какая же из них Нянь-Сяде? После долгих раздумий решил: надо идти к той, что левее. Пока дошел до нее, солнце опустилось к горизонту. Упав на мягкие моховые кочки, я с наслаждением вытянул ноги

и начал давить комаров и мошек, набившихся под накомарник.

Я продолжал рассматриваться в окрестности, но нигде не было видно ни чума, ни дыма и никаких следов, которые могли оставить оленеводы. Где искать их чум? Куда идти? Вдали виднелась сопка с плоской вершиной. Может быть, с нее что-нибудь увижу? Но путь к ней преграждала речка, пришлось ее обходить. Дальше оказалось озеро. Прошел вначале по топкому берегу, а потом брел прямо по воде, чуть-чуть не заливая высокие сапоги. С плоской сопки тоже чума не увидел.

Солнце поднялось выше. На горизонте я заметил низкую, серую полосу. Через некоторое время потянулся прохладный ветерок, стало легче идти, начал пропадать гнус. Ветер усилился, повеяло холдом — с моря надвигался туман. Скоро все закрыла плотная пелена. Этого еще мне не хватало! Мало того, что даже признаков чума не нашел, в таком «моловке» и подавно ничего не разгляжу. Видимость всего несколько метров. По компасу определил направление, но немного прошел и попал в кустарник, дальше — речка. Еле-еле выбрался на высокое место без кустов, там и решил переждать, пока рассвествится туман. Комары и мошки исчезли, и не верилось, что совсем недавно мириады их вились надо мной и лезли под накомарник. Лыжный костюм согревал плохо, и вскоре моя нижняя челюсть стала подпрыгивать. Побегал, немного согрелся, перебрался ближе к кустам, там показалось теплее, но пугала неизвестность — сколько придется мерзнуть и кружить на одном месте? А вдруг несколько дней все будет закрыто пеленой?

Сколько прошло времени, определить не мог, но вскоре туман начал рассеиваться, стало светлеть, потом все вокруг пожелтело, в разрывах облаков показалась небесная синева. Засияло солнце, снова поднялся гнус, и мне опять пришлось надевать накомарник. Куда идти? Искать ли чум или поворачивать обратно? О еде я не думал, но есть хотел все больше и больше. С собой у меня ничего не было и я не разожгал, что оставил в лодке малосольных мускусов — подарок знакомых ненцев-рыбаков.

Наконец понял, что чум Андрея мне не найти и надо поворачивать обратно к Хадутею. Много дней спустя, уже осенью, я все же встретился с Андреем, и он рассказал: «Жара была сильная, комар поднялся такой, что нельзя было кочевать, поэтому мы не дошли до той сопки».

Чтобы сократить свой путь и не делать большого круга, решил переплыть небольшую речку. Одежду не стал снимать — испугался комаров, которые постоянно вились около меня. Плыл в одежде и накомарнике, только снял сапоги и держал их в руке. На берегу немножко отжал на себе

куртку и брюки; натянул сапоги и пошел дальше. Поглядя на высокий берег и начал искать приметные сопки, которые должны были находиться на моем обратном пути к Хадутею. Но во время блужданий в тумане, по-видимому, ушел в сторону и не смог найти свои ориентиры. Решил идти по компасу, определив, в какой стороне должна быть река, куда мне надо добраться. Прошел немножко — опять речка, которой вроде не было, когда шел от Хадутея.

Костюм мой высох, задубел и брюки стали натирать ноги, но надо идти — искать свою лодку, а главное, там еда.

Опять подошел к какой-то речке, но прежде чем ее переплыть, решил раздеться, чтобы не мочить одежду. Но только снял куртку, как на меня навалилось что-то тяжелое. Боли не чувствовал, но на спину появилась мощная присоска — спину облепили комары и начали пить из меня кровь. Всплыли в памяти трупы погибших от комаров оленей. При их вскрытии было видно, что они почти полностью обескровлены. Вспомнил также вычитанное в книге: если комары облепят всего человека, напьются его крови и произойдет их смена до семи раз, крови в теле не останется. Напуганный такими воспоминаниями, поспешно натянул на себя куртку и поплыл через речку уже в костюме, сапоги опять держал в руке.

На возвышенности начал оглядываться — место совсем незнакомое. Как попал сюда? Наконец-то дошло до меня: компас залил водой, сразу не обратил на это внимания и двинулся в сторону от пути, по которому шел к Нянь-Сяде. Но в какую сторону? По пойме Хадутея рос реденький лесок, а тут деревьев не видно. Только сейчас я понял, что заблудился... Но надо идти, если буду сидеть и ждать — погибну. Искать меня никто не станет — не знают, куда я ушел. Страха не было, но появилось чувство растерянности и злости на самого себя за свою беспечность и легкомыслие. Я не испытывал страха, может быть, потому, что все время светило солнце...

Голод все больше давал о себе знать, а есть нечего. Воды сколько угодно — кругом речки, озера, болота. Хотя бы один сухарик, какие мы грызли летом в тундре (хлеб, сущеный на ветру и превращавшийся в сероватый «нахдак»: начинавший его грызть — сразу кровоточат десны). Но, увы, и такого сухарика у меня не было. Ягоды еще не созрели — самое главное время в тундре.

Потеряя счет дням своих блужданий, стало трудно определять время — солнце не заходит, снизится немножко к горизонту, а потом опять начинает подниматься. Насчитал двенадцать речек, которые переплыл, а потом сбежал. Помню, когда солнце немножко опустилось к горизонту, вдали увидел что-то вроде группы деревьев — может, там Хадутей? Пошел в ту сторону. Долго брел. Переплывал речки. Солнце поднялось и затем начало падать к горизонту. Вдруг в одном месте на берегу озерка увидел совсем свежие следы от сапог. Обрадовался, даже побежал, надеясь догнать человека, который только что прошел здесь. Но вдруг осенило — так это же мои следы! Не поверил, смерил: точно, мои. Значит, целый день шел, сделал круг и вышел на свой же след.

Идти было мучительно трудно из-за лютотостей на ногах. Выломал палку и побрел, опираясь на нее. Накомарник уже не защищал от гнуса — сквозь дыры в тюле в него набилось полно комаров и мошек.

Чувство голода давило все больше и больше. Начал жевать совсем зеленую голубику, морошку, но голод заглушить не мог. Пес иногда подбегал ко мне, а когда я пробирался через кусты, понуро шел за мной след в след. У меня даже мелькнула коварная мысль — съесть собаку. Но, когда я позвал ее, она почувствовала, видимо, в моем голосе, интонации злой умысел и че подошла. А потом совсем отстала. Позже я узнал, что она вышла к моей лодке и через несколько дней ее нашли ненцы-рыбаки. Они рассказали мне при встрече месяца через два: «Смотрим — около лодки сидит твоя собака. Когда мы подплыли, она начала лаять и убегать в тундре, однако, звала за собой тебя искать, но мы думали так — «пустобрех».

На берегу ненцы на всякий случай развели большой костер, набросали сырого мха — поднялся высокий столб дыма, который было видно издали. Мне бы спокойно осмотреться вокруг — тогда я обязательно заметил бы дым, но, увы, я брел, не осматриваясь брел без сна и отдыха. Временами упаду где-нибудь на мох, сниму сапоги, чтобы ноги немного отдохнули, суну их в воду или в ил, закроюсь от комаров, чуть-чуть подремлю и бреду дальше. Когда уже не было совсем сил, упал и забылся. Очнулся от своего же крика — здесь я! Показалось, меня ищут, кричат, и я ответил в забытии — начал уже бредить. Все чаще и чаще одолевала мысль: куда иду, все равно не выйду ни к лодке, ни к людям.

Однако если буду сидеть без движения, все кончится скорой гибелью, поэтому надо идти, идти и идти — в этом хоть какая-то надежда на спасение.

Накомарник порван, лыжный костюм в грязи. Бреду, хромая, опираясь на палку, по-прежнему облепленный тучей комаров. Идти, ступать на стерты ноги становится все тяжелее. Чувство голода уже притупилось. Единственное желание — выйти к людям. Но где их найти? Подумал, что скорее всего людей можно встретить вблизи побережья, но как определить, где оно? И тогда решил: пойду вдоль реки, ведь должна она кудато впадать, так, может быть, доберусь и до побережья. Лаймы речек были сильно закустарены, но мне нельзя терять их направление и, как бы речка ни петляла по тундре, решил путь не сокращать, идти только по берегу. Чтобы выжить, надо выходить на побережье Тазовской губы, там, скорее всего, встречу людей.

В одном месте остановился, опираясь на палку, и вижу — по другому берегу спокойно, с остановками, что-то разыскивая, шагает медведь. Свежих медвежьих следов я встречал много, вдоль речек они были везде, но так близко зверя встретил впервые. Он меня не замечал. Кроме ножа, у меня ничего не было, страха я не испытывал, была только какая-то злость: пусть медведь нападает — буду с ним драться, все равно погибать! Но мы мирно разошлись. Только он был полон сил, а я вле-вле брел.

Основной моей задачей было не отколо-

ниться от русла реки в сторону. Потеряв счет дням блужданий, я дошел наконец до устья речки, где она впадала в более крупную реку, которую надо было переплыть, чтобы потом идти к побережью уже вдоль нее. Прежде чем войти в воду, я долго лежал на берегу, забылся, начал бредить. Очнувшись, с трудом поднялся и побрел в воду. Поплыл, держа сапоги в руке. Проплыл немногого и почувствовал,

Рисунок И. ШИПУЛИНА

что дальше плыть нет сил, а до берега еще далеко. Повернуть обратно? Но, все равно надо переплыть эту реку, другого пути нет, иначе смерть. И поплыл вперед, перевернувшись на спину: утону, так утону... Выползая на берег, я понял, что другой речки мне уже не одолеть — эта последняя...

После длительного отдыха побрел дальше. Бреду, спотыкаюсь, падаю в кустарнике, поднимаюсь, ползу. По сторонам не смотрю, мне бы только не потерять из виду реку, но она большая, по ней и катер свободно пройдет.

Пробираюсь через кустарник и тут вроде послышались голоса. Остановился, прислушался: нет, ничего не слышно, значит, показалось. Потом снова — люди разговаривают... Что же это такое? Неужели опять начал бредить? Да нет — ясно слышу отдельные слова. Спотыкаясь, падая, забыв про боль, выскакиваю из кустов к воде и вижу около другого берега лодку, а в ней ненцы-рыбаков. Неужели я спасен?! Начал звать. Но люди не подплывали ко мне, продолжая о чем-то спорить. Потом доплыли до середины реки и кричат: «Кто такой?» Я ответил. «Сними накомарник», — требуют. Я сдернул с головы накомарник, который уже почти не защищал от комаров, остался только ситцевый верх да покнутый обод с порванной тюлью. Рыбаки переговорили между собой и начали грешить ко мне. Я бросился к лодке, все еще боясь, что ненцы передумают и уплывут.

В этом месте у рыбаков был поставлен запор, перегораживавший реку. Раз в неделю они припливали сюда рыбачить. Заметив меня, рыбаки сначала подумали, что это медведь: я брел почти на четвереньках, опираясь на палку. Их смущил

только ситцевый, цветной накомарник. Они даже хотели стрелять в меня, увидев через кусты мой коричневый костюм. Когда ненцы убедились в том, что это человек, то подумали: скорее всего какой-нибудь беглый преступник. Об этом они и спорили в начале, не подплывая ко мне.

Рыбаки выскочили из неводника, стали здороваться со мной, расспрашивая, как оказался в этом месте без лодки, ведь кругом вода. Они дали мне малосольной рыбы и хлеба, но я пожевал и выплюнул. Есть уже не хотелось. Рыбаки начали неводить, а я нашел в лодке какой-то грязный мешок, укрылся им и уснул. Спал долго, рыбаки успели несколько раз засинуть и вытянуть невод. Потом они вскипятили чай и начали будить меня. Открыл немногим чаю из кружки — начались рези в животе, больше пить не стал. Опираясь на палку, дошел до лодки, пересел через ее бортик и устроился на носу неводника. Ненцы не спеша попили чаю, поговорили и решили плыть к своим чумам, хотя до встречи со мной договаривались неводить еще у одного запора. Дали мне старую малицу, которую я сразу же натянул на себя. Ветер усилился, по реке пошли волны с гребешками, комаров не стало, начал сеять мелкий дождь, но мне теперь ничего не страшно — я около людей. Эта мысль не покидала меня все время.

Пока плыли до чума, рыбаки все спрашивали меня, пытаясь выяснить, по каким местам шел, как смог все перенести и не погибнуть — ведь я проплутал по тундре больше восьми дней, ничего не ел, да и прошел около ста пятидесяти километров. В те места, где я блуждал, ненцы заезжали только зимой во время охоты на песцов, а летом никто из них там не бывал.

На широком плесе перед мысом, где жили рыбаки, волны начали захлестывать неводник. Когда подплыли к берегу, промокший насквозь, я с трудом вылез из лодки. Сбежались все, кто был в чумах. Один старик-ненец похвалил рыбаков: хорошего «осетра» поймали. Все засмеялись, надо полагать, «осетром» был я.

Эту рыболовецкую brigadu обслуживала фельдшер. Она долго ахала, глядя на мои стерты ноги. Под напором сильного ветра скрипели чум-палки, хлопали юки, но в чуме у доброго хозяина Ангали было тепло, горел костерок. Выпил постепенно кружку ухи, накрылся сухой малицей и на оленых шкурах уснул. Спал долго и просыпался только, чтобы попить уши и смазать ноги. Лежа в чуме, осознал всю опасность, которой подвергся из-за собственного легкомыслия. В дальнейшей своей работе в тундре я уже так не рисковал. Прежде чем идти по незнакомым местам, изучал карту, шел по компасу от ориентира к ориентиру, если заставлял меня туман в незнакомом месте, располагался на отдыхе. И взял за правило — без рюкзака с провизией, сменной одеждой, палатки в путь не трогаться.

Это позволило мне проработать на Крайнем Севере после описанного случая более двадцати пяти лет. Хотя и доводилось попадать за это время в сложные ситуации, но все оканчивалось благополучно благодаря соблюдению обычных правил предосторожности.

Владимир СЕМЕНОВ

СКВОРЕЦ

М. А. Дудину

Он упивался раннею весной,
Он щеккал соловьем, кричал вороной...
И пел, и трепетал влюбленно надо мной,
И славил мир, красный и зеленый.
А я стоял в то утро не посты
И склады охранял с вооружением,
И, слушая его, хранил мечты,
Как мне сберечь наш мир от разрушенья.
Я охранял ту песенку сноровца,
Я охранял покой на всей планете,
Как памятник погибшего отца
И матери, умершей в лазгите.

ИЮЛЬ

Золотая середина лета.
Кисточки кипрея расцвели,
И зима теперь, наверно, где-то
У другого полюса земли.
Быстрым трав, цветов, грибов и ягод
Завлекают нас и дуг, и лес...
Глядь реки лучистым переливом
Лосят солнце посреди небес.
До утра не устают зарницы
Знаменем в полнеба полыхать,
Пахнет хлебом тумная пшеница,
И земля добра, как мать.

* * *

Не Валдае листья пожелтели,
В озеро упали медяки.
Кронштепы с болта улетели
С песнями разлуки и тоски.
Золотом облиты перелески,
В изумруде потные луга.
Пауки-трудоги занавески
Вешают на новые стога.
Трактор
по-козайски
на рассвете
Поднимает черный пласт земли...
Осень не Валдае!
По планеге
Улетают к югу журавли!

Александр ШУБИН

В ЛЕСУ

Лес. Иду, прислушиваясь чутко,
Но не слышу и сеих шагов:
Мох пружинит под ногой, как губка,
У глухих сизерных берегов.

Сквозь рекитник вижу в промежутки,
Как качнулся шампол камыша.
Как взлетели над водой утки,
Сам ружье сжимаю, не дыша.

А прощадь, где сплетает с кленов
Лепками утиными листья,
Вверх глядят лисицы удивленно,
Меж кустов заметная едва.

Легкий треск — и зверь метнулся круто
И ушел в кустарник в полутьму,
Где, быть может, свежей кровью утон
Показались ягоды ему.

Он ушел без всякого урона
И ушел совсем не от меня:
Дуб в лисицу желудей patronы
Разрядил без грома и огня!

Промчался ливень с грахотом и блеском.
Просторы неба снова голубы,
И снова я бросжу по перелескам
И рву грибы.

То белый гриб в берете шоколадном,
То грудинка, подобный сахарнице, рву.

Всю щекочут солнечные пятна
В лесу траву.

Вот клещи грибы мне не вс что
и все же,
Не прохожу я мимо мест грибных,
Ведь мне, признаюсь, всех грибов
дороже
Азарт, что связан с поисками их.

Пройдя частенько от края и до края,
Сажусь неторопливо на межу.
Подумать можно: я здесь дни теряю,
Тогда как я здесь годы нахожу!

III

Озерный запах в августовском зное,
Меланхоличный посвист кулика;
Вода тепла, как молоко парное,
И заводь вся качается слегка.

Я опускаю удочку к прогали.
Где нет травы, и напряженна жду.
Вот пробка ванькой-встанкой заплысала
И спустилась в воду на виду.

Я поглянул — и завинела леска.
И побежал по удилищу так..
Большущий линь сверкнул
Лягунным блеском
И где-то сзади шлепнулся в песок.

Опять клюет, еще клюет, и снова
Я извлекаю из воды линя.
Не замечая в упсенье леса,
Как обступают сумерки меня.

БИБЛИОТЕКА ОХОТНИКА

Передовой опыт в охотничье-рыболовном хозяйстве. Вып. 2. М.: Россельхозиздат, 1983. 20 000 экз. 87 с., 15 к.

Спередней выпуск сборника содержит разделы: «Работа обществ и охотничьи-рыболовных хозяйств», «Рыболовство и рыбоводство», «Лучшие люди», «Научно-техническая информация».

Всесоюзное совещание «Биосферные заповедники». Современное состояние и перспективы развития. Тезисы докладов. (15—18 декабря 1981 г.). Пущино, 1981. 600 экз., 72 с., 60 к.

В сборнике опубликованы тезисы докладов ведущих советских специалистов-экологов на Всесоюзном совещании, посвященном биосферным заповедникам. В основной части докладов обсуждались теоретические и практические вопросы организации сети биосферных заповедников на территории Советского Союза. В некоторых выступлениях руководители и научные сотрудники первых советских биосферных заповедников, утвержденных ЮНЕСКО, иллюстрировали организационный опыт и результаты исследований по программе МАЕ ЮНЕСКО на территории сибирских заповедников.

Михайлов Л. Е. Изметинский Н. Л. Ижевские охотничьи ружья. Ижевск. Удмуртия. 1982. 30 000 экз., 264 с., с ил., 75 к.

В книге рассказывается об устройстве современного дробового охотничье-го оружия, работе его отдельных механизмов, приходится описание моделей выпускаемых ижевскими мастерами, даются полезные советы по устранению основных недостатков, снаряжению патронов для стрельбы, по выбору ружья.

Читатель познакомится с краткой историей становления и развития оружейного производства в г. Ижевске.

В это второе, переработанное издание авторы включили новые главы: «Виды охоты и спортивной стрельбы» и «Производство охотничьих ружей».

Х. Г. Пысчин. О памятниках природы России. М.: Сов. Россия, 1982. 50 000 экз., 176 с., ил., 2 р., 70 к.

В книге рассказывается о проблемах, связанных с выявлением, учетом и охраной уникальных природных объектов, которые используются в научных, культурно-просветительских и эстетических целях. Подробно разбираются типы памятников — геологические, ботанические, водные, зоологические, комплексные. Освещается опыт Всероссийского, автономно-республиканских, краевых, областных и районных обществ охраны природы, в частности их работа по воспитанию населения в духе бережного отношения к окружающей среде.

А. Увесен. В бобровом лесу. М.: Мысль. 1983. 100 000 экз. 143 с., ил., 90 к.

Автор книги, норвежский писатель-натуралист, крупный популяризатор науки, фото- и кинооператор, рассказывает о способности бобров преобразовывать окружающую местность, их полезной роли в природе, о том, как постепенно накапливались наши знания об этом интересном представителе животного мира. Художественное повествование о бобрах А. Увесен сочетает с важнейшими проблемами географии и охраны природы.

БИБЛИОТЕКА ОХОТНИКА

КОГДА ОПАСЕН ЛОСЬ

Н. СОКОЛОВ

Много лет прошло с тех пор, как старый охотник поведал мне историю о смертельно раненном лосе, который бросился на человека и рухнул лишь у самых ног пурпурогенного стрелка. Напрашивался вопрос: а пытался ли зверь мстить? Может быть, ему уже было не важно направление движения, и охотник случайно оказался на его пути?

Только сравнительно недавно, работая сначала на Костромской лосеверме, а потом на лосеверме Печоро-Ильчского заповедника, мне удалось в какой-то мере понять настроение лося, увидеть, как этот зверь реагирует на те или иные раздражители.

Буквально в первые же дни своего пребывания на лосеферме пришлось столкнуться с одной из основных форм защитной реакции лося — отпугиванием. Лосиха, заметив нового человека на своей территории, стала медленно приближаться, заложив назад уши и опустив голову (рис. а). Голова ее стояла дыбом, а глаза сверкали. Вернее, сверкали белки глаз, тогда как сами глаза были как бы вывернуты из орбит, что придавало им весьма устрашающий вид. Однако я устоял перед ее написком, и лосиха, видя, что данный маневр не удался, сразу стала равнодушной и принялась обгладывать осиновые ветки. Следует обратить внимание, что страх человека лось замечает сразу и начинает активно преследовать его, причем первые признаки, указывающие на изменение в поведении зверя, появляются, когда человек окажется ближе 20—25 м.

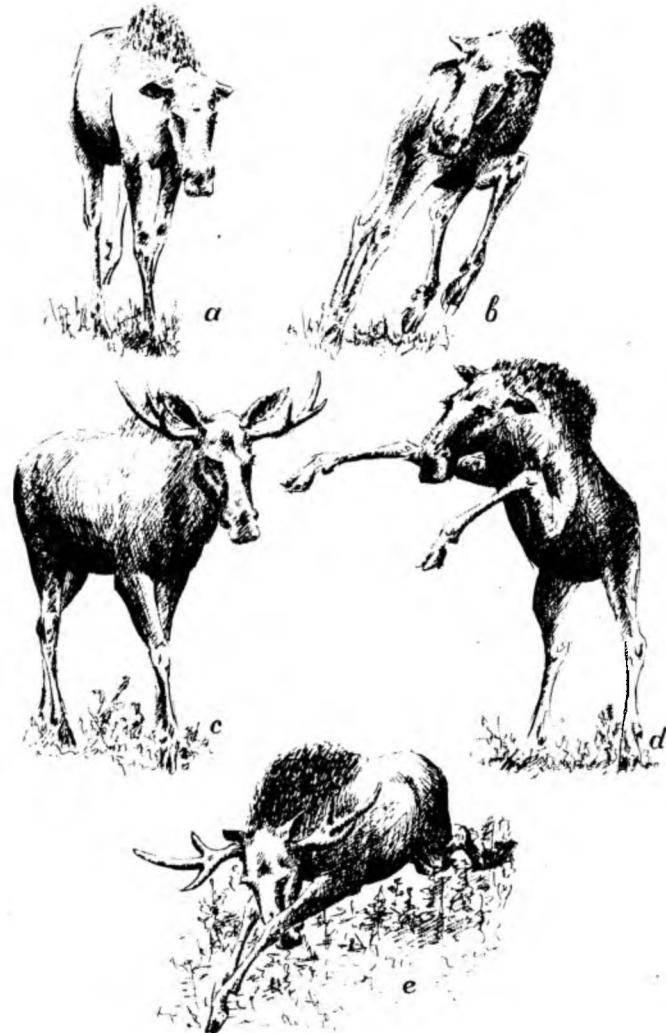
Иногда лось начинает пугать человека, с трудом пересиливая свой страх. В таком случае в его движениях чувствуется неуверенность, и внимательный человек сразу заметит готовность лося к любой момент убежать, что чаще всего и случается (рис. в). Так ведет себя животное на территории лосевермы. Что же касается поведения за переделами данного участка, то оно меняется. Лось становится осторожным, вплоть до того, что иногда, увидев человека, затаивается и пропускает его мимо. Впрочем, это правило не без исключений. Некоторые одомашненные лоси до такой степени верят человеку, что, не выказывая ни малейшего страха, подходят к охотникам, грибникам, ягодникам, другим людям в лесу, за что иногда расплачиваются жизнью. Раненный человеком одомашненный лось приходит, если это в его силах, на лосеверму. К сожалению, такого зверя лечить зачастую бывает уже поздно.

Во время гона лоси, особенно самцы, иногда теряют осторожность, но большей злобы по отношению к человеку не проявляют (рис. с). На Костромской лосеферме в такой период дикие быки почти каждую ночь взламывали изгороди и заходили в загоны к лосихам, причем одомашненного быка, то есть обладателя этих лосих и данной территории, нередко изгоняли. Все эти баталии происходили после наступления глубоких сумерек, а утром, стоило появиться человеку, как очередной дикаря сломя голову мчался к лесу, делал гигантский прыжок через изгородь и, разметав верхние жерди, исчезал в лесу. Однажды работники лосефермы предприняли попытку задержать «дикаря» в узком, длинном коридоре. Лось, поняв, что он в западне, бросился на человеческий заслон и, никого не задев, промчался мимо.

Конечно, зверь остается зверем, и привычки у него тоже звериные. Лоси довольно часто выясняют отношения с помощью копыт, и надо отдать должное их умению обращаться со своим оружием. К примеру, привязанный в кузове грузовика лось сумел сломать часть нижних бортовых досок. В другом случае у женщины, подвернувшейся под ноги лосихи, мгновенно была перебита рука. Лось бьет как задними ногами, так и передними, причем задними наносит удары назад или вбок, а передними — практически в любую сторону, но пользуется ими чаще всего при защите.

У лосей своеобразная иерархия. Случается, что довольно мелкая, но, очевидно, вздорная лосиха, поднявшись на задние ноги, барабанит передними по спине более крупной соседки (рис. d). Как-то довелось видеть, как одна лосиха пыталась укусить другую.

Лось проявляет агрессию и к человеку. Однажды я был вынужден забрать у доброй по отношению ко мне лосихи лосенка.

Горе, обида зверя, если можно так выразиться, были настолько велики, что спустя месяц, а может больше, она подкараулила меня в загоне и, отрезав пути к отступлению, пошла наближение. Между нами оказалось дерево, и лосиха после нескользких бесполезных кругов поднялась на задние ноги, уперлась грудью в ствол дерева и начала бить передними ногами, стараясь задеть обидчика. Мне, оказавшемуся между мелькавшими копытами, оставалось только ждать, когда лосихе надовет это занятие. В другом случае я преследовал по загону во время гона быка, чтобы поближе его сфотографировать. Это вывело зверя из себя, и он, коротко всхрапнув и взбрыкнув всеми четырьмя ногами, бросился за мной. Изгородь была близко, и вскарабкаться на нее было делом одной секунды. В тот же миг копыта лоси щелкнули по нижним жердям (рис. е), после чего доведенный до бешенства зверь стал бить передними копытами по луже, чтобы была рядом с изгородью, окатывая себя и меня грязью. Только после этого он успокоился и ушел.

Преувеличивать опасность нападения лося на человека вряд ли стоит, но нельзя и недооценивать ее. Как дикие, так и одомашненные лоси, особенно во время гона, опасны и к ним ни в коем случае не рекомендуется подходить близко.

БОРЗЫЕ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

В. КАЗАНИКИЙ,
эксперт всесоюзной категории

Охота с борзыми, а значит, и создание пород борзых собак в Западной Европе имеют большую давность. Племена кельтов, занимавшие еще во II тысячелетии до нашей эры большую часть Европы (между Роной и верхним Дунаем), охотились на зверей. Правда, у нас нет документальных доказательств, что добывали они животных с борзыми, но очень вероятно, что это было так. Но может быть, что в那个 давнем периоде служили им и не настоящие борзые, а травильные собаки, которым можно отвести место между борзовыми и гончими. Дело травильных собак — гнать зверя, пока его не встретит скачущий на лошади охотник и поразит своим оружием (стрела, копье), или они сами не возьмут обессилившее животное.

Более поздние сведения о кельтах дают уверенность в том, что у них были именно борзые и почти наверное можно утверждать, что это были арабские борзые слугги.

Англичане получили от кельтов борзых слугги. Но так как эта порода, созданная в странах с жарким климатом, очевидно, мало подходила к условиям Британских островов, то в течение веков от слугги вывели новую породу — грейхаунда, а позднее, видимо, от этой крупной борзой более мелкую породу — виппета (происхождение виппета от грейхаунда точно не доказано).

В «Очерке истории «борзой собаки» (1891) Г. Д. Рэзен делает краткий обзор развития охоты с борзовыми в Западной Европе и характеризует борзых, привнесшихся на этой охоте.

В средние века, сообщает он, в странах западной Европы применялись три породы борзых: крупная брудастая (дирхунд) для охоты на крупных копытных зверей (оленей, лосей) и волков; хортая (то есть грейхаунд), сходная с современной английской борзой, для охоты на зайцев; левретка (итальянская) для травли кроликов. В начале XVI столетия охота с борзовыми в Западной Европе приходит в упадок. Она уступает место парферской охоте с гончими. Несмотря на это, борзых собак ценили очень высоко. Короли держали их в такой холе, что разрешали собакам спать на королевских кроватях. Лучших рабочих борзых приобретали в Бретани, Ирландии и Шотландии, то есть из пород, созданных кельтами (вольфхунд, дирхунд).

Ирландские борзые были самыми рос-

лыми и достигали высоты в холке $27^{1/2}$ вершка, то есть метра и 15 сантиметров. Жили они в дворцах своих хозяев- aristokratov, присутствовали при их трапезах и свободно протягивали головы через плечи обедающих.

Лучшие заячьи борзые (грейхаунд В. К.) во Франции получали из Пикардии и Шампани (XVI век). Английские борзые особенно прославились в XIV столетии. Ценилась также испанская порода «гальго» и близкая к ней португальская; они были резвейшими в степи (на равнинах) и в горах, были очень резвы на коротке. В 1844 г. охота с борзовыми во Франции была запрещена. Прекратила свое существование охота с борзовыми и во всех странах Западной Европы, кроме Испании.

Но в странах Западной Европы интерес к этой собаке не угас. Есть немало любителей борзых, не расстающихся с ней из-за ее красоты, ради ее быстрых подвигов в борьбе с волком и другими хищниками, но, кроме этого, поддерживается любительское стремление иметь борзую еще и ради ее работы на кинодроме.

В настоящее время в Западной Европе разводят несколько пород борзых.

Слугги — древнейшая порода борзых, давшая целый ряд современных пород борзых. Местом ее возникновения считается Азия, арабские страны.

На западе Европы борзая слугги жила и работала в первом тысячелетии до нашей эры у кельтов, но она была забыта и потом как бы заново открыта при завоевании Альжира Францией. Теперь эта чисто охотничья порода пользуется любовью французов.

И вряд ли понимают горожане-любители, что борзая, созданная для больших пространств, в городе страдает от нарушения ритмов ее жизни, так как лишена деятельности, для которой создана. Люди, увлеченные романтической древностью породы, сквозь все века пронесшей красоту и охотничью страсть, умелость на охоте и викречную ревность, стремятся иметь это диво у себя дома, вместе с тем, хотят сохранить породу, как она есть. Для этого человек дал ей стандарт, подверг выставкам, где красота строго подчинена определенным нормам, дал ей дипломы и призы, как будто этого достаточно для сухой, холеной и любимой собаки.

Но шло время и стало видно, что порода идет к упадку. У этой добréй по-

харктеру породы собак в городе стали проявляться наряду с изнеженностью злобность, обостренная нервозность. Тогда вспомнили об охоте. Стали посещать со слугги Испанию, где в определенные периоды разрешена охота на зайцев с борзовыми и где существуют состязания борзых по вольному зверю. Но краткие поездки на охоту и на бега на кинодромах не могут удовлетворить собаку, у которой веками арабы-кочевники вырабатывали

Слугги.

безмерную неутомимость в скачке. В это же время слугги, живущие в Африке, работают, как работали многие века и ловят зверя, как и прежде.

Слугги — собака довольно рослая: рост кобелей до 70 см, сук — до 65. Голова ня тяжелая, но крупные, шире, чем у грейхаунда. Уши небольшие, треугольником, висячие. Живот подтянут не слишком резко. Хвост тонкий, без подвеса. Шерсть короткая, тонкая, мягкая. Окрас песочный или рыжеватый с мазуриной на морде.

Грейхаунд.

Грейхаунд — это собака, которую русские помещики приобретали под названием «английская борзая» ради ее исключительной ревности. Ее помесь с русской псовой называли «хортая», и это было правильно, так как первая генерация этих собак была сходна с той хортой борзой, которая встречалась на юго-западе России под названием «польский харт». Очень возможно, что этот харт имел то же происхождение, что и хортяки на пасарях русских помещиков.

В отношении злобы к зверю грейхаунд оказался слаб и для охоты на волка непригоден, но ведь на Британских островах уже давно исчез этот хищник, и не на ком было англичанам выработать у своей борзой злобу, подобную той, которая прославила русскую псовую борзую. И грейхаунд стал собакой кинодрома, так как охота с ним невозможна ни в Великобритании, ни во Франции. Зато как собака бегов, грейхаунд не имеет себе равных.

В 1947 году в Лондоне на кинодроме с дистанцией 640 м грейхаунд Дэнте II показал ревность 16,12 м/с, то есть 58 км/ч. На этом же кинодроме этот сенсационный рекорд был побит трижды разными грейхаундами: 16,14 м/с в 1961 г., 16,18 м/с в 1967 г. и 16,13 м/с в 1969 году. В 1952 году в Лондоне на ипподроме Зит-Сити с дистанцией 480 метров Ендиес Госсип на дерби показал скорость 16,85 м/с, или 60,66 км/ч.

Грейхаунд остается непревзойденным на дистанциях от 400 до 600 метров.

Внешность грейхаунда очень характерна: склонение сухое, но очень сильное. Рост кобелей = 71—76 см, сук — 68,5—71 см. Голова длинная, умеренной ширины и со слабым парвломом, уши маленькие в форме розы, тонкие. Грудная клетка очень глубокая и объемистая. Хвост длин-

ный, низко посаженный, довольно широкий у корня; носет его собака низко опущенным. Шерсть короткая и тонкая. Окрас: серый, серо-голубоватый, навярко рыжий, тигровый и другие. Пропорциональность склонения, стройность, богато развитая мускулатура — все с первого взгляда заставляет признать совершенство форм и способность этого животного к необычайно быстрой скачке.

Борзую вилпет считают происходящей от грейхаунда и бедингтон-терьера. Но хотя вилпет напоминает грейхаунда, он не является маленькой копией последнего. Корпус и особенно шея вилпета относительно короче чем у грейхаунда, голова длиннее и шире. Во всех частях своего склонения вилпет более собранный (компактный). Большинство авторов считают, что в действительности вилпет — порода чистая и древняя и что происходит она не от грейхаунда.

У французских обществ скачек борзых, существующих за счет денежных пари (тотализатор), популярность вилпета растет. На коротких дистанциях он дает скорость на уровне грейхаунда, да и на средних дистанциях способен конкурировать с грейхаундом. В Швейцарии в 1972 г. на дистанции 450 м вилпет развил скорость почти 57 км/ч. Есть сведения и еще большей ревности на сокращенных дистанциях. Вилпет — маленькая борзая. Рост кобеля 47 см, суки — 44 см. Голова длинная и сухая, широкая между глазами. Уши маленькие, тонкие, розовые. Хвост длинный, очень подвижной, держится не выше линии спины. Шерсть короткая, тонкая, гладкая. Окрас — любой.

Вольфхунд ирландский. Собака крупного роста — кобели до 79 см. Родина

его — атлантические прибрежные земли. Впервые упоминание о вольфхунде мы встречаем в IV веке. В «Истории Ирландии», написанной извозчиком Эдмундом Кампионом в 1571 г., можно прочесть: «Ирландцы не пропустят ни волка, ни собак, с которыми можно на него охотиться, тех самых, что крупней жеребенка. Облик ирландского вольфхунда подобен общему виду грейхаунда; он более объемист, как мастиф (некогда существовавшая порода огромных собак для охоты на крупного зверя, — В. К.)». Ирландцы имели собаку исключительную, которая могла сразиться с волком и способную к охоте на лося и на других крупных зверей, например на медведя. С вольфхундом продолжали охотиться вплоть до 1780 г., когда он завалил последнего волка в стране. Тогда эта порода стала декоративной.

Самый крупный экземпляр породы в настоящие времена имеет высоту в холке 96 см. Шерсть вольфхунда грубая и жесткая, одноцветная от серой до чисто-белой, включая цвета черный, коричневый, красный, оленевый. Голова длинная с бороздой между глазами, уши маленькие, как у грейхаунда. Морда длинная, заостренная, живот без резкого подряда. Хвост длинный, изогнутый. Шерсть не очень короткая.

Дирхаунд. Кельтское племя пикты создало дирхаунда. Очевидно, взяв вольфхунда, они облегчили его, чтобы приспособить для охоты на лань. Эта гипотеза весьма приемлема, но никакими документами не подтверждена.

В настоящее время следует ограничиться констатацией, что дирхаунд существовал в XV веке. Эта порода была в фаворе вплоть до XVIII века, когда охота стала привилегией элиты и дробление имени сократило количество мест обитания ланей. Тогда дирхаунд становился редкостью.

В Шотландии любители дирхаундов объединились для сохранения этой породы и за отсутствием ланей открыли скачки на зайцев на трудных территориях, где работа собак детально оценивалась. Быстрота, сила, выносливость, ловкость и смелость создали дирхаунду славу. В Англии ежегодно регистрируют около сотни родившихся дирхаундов. Часть щенков направляют в Америку, Швейцию, Голландию. Живет дирхаунд и в Канаде, Норвегии.

Более стройный, чем вольфхунд, он в общем не превышает 80 см в холке при минимуме по стандарту 75 см. Голова клиновидная, широкая между ушами, узкая к носу. Уши посажены на уровне глаз, заложены назад, как у грейхаунда. Шерсть жесткая и грубая, длиной до 8—10 см. Окрас собаки только одноцветный. Наиболее типичен серо-голубой, бывает светлее и темнее, допустимы другие окрасы, за исключением белого.

Гальто — испанская борзая. Испания была первой страной Западной Европы, где развивалась охота с борзыми. Благодаря своему географическому расположению Испания имела широкие торговые связи, и поэтому получала борзых различного происхождения. Таким образом, вполне закономерно, что гальто не смогли сохранить в Испании в нетронутом виде. Из Галлии попадали сюда борзые породы слугги, привозились и породы африкан-

Вольфхунд.

ского происхождения (египетского). В связи с этими различными влияниями облик гальго менялся: то, например, хвост закручивался, как у египетского «тезема», то стал длинным, цилиндрическим, изгибаясь лишь в своей конечной части. Влияние различных пород, очевидно, вело к разнотипности гальго.

В начале XX в. испанцы стали усиленно приливать к своим борзым кровь английской борзы — грейхаунда, что изменило экстерьер в сторону сходства с этой породой и, конечно, повысило ревность испанских борзых. Современный стандарт гальго — это, по существу, стандарт английско-испанской ломеси, что не мешает испанцам называть ее по-прежнему гальго.

Общение испанцев с английскими любителями «борзого спорта» привело к появлению в Испании нового вида скачек — на кинодроме — и популяризации нового метода скачек по электрическому «зайцу». Так, гальго Дестико II в 1949 г. на чемпионате в Испании показал скорость 58,896 км/ч.

Скачки оказались полезными и в племенном деле, помогая отбору ревнейших и вообще способнейших производителей. Федерация Гальго ведет родословную книгу. За десятилетие — с 1961 по 1970 г. — в нее записано 8193 собаки, в 1971 — 1028 собак, в 1972 г. — 1479 и в 1973 году — 1435. Эти цифры показывают, насколько сильна и многочисленна порода гальго и как популярна в Испании борзая, охота с ней и скачковый спорт.

Современный гальго сравнительно невеликая собака: рост кобелей — до 65 см, сук — до 60 см (в среднем). Голова сухая, удлиненная, узкая между ушами. Уши острые, тонкие, полувисячие, поставлены высоко и оттянуты назад. Хвост длинный, тонкий, изогнутый. Шерсть короткая и тонкая (есть жесткошерстная разновидность). Окрас коричневый, «русый» (шатен), красный, черный, рыжий, белый.

Маленькая итальянская борзая. На рисунках, дошедших до нас из древнего Египта, встречаются изображения борзой, подобной современной итальянской маленькой. Скелет борзой этой породы найден в гробнице королевы (правление ее можно отнести примерно к 3200 году до н. э.). Позже борзые этой маленькой породы попали в Грецию, а затем и в Римскую империю. Распространившись по всем странам Европы, эта маленькая собачка имела особый успех у монархов и их окружения. В послепетровскую эпоху она стала придворной собакой русских знатных особ под названием «левретка».

В конце XIX века, когда началось установление стандартов и развитие кинологии, для маленькой итальянской борзой также был написан стандарт, причем, чтобы отличить ее от английской маленькой борзой вилпет, рост левретки был сильно и совершенно искусственно ограничен. Это ограничение не позволило собаке развиваться так, как назначила ей природа. Больше полу века понадобилось кинологам и любителям, чтобы установить ее истинные качества.

Начиная от 1968 г. наконец-то маленькая итальянская борзая получила возможность стать тем, чем она была во времена фараонов. Маленькую итальянскую борзую используют в охоте на куропаток, которых она разыскивает, а также в скач-

ках на кинодромах, где ее скорость приближается к данным вилпета.

Основные черты экстерьера: очень длинная голова (40% роста). Линии черепа и морды параллельны, но перелом неизвестен, морда заостренная. Уши поставлены высоко, маленькие, слегка опущенные, сложенные пополам, лежат на затылке с приоткрытой ушной раковиной. Рост 32—38 см, максимальный вес 5 кг.

Мадьяр-агар, или венгерская борзая, не была известна Международной кинологической федерации до 1971 г. Происхождение этой венгерской породы, видимо, следует искать где-то в рамках истории слуги. Организовав скачки борзых для всех пород, венгры увидели несовершенство своего агара. Внесение крови грейхаунда несколько изменило общий вид агара, хотя и этот агар остался очень близким слуги. В последние годы упорядочена племенная работа с этими собаками и для начала 340 агаров записаны в племенную книгу (1972). По условиям жизни страны с агарами почти не охотятся, но периодически устраивают скачки по искусственному зайцу.

В основном экстерьер борзой мадьяр-агара определяется следующими чертами. Голова в форме треугольника, как при взгляде сверху, так и сбоку; череп широкий. Уши средней величины, не тонкие, поставлены высоко, могут быть полувисящими. Стоячие уши — признак непородистости. Тело сильное, живот заметно подобранный. Хвост не очень тонкий, на конце загнут. Шерсть грубоватая, короткая, гладкая, зимой очень густая. Окрас любой: сплошной, пегий, мраморный. Рост кобелей 65—70 см, сук — пропорционально меньше.

Салюки, или персидская борзая, известна на западе много веков и, по существу, не персидская и не арабская. Есть несолько

коочагов распространения этой борзы на Ближнем и Среднем Востоке, но ее прародина и место традиционного обитания — обширные степи Центральной Азии, где она обычно называется иранским словом «тазы» и к этому названию обычно добавляется название народа, среди которого она живет.

Из этих сведений напрашивается вывод, что тазы и салюки, по существу, одна порода, очевидно, состоящая из нескольких разновидностей.

На кинодромах салюки показывают недурную ревность. В 1971 г. в Швеции зарегистрирована скорость скачки салюки 51 км/ч, в 1972 г. в Швейцарии — 52 км/ч. Но ценна в породе не вспышка ревности на малом расстоянии, а способность не терять скорости на дистанции вчетверо большей, чем дорожка кинодрома. Во Франции насчитывается лишь немногого более ста салюки, но порода не грозит исчезновение, так как значительные группы этих борзых имеют Англия и другие страны.

Экстерьер салюки довольно близок к стандарту тазы: такой же рост — 60—65 см, такие же уши — висячие и в бурках, хвост некороткий и загнутый на конце с узоркой псовиной, окрасы — белый, бежевый, серый с подпалинами, трехцветный — черный с подпалинами.

Афганская борзая в Западной Европе появилась лет сто тому назад, и происхождение ее осталось неизвестным; некоторые авторы утверждают, что она очень древняя и существует, возможно, несколько тысячелетий. Афганской борзая стала особенно интересовать любителей с 20-х годов текущего века, так как возникла мода на эту породу. Необычность ее наряда, величественность походки располагают к ней любителей экзотики и оригинальности. Псовина (шерсть) европейских собак, конечно, отличается от той, которую афганка имела на родине. Получила она ее в Европе благодаря соответствующей селекции; шерсть эта очень длинная, шелковистая, мягкая. В Афганистане эту борзову применяют как выночное животное, в охоте на оленя, газель, волка, лисицу.

На Западе все эти деловые стороны афганской борзой исчезли. Впрочем, любители афганской борзы дают ей возможность показать свои способности на кинодроме. На средней дистанции афганская борзая достигает скорости 45—49 км/ч. В Америке устраивают скачки и соревнования по прыжкам афганских борзых, и этим оправдывают ее спортивное значение. Во Франции в 1975 г. насчитывалось 1700 афганских борзых, очевидно, как просто комнатно-декоративных собак.

Основные черты экстерьера: голова узкая, длинная, с выраженным затылочным бугром, морда длинная, перелом легкий, на черепе хохол из длинной шерсти, уши висячие, одутые очень длинной шерстью, на боках, ногах, шея шерсть длинная, шелковистая, но на спине короткая; хвост не большой с кольцом на конце из сросшихся позвонков, очень слабо одетый. Рост кобелей 68,5—75 см, сук — на 3 см меньше. Окрас светло-коричневый, серый и черный — оба с подпалинами; встречаются и другие окрасы. Все окрасы преимущественно сплошные.

Салюки.

А. И. Курьянов из Добринского района Липецкой области сообщил редакции о злоупотреблениях служебным положением районного охотсвода Иванова Ю. В.

Для проверки изложенного это письмо ссыдаются направил в Главохоту РСФСР.

Начальник отдела охраны и охотничего надзора А. А. Улитин ответил: по сообщению руководства госохотнадзора при Липецком облисполкому, охотовед Иванов Ю. В. за допущенные им случаи превышения полномочий и неважительное отношение к охотникам из органов государственного охотничего надзора уволен.

* * *

К. Ф. Фурса, житель Долинского района Кировоградской области, написал редакции о том, что в их районе, в населенных пунктах отстреливают бродячих собак.

Редакция попросила Исполнительный комитет Кировоградского областного Совета народных депутатов ответить, по какому праву ведется стрельба в населенных пунктах.

Секретарь исполнкома В. А. Долиняк ответил: что отстрел бродячих собак производится по письменному распоряжению председателя Новогригорьевского Первого сельского Совета т. Булавки Н. Г. Своим распоряжением он нарушил запрещение отстрела собак в населенных пунктах. Булавка Н. Г. строго предупрежден.

* * *

В журнале «Охота и охотничье хозяйство» (№ 2 за 1983 г.) была опубликована статья Б. Новикова «Проблемы охотничьего промысла. Трест коопзверопромхозов Бурятского потребсоюза полностью согласен с выкладками и предложениями автора.

С 1980 г. установлены новые сроки добывания северного оленя — с 15 сентября по 15 января. Раньше их отстреливали с 1 октября по 15 марта, и все лицензии были использованы. Сейчас же в коопзверопромхозах отстреливают очень мало оленей.

Нам кажется, что новые сроки добывания оленей установлены неправильно. На территории Бурятии обитает лесная популяция северного оленя, которая в конце января спускается с гор в долины рек. Их промысел возможен только в это время. Мы неоднократно обращались в Главохоту РСФСР с просьбой изменить сроки охоты на северного оленя, но всегда получали отказ.

Бурятский Трест коопзверопромхозов предлагает утвердить срок отстрела лесной популяции дикого северного оленя с 1 января до конца февраля — середину марта.

В феврале — марте 1983 г. во время учетных работ с вертолета в долинах рек Чая и Мама на территории Северо-Байкальского района замечена большая концентрация оленей, ресурсы которого в последние годы недопромышляются.

Г. КУРБЕТЬЕВ,
директор Треста коопзверопромхозов Бурятского

НА ЗЕМЛЯХ МЕРИДИНАХ

ФРГ. В охотничий сезон 1979/80 г. в стране было добыто: 32 154 европейских оленя, 10 959 ланей, 806 пятнистых оленей, 31 521 кабана, 669 078 косуль, 1711 муфлонов, 447 408 зайцев, 536 193 кролика, 369 378 фазанов, 46 402 серые куропатки, 10 373 вальдшнепа, 1449 гусей, 424 424 утки, 559 225 диких голубей, 163 374 лисицы, 5186 лесных куниц, 38 445 каменных куниц, 73 164 хорька и горностая, 1842 енотовидные собаки, отстреляны 439 954 вороньи и сороки.

Цены на охотничью продукцию составляют (в марках ФРГ) за 1 кг мяса: европейского оленя (средний выход 64 кг), кабана (45 кг), косули (13 кг) — 9,5; лань (50 кг), пятнистого оленя (30 кг) — 10,5; муфлона (20 кг) — 8 марок; заяц — 16; кролика — 3; фазана — 9; серую куропатку — 7; вальдшнепа — 5; дикого гуся — 11; дикой ути — 6; дикого голубя — 2,5; лисицу — 50; барсука — 60; куницу — 70; хорька и горностая — 3,5 марки. Общая стоимость мясной и шкурковой продукции охоты составляет 150 942 000 марок ФРГ.

Цены на живых диких животных составляют (в марках ФРГ): европейский олень (высококачественный самец) — 3 — 15 тыс., небольшой самец — 1 — 3 тыс., самка — 1—1,5 тыс., олененок — 0,8—1,0 тыс.; косуля (самец) — 0,8—1,2 тыс., самка — 0,6—0,8 тыс., косуленок — 0,55 тыс.; кабан-самец — 0,6—0,8 тыс., самка или подсвинок — 0,4—0,8 тыс., поросенок — 120—250, заяц — 150, сурок — 150, тетерев — 200, фазан — 25, за пару серых куропаток — 50—75 марок.

В ФРГ, как и в некоторых других странах, ежегодно перед очередным сезоном охоты выпускается обстоятельный карманный справочник охотника. В нем приводятся сведения об охоте и охотничьем законодательстве, сроках и нормах добчи дичи в отдельных административных районах страны, охотничих трофеях и охотчем оружии,дается перечень охотничьих участков; в отдельном разделе содержится статистика ФРГ и других европейских стран.

ФРАНЦИЯ. В сезон 1979/80 г. в стране было добыто 8800 благородных оленей, 62,5 тыс. косуль, 57,2 тыс. кабанов, 365 муфлонов, 3740 сурок, 190 ланей. За 1973/74—1979/80 гг. максимальная добыва оленей приходится на последний сезон, косуля (67,6 тыс. шт.) и кабан (6,1 тыс. шт.) — на 1978/79 г.

Швейцария. В стране имеется 275 тыс. охотников. В 1979 г. они добыли: 100 тыс. лосей, 66 тыс. косуль, 72 тыс. лисиц, 15 тыс. барсуков, 16 тыс. кроликов, 105 тыс. зайцев-беляков, 52 тыс. зайцев-русаков, 79 тыс. кроликов, 69 тыс. крьс, 49 тыс. других уток, 27 тыс. белых куропаток, 18 тыс. тетеревов, 12 тыс. глухарей, 12 тыс. рябчиков, 16 тыс. вальдшнепов, 78 тыс. диких голубей.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ. В сезон 1980/81 г. в Шотландии охота на самцов европейского оленя была разрешена с 1 июля по 20 октября, самок с 1 августа по 30 апреля; на самцов ланей с 1 августа по 30 апреля, самок с 21 октября по 15 февраля; на самцов косуль с 1 мая по 20 октября, самок с 21 октября по 28 февраля; на самцов кабанов с 1 августа по 30 апреля, самок с 21 октября по 15 февраля.

ЧЕХОСЛОВАКИЯ. Поголовье муфлонов в Словакии за 1975—1981 гг. возросло с 2400 до 2700 при соотношении самцов к самкам от 1:1,25 (1975 г.) до 1:1,18 в 1981 г. Естественная гибель муфлонов составляла 22—32 особей в год (исключая 1979 г. — 225 голов). План отстрела в эти годы был увеличен с 694 голов до 1025, но выполнялся он лишь на 65,8—74,7%. За шесть лет охоты трофеи от 9 муфлонов получили золотые медали, 20 — серебряные, 24 — бронзовые. Планируется довести поголовье муфлонов до 3500 особей.

США. Зимой 1981 г. свыше 3 тыс. канадских кэзеров погибли в топях и озерах Висконсина и к востоку от Фон-дю-Лак в следствие отравления свинцом. Предполагается, что общая гибель от свинцового отравления составляет 2,5 млн. уток, гусей и лебедей в год. Подобное положение объясняется чрезвычайно высокой интенсивностью охоты на уток и гусей в Северной Америке. В 19 штатах используется свинцовая дробь при охоте на водную дичь запрещено полностью (сейчас заменяется стальной), в 11 — частично.

КНР. Фермы по разведению оленевых, созданные почти во всех провинциях и автономных районах, выращивают ежегодно около 200 тыс. животных: кабарожек, пятнистых, благородных и северных оленей. Себестоимость 1 кг оленевых пантов составляет 84 юаня, в Гонконге их реализуют по 100 долларов за 1 кг.

В стране имеется 64 природных резервата, занимающих в общей сложности 1,7 млн. га (0,17% общей территории Китая). В них запрещена хозяйственная деятельность. Среди специализированных резерватов островные: на о. Няш Дао для охраны водоплавающих птиц и на о. Шадас — для охраны амурской леопарда.

ТАНЗАНИЯ. После длительного перерыва в стране возобновлена организованная охотничья сафари, пользующаяся большой популярностью у иностранных охотников и приносящая большие доходы в валюте. Основные объекты охоты: лев, леопард, саблерогий антилопа, куду, слон. Организация сафари поручена Национальной корпорации дикой природы. Одновременно в Танзании усиливается борьба с браконьерством, укрепляется служба охотничьего надзора.

ЮАР. Национальные зоологические парки страны организовали станцию по разведению гепардов в наволе. За пять лет существования на станции родились 170 особей. Наблюдения, проведенные за тремя выпущенными хищниками, рожденными в наволе, показали, что способность ловить и убивать добычу у гепардов врожденная, но они не всегда могли правильно выбрать доступную жертву (в частности, пытались напасть на буйвола). Две проблемы тревожат исследователей — выращенные в наволе и выпущенные в природу гепарды не боятся людей, кроме того, неизбежны агрессивные столкновения с дикими гепардами.

ЗА ПАЛЫ — НАКАЗАНИЕ

Дорогие товарищи!

Я живу в Баргузинском районе Бурятской АССР и 20 лет являюсь охотником-любителем. В журнале № 1 за 1983 г. я прочитал статью Бориса Петрова «Стгнение бедствий» и также хочу выразить свое возмущение по поводу этих палов.

Всегда у нас, когда птицы, да и все зверушки — ондатры, сасаник, хорки — начинают выводить свое потомство, жгут все угодья. А земли совхозы и колхозы на все охотники водорами и берега загоняют тракторы и косыни камыш, весь подряд. Не остается ни одной целой хатки, где бы ондатра могла гнездиться. Наши коопзверопромхозы обращаются в вышестоящие органы за помощью, но все бесполезно. Работники коопзверопромхозов стараются запретить все работы, связанные с вредными последствиями для природы, но практически их никто не слушает, и все их старания сводятся к нулю.

Но можно же косить не весь камыш, а 5—6 метров оставлять вокруг озер. Да и небольшие огромные кучи скопившегося камыша тоже идут под огнь.

Я думал, нужно дать прямую службу коопзверопромхозам, чтобы они привлекали такие штрафы нарушителям, как в лесном хозяйстве.

А. МОЛЧАНОВ,
с. Нестериха,
Бурятская АССР

БОЛЬШЕ УДАЧНЫХ ВЫСТРЕЛОВ!

С пас-Дамбекским районом Калужской области богат племенами, зверем и птицей. Но большой вред охотничьему и сельскому хозяйству стали наносить волки. Охотники занялись их отстрелом. В 1981 г. было уничтожено 34 волка, в 1982 г. — 39.

Одним из самых опытных коллективов считается коллектив Павловского охотовхоза, который возглавляет Павел Степанович Никитин.

Много лет Павел Степанович изучал повадки волков. Творческие знания и практика дали прекрасные результаты. В 1982 г. он один уничтожил 16 хищников. Тогда-то П. С. Никитин решил, что коллектива охота будет более удачливой, чем охота в одиночку. Он возглавил бригаду волчатников, куда вошли Н. А. Данченко, В. Ф. Булычев, М. Т. Зайцев, В. С. Левин, С. В. Карпов и П. Н. Черняев. В январе этого года на одной из областных охот повели бригаду. На его номер вышли четыре волка, Павлу Степановичу удалось уложить трех.

Все члены бригады отлично работают в совхозе «Дубровский». За добросовестный труд в сельском хозяйстве многие отмечены правительственными наградами.

Желаю этому прекрасному

коллективу больших успехов в труде и больше удачных выстрелов.

А. СМИРНОВ,
председатель
районного общества
охотников и рыболовов

14 марта этого года охотники А. Смирнов и П. Суле окружили 10 волков и сообщили об этом охотоведу Я. Петрусовичу. Тот оперативно собрал коллектив. В этот день было уничтожено шесть хищников: Павлако В. Саусиншу, А. Смирнову, Ю. Кримулису, В. Путиншу и П. Смирнову. 17 марта окружили еще двух волков. На этот раз счастливчиками оказались Н. Покровский и А. Войциш.

Ю. КРОМУЛИС,
охотник Балтского
городского охотовхоза
Латвийской ССР

УЩЕРБ ВОЗМЕЩЕН

Чабаны первого отделения совхоза «Нефтекумский» окончили свой трудовой день, решив отдохнуть за часы чай. Из соседней кошмы приехал старший чабан Гаджиев Сулайман. Спокойное чаепитие было внезапно прервано. Дети, заметившие приближающегося чабана, сообщили об этом своим родителям. Вооружившись односторонним ружьем и одним патроном, Абдуллаев Магомед направил на зверя сабак. Он выстрелил и ранил кабана. В это время подбежал сын Абдуллаева и, думая, что зверь мертв, ударил его ногой. В тот же миг кабан вскочил и мощными клыками стал наносить удары отцу и сыну. Тогда Гаджиев Сулайман, схватив монтировку, ударил кабана, но тут же был наказан за свою дерзость. Тогда Гаджиев С. кинулся к своей «Ниве», забрал ее и тараном добил зверя.

После «удачной» охоты все пострадавшие были доставлены в больницу. Ну в кабан! Его предали горю, по распоряжению врача санэпидстанции Г. М. Бордюшко, который без всяких анализов дал новобранцам заражение, что зверь бешеный. У гостехнадзора — другое мнение. Потревшившие после их выздоровления — возместили ущерб, нанесенный госохотовхозу.

П. РОЛЬСКИЙ,
старший охотовед
г. Нефтекумск
Ставропольский край

НАШ КОЛЛЕКТИВ

Наш охотничий коллектив приestationи Семипалатинск Алма-Атинской железнодорожной дороги насчитывает более 100 человек. Руководит им Иван Ермолаевич Ачимов. С его помощью наладили порядок в охотовхозе на озере Сассыкуль, которое мы арвили уже более десяти лет. На его берегу стоят два списанных вагона, которые мы приспособили и оборудовали под жилье охотников. У причала — более 20 лодок.

Для того чтобы из озера не вытекала вода, со стороны низины мы подняли берег, сделав насыпь длиной в две километра и высотой до двух метров. Для подпитки озера водой к насосной станции Дельбекетай была прорыта канава, в которую уложили цементные трубы. Организовали и принимали активное участие в этой большой и трудоемкой работе И. Е. Ачимов, В. Т. Белонесы, Ю. И. и В. И. Каиновы, ветеран охотколлектива В. И. Турлячин, а также партийная и профсоюзная организация.

Мне хочется еще немножко сказать о механизме водонапорной станции, егеря коллектива В. И. Турлячин. Этот человек необыкновенной доброты, очень любящий природу. Он принимал активное участие во всех наших делах и охраняет хозяйствство. Никаких поблажек не дает он людям, нарушающим правила охоты.

В восстановлении и благоустройстве нашего охотниччьего хозяйства помогают общественные охотинспекторы А. Томилов, В. Горин и М. Меркулов.

С. МАЛЬЦЕВ,
член охотовхоза
г. Семипалатинск
Казахская ССР

СОВЫ — РЫБОЛОВЫ

Погожим, августеским вечером я стоял в камышах на утийской зарыке. Судя краине уже висела у меня на поясе, но больше утки не прилетали. В воде у берега плавали стрелевые папковые гильзы. Значит, сегодня на этом болоте удача мне больше не будет. Вчера вчера здесь охотники, как говорят, уткам «дарили хороши». Теперь распутанные птицы прилетят сюда на ночную кормежку не раньше как через неделю. Уходить домой не хотелось: не слышалось противного звука комаров, вечерний воздух стягивал влагомоки ласточки, тихо напевали сумерки. Скрипом мельнили бекасы и сели в осоку посередине болота. Невдалеке за кустами росистый комей, доказывая пшеничное поле.

Вот над водой бесшумно скользнули две птичьих силуэтов. Я вздрогнул, скаж ружье. Нет, это не утки. Это две набольшие совы. Но почему они кружат над водой, а не летят на живые, где могли бы полакомиться мыши? Может, они ищут подранков?

Вдруг одна из птиц пала на воду, как чайка, заметившая рыбью. Поднявшись вверх, она полетела сторицей склоненного поля. Другая сова, покрупнее, села на воду у самого берега. Часто маша крыльями, она пролетела от меня всего в двух метрах. В ее когтях при лунном свете блеснула бронзовым блеском карась. Я был поражен. Нередко мне приходилось наблюдать сов, круживших над водоемами. Я считал, что они ищут подранков или ловят молодых утят, но чтобы эти ночные хищники ловили рыбью — никому бы не поверил, даже не увидев своим глазами.

Б. КОПЫЛОВСКИЙ

ЛЕОПАРД В ДАГЕСТАНЕ

№ 12 нашего журнала за 1982 г. была опубликована статья Т. Спасской и М. Сандаклиевой «Леопард в Дагестане». Согласно материалам проверки, проведенной работниками госохотинспекции при Совете Министров ДАССР, отстреля леопарда в Гумбетовском районе Дагестанской АССР произошел при следующих обстоятельствах. 28 ноября 1981 г. жители села Игами Гумбетовского района М. Шихалиев и М. Гасанов возвращались домой из соседнего хутора. Примерно в 3 км от села им пересек дорогу прихрамывающий, раненый не виданный зверь, таивший за собой капкан. В магазине присутствии многих односельчан они рассказали об этой встрече.

Присутствовавший там чабан колхоза им. Мичурина Р. Шихалимов сообщил, что капкан установил он на волка, который периодически нападал на его огород и наносил большую урон общественному животноводству. Он попросил М. Шихалиева и М. Гасанова показать место, где, по их мнению, мог находиться зверь. И вот все трое без ружей отправились по следу. Когда они дошли до места лежки, М. Гасанов, пройдя в лесопарк, приблизился к леопарду.

В броске животное опрокинулось М. Гасанов и стянуло рвать и мять его. Чувловек, опомнившись от наважденности и страха, схватил камень, выбил зубы зверю и освободился от его когтей.

В момент схватки М. Гасанов с леопардом его товарищ, побежавший сзади за охотником, который и застрелил разъяренного зверя. До привеза работников госохотинспекции ни участники отстрела, ни жители села не знали, что это животное — леопард.

На имевшие необходимые средства и опытных специалистов, освободить от капкана разъяренного зверя никто не мог, а оставить его в таком состоянии представляло серьезную опасность для жителей окружающих сел.

Работники госохотинспекции, привозившие расследование факта отстрела леопарда, пришли к выводу, что он добыт в порядке самозащиты. М. Гасанов оказался серьезно раненным, и длительное время находился на излечении в районной больнице.

В настоящие времена два леопарда обитаются в Лакском, один в Гумбетовском районах, имеются сведения о наличии этого зверя в Казбековском районе. Охотсведомства этих районов ведутся разъяснительная работа о важности сохранения редких и ценных видов диких животных, в частности леопардов. Готовится статья на эту же тему для опубликования на страницах республиканских газет.

А. КУДАЕВ,
начальник госохотинспекции
при Совете Министров ДАССР

ГОЛУБОЙ ПЕСЕЦ НА ВЕТКЕ

«С ветки за ней наблюдают голубой
песец или землеройка белка».
Из статьи «Тайга без выстрелов»

Юрий Коренец. Повесть «Володины братья»

Володя смотрел на березу: по ярко-белой мокрой коре воинственно бегала взад-вперед маленькая птичка — выюрок-драчун. Эта птичка — черная с голубоватым отливом, с желтым брюхом и белым, задорно поднятым хвостиком — всегда жаждала с ком-нибудь податься, даром что сама крохотная — от земли на вершок!

Стр. 21

Он видит, как они выкрадываются на лыжах из чащи и натыкаются на медведицу! Володя застывает на месте от страха: медведица сидит в развороченной берлоге и тяжело дышит — темно-коричневая, осыпанная снегом, неуклюже расставляя над большим животом с прилипшими к нему прошлогодними листьями передние лапы, — и тяжело стонет... Володя уловил ее взгляд — странно-мягкие, подернутые дымкой глаза... Сердце у Володи заныло, он повернул голову — увидел, как брат Иван поднимает руки. В тот же момент страшно закричал дедушка, стоявший рядом с Иваном. Дедушка ударил палкой по стволу Иванова ружья — громыхнул выстрел, снег посыпался сверху пышными струями, а медведица — увидел Володя — все сидит и стонет, будто рядом никого нет...

Потом слезы и снег застлали Володе глаза, он почувствовал, как дедушка Мартемьян обнимает его за плечи и тащит в сторону... И тут за их спинами раздался высокий, пронзительный звук, но не медведицы — это родился маленький медвежонок...

Никогда не забудет Володя того случая в тайге! Век будет помнить! Ушли они тогда, слава Богу, от роженицы; спасибо дедушке Мартемьяну, что брат Иван промазал...

Стр. 32

Привел Володю к себе серенький зайчик. Зайчик лежал под огромным лиловым валуном — маленький, серенький. Володя пригляделся и увидел вдруг, что зайчик дышит и смотрит на Володю огромными выпуклыми глазами, но не двигается. Увидел Володя, что зайчик весь обгорел — усы обгорели, и ресницы, и на боках, тяжело поднимавшихся с каждым вздохом, — вздувшаяся от ожогов голова кока... Тут-то Володя пришел в себя. Жалко ему стало этого зайчика, еще жальче, чем самого себя.

Володя медленно стянул грязную, обгоревшую куртку, снял рубаху, тоже грязную и оторвал от нее подол. Он постирал подол в ручье, выжал его, положил на валун. Зайчик все смотрел на Володю начальными глазами, не двигаясь, тяжело дыша. Он внимательно наблюдал, как Володя ползает по земле на коленях, осторожно срывая с моховых подушек желтсватые споры. Потом Володя вернулся к зайчику, снял с валуна влажный тряпичный жгут, сел рядом.

— Лечиться будем, — сказал Володя с улыбкой, и зайчик моргнул обгоревшими, без ресниц, веками.

Володя развернул влажный жгут, оторвал от него несколько полос, сложил, потом размял в ладонях споры и насыпал на тряпочки.

— Лежи тихо! — приказал Володя, хотя заяц и так спущен ся.

Приложив к его ранам влажные тряпочки с прилипшими спорами, Володя забинтовал зайчика, осторожно приподнимая его, тщательно перевязал все раны, потом опять положил зайчика под камень и встал.

— Лежи тихо, — повторил Володя, — а когда пойдешь, не стражай позывки... Ну, пока!

Стр. 111—112

Евгений Максимов. «Глухаринский звон»

Тихо и пусто еще в полях. И вдруг из дальней дали, где горюнится еще непробудившийся лес, доносится протяжно-грустный звон.

Вслушайтесь внимательно в этот звон! В нем тоска и даже жалоба... Это поет глухарь. Где-то на опушке, подставив воронью грудь всполохам востока, краснобровый и лирохвостый, он поет самозабвенно, порой подпрыгивая на суху.

Газета «Рабочий путь» от 1 марта 1983 г. Смоленская область

На островах Малой Курильской гряды поселились редкие камчатские бобры — каланы... И вот в 1952 году на острове Уруп редкого зверя обнаружили сахалинские учены. Небольшую по-

пуляцию редких ластоногих взяло под охрану государство: бобры размножились.

Газета «Лесная промышленность» от 5 апреля 1983 г.

В. ПЛЕШАКОВ. «Перепелки в городе»

Необычно крупные серые птицы купались в глубоком снегу, сидели на ветки и клевали обмерзшие ягоды с яблонь-дичек. Прохожие удивленно их разглядывали и гадали, что это за гости прибыли в город. Бывалые охотники определили: в самом центре города, в сквере у памятника В. И. Ленину обосновалась стайка перепелок.

Они весело прыгали по веткам и, не обращая внимания на людей, жили своей жизнью, что-то курлыка друг другу.

Газета «Ленинское знамя» от 5 марта 1983 г. Северо-Казахстанская область, Кзыл-Сор

ЛЮБОПЫТНАЯ ВСТРЕЧА

Стояла солнечное летнее утро. Наша плоскодонка подошла к берегу Свияги. Михаил Кузьмич остался у лодки, а я зашагал по густой траве вдоль берега.

Вдруг почва подо мной расступилась, и я провалился одной ногой почти по самое колено. Из образовавшейся ямки выскочил длинноухий, большеглазый зверек на длинных задних ногах.

От неожиданности я даже испугался и лишь потом разглядел крупного тушканчика. Он почему-то не убегал, а затаился вблизи, за кустиком, и поглядывал на меня большими черными выразительными глазами. Его длинные ушки стояли торчком.

Я подошел к нему ближе. Тушканчик прижал ушки к спине, отпрыгнул в сторону и вновь затаялся у бугорчика, где росли крупные лопухи. Чувствовалось, что зверек боится меня, но почему-то уходить не хочет.

Я возвратился на то место, где провалился, и, немного расширив отверстие, обнаружил норку тушканчика. В ней лежали два слепых и беспомощных, таких же длинноногих, как мать, детеныши. Я расчистил их постель от земли и взял малышей в руки. Они стали прижиматься к моим теплым ладоням. Вдруг я увидел рядом тушканчика-мать, которая не спускала с моих рук взгляда. Зверьков я тотчас положил обратно в норку. Тушканчик-мать тут же прыгнула в сторону и исчезла, словно сквозь землю провалилась...

Возвратившись к лодке, я рассказал Михаилу Кузьмичу об этой любопытной встрече. Он выслушал меня и сказал:

— Ври больше, может, ты с ним за руку здоровался?

— За руку не удалось, а знакомство состоялось самым настоящим образом. Если не веришь, пойдем покажу.

— Пойдем, — поднялся Михаил Кузьмич, — знаю я таких, как ты, рыбаков, которым и приврать ничего не стоит.

Как только мы приблизились к заветному месту, тушканчик выскочил из норки и беспокойно запрыгал вокруг. Он уже успел прибрать в норке, выбросить землю, расчистить завал. Каково-то время спустя тушканчик-мать не выдергала. Увидев, что мы стоим спокойно, она влетела в норку, проверила малышей, убедившись, что с ними все в порядке, и выскочила наверх. Обскакала вокруг нас и присела напротив, всем своим видом и взглядом говоря: «Уходите отсюда, не беспокойте меня своим присутствием...»

— Какой милый зверек, какой красавец! Заметил, какие были глаза у этого тушканчика: сколько в них озабоченности и тревоги за своих малышей. Ах, какой милый зверек, какой красавец! — восхищался всю обратную дорогу Михаил Кузьмич. Его было не узнать.

И. ХАЙРУДИНОВ

ВЛИП

День был знойный. Асфальт единственной в поселке улицы настолько размяк, что продавливался каблуками.

Я пошел в лес, но и там был духовой, парной воздух, не дававший прохлады.

Внезапно сквозь кусты орешника замечал на большой сосне, метрах в полутора от земли, какое-то движение. Подойдя ближе, увидел поползня. Эта птица мастерски умеет лазать по деревьям, даже вниз головой.

На сосне были наплыви жидкости от жары смолы. Поползень попал одним крылом в смолу и прилип. Я вырезал вместе с корой кусок смолы и понес горемыку домой освобождать от липучки.

П. МОЧАЛОВ

ОБМАНУЛО ЧУЧЕЛО

Это озеро я знал давно. Оно находилось далековато от моей избушки, но было рыбное, богатое водоплавающей дичью, а вокруг него, на моховых болотах, в изобилии росла клюква. Как-то в период пролета уток решил сходить туда похотиться. Взял с собой несколько чучел, купленных в сельмаге, и одно, подаренное мне товарищем. Оно было надувное, сделанное из тонкой резины, устойчивое, с яркой, довольно броской окраской.

Пришел на озеро в середине дня. Времени на устройство засидки-скрадка до вечерней зорьки было с избытком. Место для нее выбрал подходящее. В берег озера вдавался мелкий залив с чистой водой, поросший редкой осокой, почти на середине его находился небольшой сухой островок, к которому можно легко пройти в болотных сапогах. На островке рос большой раскидистый куст ивняка, окруженный высокой травой. Здесь я сделал себе хорошее укрытие. Спустил на воду чучела. Среди чучел чутко выделялся подарок товарища. Резиновая уточка плывала как настоящая.

Незаметно началась вечерняя заря. Кто был в Карелии, тот знает, какие красивые зори здесь бывают. Просто залюбувшись переливами красок в небе.

Легкий порыв ветерка погнал мои чучела в озеро, схватив за леску, я начал подтягивать их к себе. Раздался сильный вслеск. Мелькнуло тело огромной рыбы, и мое надувное красивое чучело — подарок товарища исчезло с поверхности воды. Леска сильно натянулась. Схватив ее, я начал тащить, она на какой-то момент хак-будто за что-то зацепилась, потом тут же пошла легко, без всякого сопротивления.

Красивое чучело превратилось в комок порванной резины. Схватить чучело могла только щука, других крупных рыб в этом озере не водилось.

Именно она, соблазнившись похожим на утку чучелом, схватила его, как схватывают блесну. Оказалось, что чучело утки может служить приманкой не только для уток, но и для щук.

Г. КОКАРЕВ

Фото А. СЕВАСТЬЯНОВА

В НОМЕРЕ:

ЛЫВОВ И. Охотничье хозяйство в колхозе	1
ЗАБЕЛИНА Н. Заботы Шихаходского заповедника	3
ПЕТРОВ М. Биотехнизация тувинских лесов	4
ГЛУШКОВ Л. Каким должен быть Дом охотника	5
ПИЛКАУСКАС Г., ЖИВИКАС Э., СТРАВИНСКАС В. Фазен- водство в Литве	6
Что, где, когда	7
ЧЕРНЫШЕВ В. «Почему я перебрался в Уоян»	8
ПАВЛИНОВ Н. Лось глазами лесоводы	10
УСПЕНСКИЙ С. Крупные хищники и человек	12
ПЛЯСКИН В. Медведи Чаткала	14
БАБКИН В. Пыжи и прокладки к дробовым патронам . .	16
БАРАНОВ В. Изменить сроки промысла	16
Рефераты охотоведческих работ	17
«Круглый стол» «Охоты и охотничьего хозяйства»	
Проблемы заповедного дела	
ФИЛИОНОВ К. Управление природой заповедников	18
АРМАНД А. Стратегия научных исследований	19
ЖИМУД М. Гнездование травника в искусственных пневмодомысях	20
Совещание по редким животным	21
СОЛЮСЬЕВ И. Русская псовая Борзая: легенды и быль .	22
БЕЗДЕМНЫХ С. Садки псовых борзых на злобу	25
ПОЛЯКОВ Д. Стрельба на вскичу	26
ШИШКИН И. Где отремонтировать ружьи?	28
ШОКАРЕВ Ю. Знаменитые ружья. Лефоше	30
ПЫЖОВ В. «Старший брат своих герояев»	32
ЖИТКОВ Борис. Мышики	33
ПЕТРОВ Борис. В начале августа	34
РАПОПОРТ О. С тундрой шутить нельзя	38
СЕМЕНОВ Владимир. ШУБИН Александр. Стихи	40
Библиотека охотника	40
СОКОЛОВ Н. Когда опасен лось	41
КАЗАНСКИЙ В. Борзы в Западной Европе	42
На земных меридианах	45
Письма читателей	46
На привале	47

Главный редактор О. К. Гусев

Редакционная коллегия:

А. Т. Банников, М. М. Блюм, С. В. Болденков,
Т. В. Висяящев, В. А. Галактионов, Д. В. Житенев
[зам. главного редактора], А. М. Колосов, А. И. Ко-
рольков, Л. П. Никифоров, Я. С. Рusanov, В. Г. Са-
фонов, А. А. Севастьянов, С. М. Успенский,
Ю. П. Язан.

Художественно-технический редактор В. И. Просвирина
Корректор Н. Н. Михайлова

Сдано в набор 24.05.83. Подписано к печати 10.06.83.
T-13625. Формат 60×90^{1/8}. Печать глубокая. Усл. печ. л. 6
Усл. кр.-отт. 11,5. Уч.-изд. л. 10,10

Тираж 740 000 экз. Заказ 1184.

Адрес редакции: 107807, ГСП, Москва, 5-53, Садовая-
Спасская, 18
Тел. 207-20-91, 207-24-05.

Орден Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфи-
ческий комбинат ВО «Союзполиграфпром» Государст-
венного комитета СССР по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли
г. Чехов Московской области

ГНЕЗДО КРЕЧЕТА

До настоящего времени во всем ареале гнездования кречета от Кольского полуострова до Чукотки известно около двадцати его гнезд. Этот сокол занесен в Красную книгу СССР, как вид, находящийся под угрозой исчезновения, и каждый случай его гнездования представляет бесспорный интерес.

В время экспедиционных работ в лесотундре юго-западной части Таймыра 16 июля 1980 г. мы обнаружили живое гнездо кречета в районе среднего течения реки Макус—Комюстах. Массивное, из сухих веток гнездо располагалось на лиственице на высоте около 4 м. Основанием его служила толстая ветка в средней части дерева. Снаружи на гнезде висело большое количество птичьего пуха, а под гнездом было найдено три полувысохших общипанных туши ныроков, а также задняя лапа зайца-беляка. В гнезде находились два больших уже оперившихся птенца. Лоток гнезда, по-видимому, был неглубоким, и птенцы хорошо просматривались с земли. Взрослые птицы при нас дважды подлетали и ненадолго садились к птенцам.

Через два дня, когда мы посетили гнездо снова, кречеты уже не подлетали к нему. На расстоянии около 100 м раздавались хриплые крики «къяк-къяк-къяк», иногда вдали мелькал силуэт пролетающего сокола. Птенцы сначала вели себя спокойно, затем птенец покрупнее перебрался с края гнезда на соседнюю толстую ветку. Минут через десять за ним последовал второй. Устроившись на ветвях в 2–3 м от гнезда, молодые кречеты просидели около получаса, потом взмахнули крыльями и один за другим исчезли среди деревьев.

В июле 1982 г. мы снова были в тех местах. Гнездо оказалось нежилым, но кречетов в этом районе видели. По всей вероятности, они гнездились где-то неподалеку.

Д. ПУПАВКИН
Фото автора

К СВЕДЕНИЮ ВЛАДЕЛЬЦЕВ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЖИВОТНЫХ

Страхование крупного рогатого скота, лошадей и верблюдов, принадлежащих гражданам, проводится в двух формах — обязательной и добровольной.

По обязательному страхованию крупный рогатый скот, лошади и верблюды застрахованы в размере 40% стоимости по государственным закупочным ценам. Заключив договор добровольного страхования указанных животных, размер страховой суммы можно увеличить вдвое.

Страхование овец, коз, свиней, ослов и мулов проводится только в добровольном порядке в пределах 80% их стоимости, исчисленной по закупочным ценам.

Страховое возмещение выплачивается в случае падежа животных от болезней и гибели в результате пожара, взрыва, удара молнии, действия электрического тока, солнечного или теплового удара, землетрясения, наводнения, обвала, бури, урагана, бурана, града, замерзания, удушения, нападения зверей, внезапного отравления ядовитыми травами или веществами, укуса змей или ядовитых насекомых, а также когда животное утонуло, попало под средство транспорта, упало в ущелье или погибло от других травматических повреждений.

Страховое возмещение выплачивается также в случае вынужденного убоя [уничижения] животных в результате несчастных случаев и других событий.

Страховые платежи можно внести путем безналичных расчетов через бухгалтерию по месту работы или наличными деньгами страховому агенту.

Подробнее ознакомиться с условиями страхования и заключить договор можно в инспекции Госстраха или у страхового агента.

